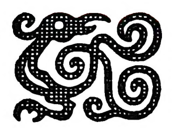
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

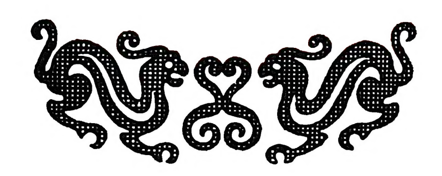
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

诗经

ШИЦЗИН

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ
А. А. ШТУКИН и Н. Т. ФЕДОРЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1957

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Н. Т. ФЕДОРЕНКО

Поэтическая редакция
А. Е. АДАЛИС

ОТ РЕДАКЦИИ

«Книга песен и гимнов» («Шицзин») является древнейшим поэтическим памятником китайского народа, оказавшим огромное влияние на развитие китайской классической поэзии.

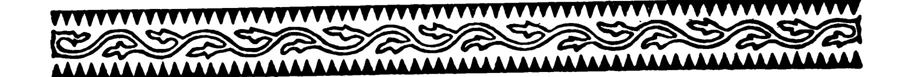
Полный перевод «Книги песен» на русский язык публикуется впервые. Поэтический перевод «Книги песен» сделан советским китаеведом А. А. Штукиным, посвятившим работе над памятником многие годы. А. А. Штукин стремился дать читателям научно обоснованный, текстуально точный художественный перевод. Переводчик критически подошел к китайской комментаторской традиции, окружившей «Книгу песен» многочисленными наслоениями философско-этического характера, а также подверг критическому анализу работу европейских исследователей и переводчиков этого памятника.

Вместе с тем по состоянию здоровья переводчику не удалось полностью учесть последние работы китайских литературоведов — исследователей «Книги песен». В ряде случаев А. А. Штукин придерживается традиционного комментаторского понимания текста, в то время как китайские литературоведы дают новые толкования тех или иных мест памятника.

Поэтическая редакция текста «Книги песен» сделана А. Е. Адалис. Послесловие написано доктором филологических наук Н. Т. Федоренко. Комментарий составлен А. А. Штукиным. Редакция комментария сделана В. А. Кривцовым.

НРАВЫ ЦАРСТВ

I

ПЕСНИ ЦАРСТВА ЧЖОУ И СТРАН, ЛЕЖАЩИХ К ЮГУ ОТ НЕГО

ВСТРЕЧА НЕВЕСТЫ

(I, I, 1)

Утки, я слышу, кричат на реке предо мной.
Селезень с уткой слетелись на остров речной...
Тихая, скромная, милая девушка ты,
Будешь супругу ты доброй, согласной женой.

То коротки здесь, то длинны кувшинок листы,
Справа и слева кувшинки, срываю я их...
Тихая, скромная, милая девушка ты.
Спит иль проснется — к невесте стремится жених.

К ней он стремится — ему недоступна она,
Спит иль проснется — душа его думой полна:
Долго тоскует он, долго вздыхает о ней,
Вертится долго на ложе в томленье без сна.

То коротки здесь, то длинны кувшинок листы,
Справа и слева мы их соберем до конца...
Тихая, скромная, милая девушка ты,
С цитрой и гуслями мы встретим тебя у крыльца.

То коротки здесь, то длинны кувшинок листы,
Мы разберем их, разложим их в дар пред тобой.
Тихая, скромная, милая девушка ты...
Бьем в барабан мы и в колокол — радостный бой.

СТЕБЛИ ПРОСТЕРЛА ДАЛЕКО КРУГОМ КОНОПЛЯ

(I, I, 2)

Стебли простерла далеко кругом конопля,
В самой долине покрыла собою поля.
Вижу густые, густые повсюду листы;
Иволги, вижу, над нею летают, желты.
Иволги вместе слетелись меж частых дерев.
Звонкое пенье несется ко мне сквозь кусты.

Стебли простерла далеко кругом конопля,
В самой долине покрыла собою поля.
Вижу листва ее всюду густа и пышна,
Срезав, ее отварю — созревает она.
Тонкого, грубого я наткала́ полотна,
Платьям из ткани домашней останусь верна!

Старшей над нами я все доложила — она
Скажет супругу, что еду в родные края.
Дочиста платье домашнее вымою я.
Будет сполоснута чисто одежда моя.
Только не знаю, какой же наряд полоскать.
Еду проведать отца и родимую мать.

«МЫШИНЫЕ УШКИ»

(I, I, 3)

В поле травы — там «ушки мышиные» рву я —
Но корзины моей не смогла я набрать.
О любимом моем все вздыхаю, тоскуя,
И корзину кладу у дороги опять...

Подымаюсь ли вверх по скалистому склону —
Истомилися кони и труден подъем.
Я вина наливаю в кувшин золоченый,
Чтобы вечно не думать о милом моем.

Подымаюсь ли я на крутые отроги —
У коней побурели от пота бока,
Налила я вином тяжкий рог носорога,
Чтобы сердце не ранила больше тоска.

Еду ль на гору я — за горою мой милый,
Но коней обессилила горная даль,
И возница теряет последние силы,
И на сердце такая печаль.

НА ЮГЕ У ДЕРЕВА ДОЛУ СКЛОНЯЮТСЯ ВЕТВИ

(I, I, 4)

На юге у дерева долу склоняются ветви —
Ползучие травы кругом обвивают его.
О, радость моя — только он — этот муж благородства,
Пусть благо и счастье всегда окружают его.

На юге у дерева долу склоняются ветви —
Ползучие травы укрыли так плотно его!
О, радость моя — только он — этот муж благородства,
И верность, и счастье да будут оплотом его.

На юге у дерева долу склоняются ветви —
И травы кругом постепенно обвили его.
О, радость моя — только он — этот муж благородства!
Да, благо и счастье навек пусть возлюбят его.

САРАНЧА

(I, I, 5)

Ты, саранча, распростершая крылья,
Стаей несметной летаешь всюду.
Пусть же всегда у тебя в изобилье
Дети и внуки рождаться будут.

О саранчи крылатые стаи,
Мерно в полете крылами звените.
Пусть ваши внуки, вечно летая,
Род ваш продлят непрерывной нитью.

Ты, саранча крылатая, всюду
Вместе летаешь сплошною тучей.
Дети и внуки твои да будут
Вечно роиться роем могучим!

ПЕСНЬ О НЕВЕСТЕ

(I, I, 6)

Персик прекрасен и нежен весной —
Ярко сверкают, сверкают цветы.
Девушка, в дом ты вступаешь женой —
Дом убираешь и горницу ты.

Персик прекрасен и нежен весной —
Будут плоды в изобилье на нем.
Девушка, в дом ты вступаешь женой,
Горницу ты убираешь и дом.

Персик прекрасен и нежен весной,
Пышен убор его листьев густых.
Девушка, в дом ты вступаешь женой —
Учишь порядку домашних своих.

ОХОТНИК

(I, I, 7)

Заячью сеть он в порядке расставить сумел,
Колья вбивает — удар за ударом звучит.
Этот охотник силен и отважен и смел —
Нашему князю он прочная крепость и щит!

Заячью сеть он в порядке расставить сумел
В месте, где девять путей разбежались вокруг
Этот охотник силен и отважен и смел —
Нашему князю он добрый товарищ и друг.

Заячью сеть он в порядке расставить сумел,
Заячью сеть расставляет он в чаще лесной.
Этот охотник силен и отважен и смел —
Сердцем велик он и доблести с князем одной.

ПОДОРОЖНИК

(I, I, 8)

Рву да рву подорожник —
Все срываю его.
Рву да рву подорожник —
Собираю его.

Рву да рву подорожник —
Рву все время его.
Рву да рву подорожник —
Чищу семя его.

Рву да рву подорожник —
Вот в подол набрала.
Рву да рву подорожник —
В подоле понесла.

РЕКА ХАНЬ ШИРОКА

(I, I, 9)

Там, под деревом юга с прямым стволом,
Не укрыться в тени никогда,
Бродит девушка там над рекою Хань —
Недоступна она и горда.
Как простор этих ханьских вод широк!
Переплыть их никто никогда не мог.
Вдоль великого Цзяна на утлом плоту
Не уплыть далеко на восток.

Я вязанку высокую дров нарубил,
Я добавил терновника к ней.
В дом супруга сегодня вступаешь ты —
Покормлю на дорогу коней.
Как простор этих ханьских вод широк!
Переплыть их никто никогда не мог.
Вдоль великого Цзяна на утлом плоту
Не уплыть далеко на восток.

Я вязанку высокую дров нарубил,
Чернобыльником крыта̀ она.
В дом супруга сегодня вступа́ешь — я дам
Лошадям твоим резвым зерна.
Как простор этих ханьских вод широк!
Переплыть их никто никогда не мог.
Вдоль великого Цзяна на утлом плоту
Не уплыть далеко на восток.

ВДОЛЬ ПЛОТИНЫ ИДУ

(I, I, 10)

Вдоль плотины иду я над водами Жу.
Там срезаем мы ветви и рубим стволы.
О супруг благородный, давно я не вижу тебя!
И, как голод томящий, страданья мои тяжелы.

Вдоль плотины иду я над водами Жу.
Там я ветви рублю и побеги у пней.
О супруг благородный, я вижу тебя!
Ты вернулся, не бросил подруги своей.

Лещ устал — покраснели уж перья хвоста.
Царский дом нас, как зной, истомил неспроста.
Но хотя он томит нас как будто огнем,
Слишком близок к огню наш родительский дом.

ЛИНЬ-ЕДИНОРОГ

(I, I, 11)

Линя стопы милосердья полны —
То благородные князя сыны.
О линь-единорог!

Как благородно линя чело —
Ныне потомство от князя пошло.
О линь-единорог!

Линь, этот рог у тебя на челе —
Княжеский доблестный род на земле.
О линь-единорог!

II

ПЕСНИ ЦАРСТВА ШАО И СТРАН, ЛЕЖАЩИХ К ЮГУ ОТ НЕГО

ВЫЕЗД НЕВЕСТЫ

(I, II, 1)

Сорока свила для себя гнездо —
Голубка поселится в нем.
В пути новобрачная, сто колесниц
Встречают ее с торжеством.

Сорока свила для себя гнездо —
Голубка его займет.
В пути новобрачная, сто колесниц
Ей вслед выступают в поход.

Сорока свила для себя гнездо —
Голубка займет его.
В пути новобрачная, сто колесниц
Венчают ее торжество.

КУВШИНКИ ИДЕТ СОБИРАТЬ ОНА

(I, II, 2)

Кувшинки идет собирать она,
В пруду их срывает у островков.
Она приготовит свои цветы,
И жертвенник князю будет готов.

Кувшинки идет собирать она
В протоке средь сжатых горами вод.
Она приготовит свои цветы
И в княжеский храм сама принесет.

Она в накладной прическе стоит,
Там, в храме, до света — смиренен вид.
Неспешно и тихо идет назад:
Вернется она, исполнив обряд.

ЦИКАДА В ТРАВЕ ЗАЗВЕНИТ, ЗАПОЕТ

(I, II, 3)

Цикада в траве зазвенит, запоет,
И прыгнет кузнечик зеленый — сверкнет!
Супруга давно уж не видела я,
И сердце тоскует — скорбит от забот.
Я знаю: лишь только увижу его,
Лишь только с дороги я встречу его,
Как боль в моем сердце утихнет — пройдет.

На южную гору взошла я — пора
Там папоротник молодой собирать.
Давно уж супруга не видела я —
Уж скорбное сердце устало страдать.
Я знаю: лишь только увижу его,
Лишь только с дороги я встречу его,
Как в сердце мне радость вернется опять.

На южную гору взошла я, теперь
Там папоротник собираю давно.
Давно уж супруга не видела я,
Поранено сердце — тоскует оно.
Я знаю: лишь только увижу его,
Лишь только с дороги я встречу его,
Как сердце утешится, мира полно.

ТРАВЫ ВОДЯНОЙ НАБРАЛА...

(I, II, 4)

Травы водяной набрала и полыни
В потоке, бегущем по южной долине.
Прилежно зеленые руппии рвет
У края струящихся медленно вод.

Растения собраны, нужно сложить их
В корзинах прямых и овалом плетенных;
В корзины сложила и будет варить их
В треножниках медных, в котлах плоскодонных.

Для жертвы она установит все это
Под окнами храма с востока и с юга.
О, кто же блюдет так усердно все это?
То юная, чистая сердцем супруга.

ПАМЯТЬ О ДОБРОМ ПРАВИТЕЛЕ

(I, II, 5)

Пышноветвистая дикая груша растет;
Ты не руби, не ломай ее пышных ветвей —
Шао-правитель под ней отдыхал на траве.

Пышноветвистая дикая груша растет;
Листьев не рви, не ломай ее веток рукой —
Шао-правитель под нею изведал покой.

Пышноветвистая дикая груша растет;
Ты не ломай ее пышные ветви, не гни —
Шао-правитель садился под нею в тени.

ПЕСНЯ О НЕВЕСТЕ, ОТВЕРГАЮЩЕЙ ЖЕНИХА

(I, II, 6)

Этой ночью роса увлажнила пути,
Рано ночью возможно ль идти?
Я скажу ему: много росы на пути.

Кто же скажет: у птичек рога не растут?
Воробьи под пробитою кровлей живут.
Кто же скажет, что ты не помолвлен со мной?
Ты меня призываешь на суд.
Пусть меня призываешь на суд, говорят,—
Не окончен наш брачный обряд.

Кто же скажет: клыков нет у мыши лесной.
Что прогрызла ограду в саду?
Кто же скажет, что ты не помолвлен со мной?
Ты меня призываешь к суду.
Что же, пусть ты меня призываешь к суду,—
За тебя все равно не пойду.

В ШУБАХ ОВЧИННЫХ ИДУТ ОНИ В РЯД

(I, II, 7)

В шубах овчинных идут они в ряд...
Шелком пять раз перевит ваш наряд,
Яства отведать от князя домой
Мирно уходят, и радостен взгляд.

Шубы из шкурок барашка новы
Шелком прострочены белые швы...
С видом довольным из княжьих ворот
Яства отведать выходите вы.

Шелком прошитая шуба добра!
Взгляд благосклонен — ведь кушать пора.
Шелком пять раз ваш наряд перевит —
С княжьего вышли степенно двора.

ГУЛКО ГРОХОЧЕТ ГРОМ

(I, II, 8)

Гулко грохочет гром —
Там, от Наньшаня на юг.
Как ты ушел? Ведь гроза кругом!
Ты отдохнуть не посмел, супруг!
Милый супруг мой, прошу об одном:
О, возвратись же скорей в наш дом!

Гулко грохочет гром —
Там, где Наньшаня склоны круты.
Как ты ушел? Ведь гроза кругом!
Но задержаться не смеешь ты.
Милый супруг мой, прошу об одном:
О, возвратись же скорей в наш дом!

Гулко грохочет гром —
Там, у Наньшаня, внизу.
Как ты ушел? Ведь, гроза кругом!
Дома побыть не посмел в грозу.
Милый супруг мой, прошу об одном:
О, возвратись же скорей в наш дом!

ПЕСНЯ О ДЕВУШКЕ, СОБИРАВШЕЙ СЛИВЫ

(I, II, 9)

Слива уже опадает в саду,
Стали плоды ее реже теперь.
Ах, для того, кто так ищет меня,
Мига счастливей не будет, поверь.

Сливы уже опадают в саду,
Их не осталось и трети одной.
Ах, для того, кто так ищет меня,
Время настало для встречи со мной.

Сливы опали в саду у меня,
Бережно их я в корзинку кладу.
Тот, кто так ищет и любит меня,
Пусть мне об этом скажет в саду.

ЗВЕЗДЫ

(I. II, 10)

Сколько малых звезд на небосводе!
Ярких — три иль пять на весь Восток.
К князю я спешу, лишь ночь приходит...
С князем я — рассвета близок срок...
Звездам дал иное счастье рок.

Много малых звезд на небосводе,
Светит Мао, Шэнь уже видна.
К князю я спешу, лишь ночь приходит,—
Одеяло принесет жена...
Звезд судьба и наша — не одна!

ДЕВУШКА ШЛА К ЖЕНИХУ

(I, II, 11)

Так с Цзяном сольется протока волна...
Та девушка шла к жениху.
С собою нас брать не хотела она,
С собою нас брать не хотела она,
Потом стосковалась одна.

Так воды сливаются за островком...
Та девушка шла к жениху.
С собой ты нас взять не хотела в свой дом,
С собой ты нас взять не хотела в свой дом,
Была ты нам рада потом.

Тэ в Цзян возвращает поток своих вод...
Та девушка шла к жениху.
Она собралась, только нас не берет,
Да жалко ей стало, что нас не берет,
И свищет теперь и поет.

УБИТАЯ ЛАНЬ НА ОПУШКЕ ЛЕСНОЙ

(I, II, 12)

Убитая лань на опушке лесной,
Осокою белой обвил ты ее.
У девушки думы на сердце весной —
О юный счастливец, пленил ты ее.

В лесу низкорослый дубняк шелестит.
Убитый олень на опушке лежит,
Он белый осокой вокруг перевит.
А девичья прелесть, как яшма, блестит.

«Потише, потише, не трогай меня,
Коснуться платка не позволила я,
Не трогай — залает собака моя».

СВАДЬБА ЦАРЕВНЫ

(I, II, 13)

Как дикая вишня густа и пышна!
Одетая ныне в цветочный наряд...
И разве не скромная строгость видна
В строю колесниц этой внучки царя?

Как слива и персик густы и пышны!
Цветы распустились сегодня на них.
То внучка Пин-вана, невеста-краса.
Сын циского князя — царевны жених.

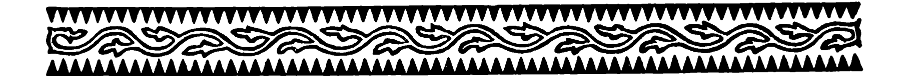
Что нужно тебе, чтобы рыбу удить?
Из шелковых нитей витая леса!
Сын циского князя — царевны жених,
То внучка Пин-вана, невеста-краса.

ЦЗОУ-ЮЙ (БЕЛЫЙ ТИГР)

(I, II, 14)

Как пышно разросся камыш над рекой...
Пять вепрей убиты одною стрелой...
Вот, Белый наш тигр, ты охотник какой!

Густой чернобыльник стоит как стена.
Стрела — пятерых поразила одна...
Вот, наш Цзоу-юй, ты охотник какой.

III

ПЕСНИ ЦАРСТВА БЭЙ

ПЕСНЬ ЗАБЫТОЙ ЖЕНЫ

(I, III, 1)

Так кипарисовый челн уплывает легко —
Он по теченью один уплывет далеко!
Вся я в тревоге и ночью заснуть не могу,
Словно объята тяжелою тайной тоской,—
Не оттого, что вина не нашлось у меня
Или в забавах найти б не сумела покой.

II

Сердце — не зеркало, всей не раскроет оно
Скорби моей, что таится в его глубине.
К братьям пойти? — Но и братья родные мои
Быть не сумеют надежной опорою мне!
Как я пойду им поведать печали одни,
Зная, что встречу у них лишь неправедный гнев?

III

Сердце мое — ведь не камень, что к почве приник,
Сердце мое ведь не скатишь, как камень с холма!
Сердце мое — не вплетенный в циновку тростник,

Сердце мое не свернуть, как циновки в домах!
Вид величав мой, поступки разумны всегда —
В чем упрекнуть меня можно? Не знаю сама.

IV

Сердце мое безутешной печали полно.
Толпы наложниц меня ненавидят давно!
Много теперь я познала скорбей и обид.
Сколько мне тягостных бед испытать суждено!
Думы об этом в глубоком молчанье таю.
Встану и в грудь себя бью — не заснуть все равно.

V

Солнце на небе, и месяц по небу поплыл —
Мрак, почему не луну ты, а солнце сокрыл?
Точно нечистой одеждой, тоской облеклось
Сердце мое, и печаль мою сбросить нет сил.
Думы об этом в глубоком молчанье таю,
Птицей бы я улетела, да не дано крыл!

ОДЕЖДА ЗЕЛЕНОГО ЦВЕТА

(I, III, 2)

Одежда на вас зеленого цвета,
Вы желтый мой шелк для подкладки избрали.
Печаль моего одинокого сердца —
О, где же конец постояной печали?

Супруг мой, одежду зеленого цвета
На желтой сорочке вы носите всюду.
Печаль моего одинокого сердца —
О, как же тоску и печаль позабуду?

Одежды — зелеными были шелками,
Шелка для одежд выбирали вы сами.
Я, древних людей вспоминая, стараюсь
Себя уберечь от вины перед вами.

Я в холст облекаюсь то в тонкий, то в грубый,
Мне в стужу согреться под ним не под силу.
Я, древних людей вспоминая, стараюсь
Вновь дух обрести в своем сердце унылом.

ТО ЛАСТОЧКИ

(I, III, 3)

I

То ласточки, вижу, над нами летают кругом,
Их крылья неровные, вижу, мелькают вдали.
Навеки она возвращается ныне в свой дом!..
Ее провожаю до края родимой земли.
И вслед ей смотрю я, уж взору ее не догнать,
И слезы мои, изобильны, как дождь, потекли.

II

То ласточки, вижу, над нами летают кругом...
То падают вниз, то взлетают опять в вышину.
Навеки она возвращается ныне в свой дом...
Далеко ее провожаю в родную страну!
И вслед ей смотрю я, уж взору ее не догнать,
Стою неподвижно, и слезы струятся опять.

III

То ласточки, вижу, над нами летают кругом,
Их крики то ниже, то к небу поднимутся вдруг...
Навеки она возвращается ныне в свой дом,
Далеко, далеко ее провожаю на юг...
И вслед ей смотрю я, уж взору ее не догнать,
И сердце мое преисполнено боли и мук.

IV

Правдива душою была она, Чжун-госпожа,
Была беспредельною сердца ее глубина.
Всегда благородной душою тепла и добра,
Была непорочной, к себе была строгой она,
И памятью князя, покойного мужа, всегда,
Бодрила подругу, что доблестью сердца бедна!

ПЕСНЬ ЗАБЫТОЙ ЖЕНЫ

(I, III, 4)

Солнце и месяц, вы свет земле
Шлете, плывя в вышине!
Древних заветы забыл супруг,
Стал он суров к жене.
Или смирить он себя не мог —
Взор свой склонить ко мне?

Солнце и месяц, не вы ль с высот
Льете на землю свет?
О, почему же любви ко мне
В сердце супруга нет?
Или смирит он себя? Найдет
Чувство мое ответ?

Солнце и месяц, радует нас
Вашим восходом восток!
Слава худая идет про него,
Что муж мой со мной жесток.
Если бы смог он себя смирить,
Забыть меня разве мог?

Солнце и месяц, с востока вы
Всходите день за днем!
Мать и отец! Ведь вам меня
Не прокормить вдвоем.
Разве он может смирить себя?
Отклик найду ли в нем?

ВЕТЕР ВСЕ ДУЕТ...

(1. III. 5)

Ветер все дует... Он и порывист и дик.
Взглянешь порою и мне улыбнешься на миг.
Смех твой надменен, без меры насмешлив язык!
Скорбью мне смех твой в самое сердце проник.

Ветер все дует, клубится песок в вышине...
Нежен порою, придти обещаешь ко мне;
Только обманешь, ко мне ты забудешь придти! —
Думы мои бесконечно летят в тишине.

Ветер все дует — по небу плывут облака,
День не истек, все плывут и плывут облака.
Глаз не сомкнуть мне — я ночью заснуть не могу. .
Думы и вздохи о нем, и на сердце тоска.

В тучах все небо, нависшие тучи черны,
Глухо рокочет, гремит нарастающий гром...
Глаз не сомкнуть мне, я ночью заснуть не могу —
Все мои помыслы, все мои думы — о нем!

ЛИШЬ БАРАБАН БОЛЬШОЙ УСЛЫХАЛ

(I, III. 6)

Лишь барабан большой услыхал —
Сразу вскочил, оружие взял.
Рвы там копают в родной земле,
В Цао возводят высокий вал.

К югу идем мы за рядом ряд,
Сунь благородный ведет солдат,
Мир уже с царствами Чэнь и Сун —
Все ж не хотят нас вести назад!

Горе сердца сжимает нам.
Здесь отдохнем, остановимся там...
Вот распустили коней своих,
Будем их долго искать по лесам.

Жизнь или смерть нам разлука несет,
Слово мы дали, сбираясь в поход.
Думал, что, руку сжимая твою,
Встречу с тобой я старость свою.

Горько мне, горько в разлуке с тобой,
Знаю: назад не вернусь я живой.
Горько, что клятву свою берегу,
Только исполнить ее не могу.

ПЕСНЬ О СЫНОВЬЯХ, КОТОРЫЕ НЕ СУМЕЛИ ПОКОИТЬ СТАРОСТЬ МАТЕРИ

(I, III, 7)

Южного ветра живительный ток
Веет, лелея жужуба росток.
Стали красивы и нежны ростки —
Высохла мать от забот и тоски.

Южного ветра живителен ток,
Вырос жужуб, теплым ветром согрет.
Ты, наша мать, и мудра и добра,
Добрых детей у тебя только нет!

В местности Сюнь есть источник один —
Много несет он студеной воды
Семь сыновей нас, а мать и теперь
Тяжесть несет и труда и нужды.

Иволга блещет своей красотой,
Тонкие трели выводит вдали.
Семь сыновей нас у матери, мы
Дать ее сердцу покой не смогли!

КАК ПЕСТРЫЙ ФАЗАН ДАЛЕКО УЛЕТАЕТ

(I, III, 8)

Как пестрый фазан далеко улетает —
Медлителен крыл его плавный полет.
Не так ли супруг мой, всем сердцем любимый,
Сам бедной мне горе разлуки несет?

Далеко фазаний самец улетает,
Крик слышен то снизу, то вдруг с высоты...
Не сам ли супруг благородный, любимый,
Мне сердце наполнил страданием ты?

Взгляну ли на солнце, взгляну ли на месяц,
Все думы мои лишь о нем, лишь о нем!..
Но в путь он собрался, я знаю, далекий.
Когда же он снова вернется в свой дом?

Но кто ж из людей благородных не знает,
Что доблестен муж мой в поступках и строг?
Нет алчности в нем, нет завистливой злобы!
О, разве б он сделать недоброе мог?

У ТЫКВЫ ЗЕЛЕНЫЕ ЛИСТЬЯ ГОРЬКИ...

(I, III, 9)

У тыквы зеленые листья горьки...
Глубок переход через воды реки.
Глубок — я в одеждах пройду по нему,
А мелок — край платья тогда подниму.

Поток набухает, разлиться готов;
Лишь самки фазаньей мне слышится зов.
Колес не покроет разлив этих вод...
Любимого самка фазана зовет!

Уж слышны согласные крики гусей,
Лишь солнце взойдет поутру горячей.
В дом мужа уходит невеста, пока
Еще не растаял весь лед от лучей.

Зовет перевозчик меня на беду!
Все в лодку садятся, а я не иду...
Все в лодку садятся, а я не иду...
Я друга желанного жду!

ПЕСНЬ ОСТАВЛЕННОЙ ЖЕНЫ

(I, III, 10)

I

Ветер с восточной подул стороны,
Дождь благодатный принес, пролетев...
Сердцем в согласии жить мы должны,
Чтоб не рождались ни злоба, ни гнев.
Репу и редьку мы рвали вдвоем —
Бросишь ли репу с плохим корешком?...
Имя свое не порочила я,
Думала: вместе с тобою умрем.

II

Тихо иду по дороге... Гляди,
Гнев и печаль я сокрыла в груди.
Недалеко ты со мною прошел,
Лишь до порога меня проводил.
Горьким растет, говорят, молочай —
Стал он мне слаще пастушьей травы!
Будто бы братья, друг другу верны,
С новой женою пируете вы!

III

Мутною кажется Цзин перед Вэй,
Там лишь, где мель, ее воды чисты.

С новой женою пируете вы,
Верно нечистою счел меня ты?
Пусть на запруду не ходит она
Ставить мою бамбуковую сеть...
Брошена я, и что будет со мной? —
Некому стало меня пожалеть!

IV

Если поток и широк, и глубок —
К берегу вынесут лодка иль плот;
Если же мелок и узок поток —
Путник легко по воде побредет...
Был и достаток у нас, и нужда,
Много я знала трудов и забот.
Я на коленях служила больным
В дни, когда смерть посещала народ.

V

Нежить меня и любить ты не смог,
Стал, как с врагом, ты со мною жесток.
Славу мою опорочил, и вот —
Я, как товар, не распроданный в срок.
Прежде была мне лишь бедность страшна,
Гибель, казалось, несет нам она...
Выросла я у тебя; и одна
Стала отравой для мужа жена.

VI

Как он хорош, мой запас овощей!
Зимней порой защитит от беды.
С новой женою пируете вы —
Я лишь защитой была от нужды.
Гневен со мной ты и грубый такой,
Только трудом одарил и тоской.
Или забыл ты, что было давно?
Что лишь со мною обрел ты покой?

ЗАЧЕМ, О ЗАЧЕМ МЫ НИЧТОЖНЫ, БЕДНЫ

(I, III, 11)

Зачем, о зачем мы ничтожны, бедны,
Вдали от родимой своей стороны?
Иль здесь не для вас собрались мы, о князь,
Где едкая сырость и жидкая грязь?

Зачем, о зачем мы ничтожны, бедны,
Вдали от родимой своей стороны,
Назад не идем? Из-за вас без вины
В росе и грязи мы здесь мерзнуть должны!

ВЗРОСЛА КОНОПЛЯ НАД ПОЛОГИМ ХОЛМОМ

(I, III, 12)

Взросла конопля над пологим холмом,
Уж стелятся стебли широко кругом.
О старшие родичи наши, увы,
Прошло столько дней, мы всё помощи ждем!

Зачем же в поход не сбирается рать,
Иль, может, союзников надобно ждать?
Так долго зачем не выходит она?
О, верно тому быть причина должна!

Из лис наши шубы сносились не в срок.
Иль шли колесницы не к вам на восток?
О старшие родичи наши, от вас
Сочувствия нет, ваш обычай жесток.

Остатки, осколки мы рати былой —
В скитаньях не знаем приюта себе.
О старшие родичи наши, у вас
Улыбка, но уши закрыты мольбе.

ПЕСНЬ ТАНЦОРА

(I, III, 13)

Я плясать всегда готов
Так свободно и легко...
Над высокою площадкой
Солнце в полдень высоко.

Рост могучий, я — танцор,
Выхожу на княжий двор...
Силой — тигр, берет рука
Вожжи — мягкие шелка.

Вот я в руки флейту взял,
И перо фазанье сжал,
Красен стал, как от румян,—
Князь мне чару выпить дал.

На горе орех растет
И лакрица меж болот...
Думы все мои о ком?
Там, на западе, есть дом,
В нем красавица живет —
Там, на западе, живет!

ПЕСНЬ ЖЕНЫ ОБ ОСТАВЛЕННОМ РОДНОМ ДОМЕ

(I, III, 14)

Поток выбегает к далекому Ци.
Стремится волна за волной.
Так сердце, тоскуя о Вэй, что ни день
Исполнено думой одной.
Прекрасные милые сестры, под стать
Нам дружный совет меж собою держать.

Нам в Цзи по дороге пришлось ночевать
И чару прощальную в Ни выпивать...
Коль девушка замуж выходит, она
Отца оставляет, и братьев, и мать.
Теперь бы я теток увидеть могла
И с старшей сестрой повидаться опять!

В пути ночевать мы остались бы в Гань,
Мы б чару прощальную ро́спили в Янь,
Мы б смазали медь на концах у осей,
Чтоб шли колесницы обратно живей,
Мы б скоро домчались обратно до Вэй —
Коль зла не боялись для чести своей!

Одна Фэйцюань в моих думах — река,
Ей вечные вздохи мои и тоска.

Там помню я Цао и Сюй города —
К ним сердце в печали стремилось всегда.
Коней бы запрячь мне и мчаться туда,
Чтоб скорбь разлилась, как из чаши вода!

ВЫШЕЛ Я ИЗ СЕВЕРНЫХ ВОРОТ

(I, III, 15)

Вышел я из северных ворот,
В сердце боль от скорби и забот —
Беден я, нужда меня гнетет —
Никому неведом этот гнет!
Это так, и этот жребий мой
Создан небом и судьбой самой —
Что скажу, коль это жребий мой?

Службой царскою томят меня,
Многие дела теснят меня,
А приду к себе домой — опять
Все наперебой корят меня.
Это так, и этот жребий мой
Создан небом и судьбой самой —
Что скажу, коль это жребий мой?

Службы царской труд назначен мне,
Труд все больше давит плечи мне,
А приду к себе домой — опять,
Кто из близких не перечит мне?
Это так, и этот жребий мой
Создан небом и судьбой самой —
Что скажу, коль это жребий мой?

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

(I, III, 16)

Северный ветер дыханьем пахнул ледяным,
Снежные хлопья упали покровом густым...
Если ты любишь, если жалеешь меня,
Руку подай мне — вместе отсюда бежим.
Можем ли ныне медлить с тобою, когда,
Все приближаясь, надвинулась грозно беда?

Северный ветер... Пронзительный слышится вой —
Снежные хлопья летят над моей головой.
Если ты любишь, если жалеешь меня,
Руку подай мне — в путь мы отправимся свой.
Можем ли ныне медлить с тобою, когда,
Все приближаясь, надвинулась грозно беда?

Край этот страшный — рыжих лисиц сторона.
Признак зловещий — воронов стая черна.
Если ты любишь, если жалеешь меня,
Руку подай мне — у нас колесница одна!
Можем ли ныне медлить с тобою, когда,
Все приближаясь, надвинулась грозно беда?

ТИХАЯ ДЕВУШКА

(I, III, 17)

Тихая девушка так хороша и нежна!
Там, под стеною, меня ожидает она.
Крепко люблю я, но к ней подойти не могу;
Чешешь затылок, а робость, как прежде, сильна

Тихая девушка так хороша и мила!
Красный гуань в подарок она принесла.
Красный гуань сверкает, как будто в огне;
Как полюбилась краса этой девушки мне.

С пастбища свежие травы она принесла,
Как хороши и красивы побеги травы!
Только вы, травы, красивы не сами собой —
Тем, что красавицей милой подарены вы!

НОВАЯ БАШНЯ

(I, III, 18)

Светла эта новая башня, ярка,
Под ней полноводная плещет река...
Ты к милому мужу стремилась — и вот
Больного водянкой нашла старика.

Там новая башня чистейшей стеной
Над ровною высится гладью речной...
Ты к милому мужу стремилась, тебе
Старик стал супругом — опухший, больной!

Для рыбы речная поставлена сеть,
Да серого гуся поймала она...
Ты к милому мужу стремилась — и вот
В супруги больного взяла горбуна!

ДВОЕ ДЕТЕЙ САДЯТСЯ В ЛОДКУ

(I, III, 19)

Двое детей садятся в лодку простую,
Тени, я вижу, на глади колеблются вод,
К ним я душою стремлюсь в думе о детях:
В сердце сомненье, в сердце тревога растет.

Двое детей садятся в лодку простую,
Лодка, колеблясь, уходит по глади воды.
К ним я душою стремлюсь в думе о детях —
В сердце тревога: не было б с ними беды.

IV

ПЕСНИ ЦАРСТВА ЮН

КИПАРИСОВЫЙ ЧЕЛНОК

(I, V, 1)

Кипарисовый этот челнок унесло,
И плывет он средь глади речной...
Ниспадали две пряди ему на чело,
Был он муж мне, и клятва осталась со мной:
Я другому до смерти не буду женой.
Ты, о мать моя, вы, небеса в вышине.
Отчего вы не верите мне?

Кипарисовый этот челнок унесло
Вдоль по краю реки, без весла...
Ниспадали две пряди ему на чело,
Он единственный мой был, я клятву дала,
Что до смерти не сделаю зла.
Ты, о мать моя, вы, небеса в вышине,
Отчего вы не верите мне?

ЧЕРТОПОЛОХ

(I, IV, 2)

Так на стене чертополох растет,
Не справится с колючками метла,
Как о гареме нашем есть молва —
Ее поведать я бы не могла.
Когда б ее поведать я могла —
Как было б много и стыда и зла!

Так на стене чертополох растет,
Его не вырвешь, заросла стена.
О гинекеях наших есть молва —
Ее передавать я не должна.
О, если все я передать должна —
Я знаю, будет речь моя длинна.

Так на стене чертополох растет,
Его колючки не связать в пучок,
О гинекеях наших есть молва —
Никто из нас пересказать не мог.
Но если б ты ее поведать мог —
Какой позор! Как будет суд жесток!

С СУПРУГОМ ВМЕСТЕ ВСТРЕТИШЬ СТАРОСТЬ ТЫ

(I, IV, 3)

С супругом вместе встретишь старость ты...
В подвесках к шпилькам яшмы белизна,
В наколке ты — спокойна и стройна,
Как горный пик ты, как река плавна.
В наряд узорный ты облачена.
Но если в сердце нет добра — зачем
Нарядом украшается жена?

Он ярко блещет — пышный твой наряд,
Фазанами расшитый, расписной!
И словно туча чернь твоих волос —
В прическе нет ни пряди накладной,
И яшмовые серьги у тебя,
Слоновой кости гребень твой резной,
Твое чело сияет белизной.
И кажется: с небес явилась ты,
И кажется: вот дух передо мной!

И ярко-ярко, точно яшмы блеск,
Твои одежды пышные горят,
Сорочку тонкую из конопли
Обтягивает плотно твой наряд.
И вижу я, как твой прекрасен лоб,
Округлены виски и ясен взгляд.
О, эта женщина! Подобной ей
Красы в стране нет больше, говорят.

В ТУТАХ

(I, IV, 4)

Вот иду собирать я повилику-траву,
На полях, что за Мэй, повилики нарву.
Но о ком я тоскую, мои думы о ком?
Ах, прекрасною Цзян ту подругу зову.
Цзян меня поджидает в роще тутов одна,
Цзян в Шангуне сегодня встретить друга должна,
Цзян, меня ты проводишь над рекою — над Ци!

Время сбора пшеницы, ухожу я за ней —
Я ее собираю там, на север от Мэй.
Но о ком я тоскую, мои думы о ком?
И прекрасная, верно, имя милой моей.
И меня поджидает в роще тутов одна,
И в Шангуне сегодня встретить друга должна,
И меня ты проводишь над рекою — над Ци.

Репу рвать выхожу я, репа нынче крупна —
Там от Мэй на востоке созревает она.
Но о ком я тоскую, мои думы о ком?
Юн красавицу эту называют у нас!
Юн меня поджидает в роще тутов одна,
Юн в Шангуне сегодня встретить друга должна
Юн, меня ты проводишь над рекою — над Ци!

ЧЕТОЙ ПЕРЕПЕЛКИ КРУЖАТ У ГНЕЗДА

(I, IV, 5)

Четой перепелки кружат у гнезда;
Четою повсюду сороки летят.
Недобрый он был человек, говорят,
А мной почитался как старший мой брат.

Четою повсюду сороки летят,
Четой перепелки кружат у гнезда,
Недобрый он был человек, говорят,
Его господином считал я всегда.

СОЗВЕЗДИЕ ДИН ВЫСОКО, НАКОНЕЦ

(I, IV, 6)

Созвездие Дин высоко, наконец,
Он в Чу воздвигать начинает дворец.
По солнцу, по тени размерил шестом
Пространство и Чуский он выстроил дом.
Орех и каштан насадил он кругом,
И тисс, и сумах, и катальпу над рвом —
На цитры и гусли их срубят потом.

Поднялся на древний разрушенный вал
И Чуские земли кругом озирал.
Он долго взирал и на Чу, и на Тан,
Он смерил и тень от горы, и курган,
Тутовник осматривать в чуский свой стан
Сошел... На щите черепахи гадал,
И добрый ответ был властителю дан!

Дожди благодатные пали с весны —
Приказ дал вознице властитель страны
Коней на звезде заревой запрягать:
В поля надо ехать, где туты видны.
Не прям ли душою властитель страны? —
В нем помыслы все глубоки и ясны.
Прекрасны большие его табуны!

РАДУГА

(I, IV, 7)

Радуга встала в небе с востока —
Никто не смеет рукой указать...
Девушка к мужу идет, покидает
Братьев своих, и отца, и мать.

Радуга утром на западе всходит —
Будет все утро дождь без конца.
Девушка к мужу идет, покидает
Братьев своих, и мать, и отца.

Брака с любимым желает дева!
Видишь: в слиянье с солнцем вода,
Не знаешь ни воли небесной, ни гнева
И, верно, совсем не знаешь стыда!

ТЫ НА КРЫСУ ВЗГЛЯНИ...

(I, IV, 8)

Ты на крысу взгляни — щеголяет кожей,
А в тебе нет ни вида, ни осанки пригожей!
Коль в тебе нет ни вида, ни осанки пригожей,
Почему не умрешь ты, на людей непохожий?

Посмотри ты на крысу — у нее есть зубы,
А ведь ты человек без удержу, грубый!
Если ты человек без удержу, грубый,
Чего ждешь, кроме смерти? Что тебе любо?

Посмотри ты на крысу — лапы, как надо.
Человек! А ни чина у тебя, ни обряда!
Коль ни чина нет у тебя, ни обряда,
Что же, смерть до срока тебе не награда?

ВСТРЕЧА ЗНАТНОГО ГОСТЯ

(I, IV, 9)

Высоко-высоко вознеслись бунчуки —
За Сюнь, за селеньем полки далеки...
Шнуры были белого шелка у них,
Добры были кони в четверках у них.
Со свитой приехал прекрасный наш гость,
Оделим какими подарками их?

И сокол поднялся на ткани знамен,
То в наших селеньях он был вознесен!
Шнурами повиты знамена у них,
И кони в пятерках могучи у них.
Со свитой приехал прекрасный наш гость,
Оделим подарками лучших из них?

И в перьях цветных в высоте засверкал
Их знак, лишь взошли колесницы на вал.
На знаке белели шнуры — для него,
Их кони в шестерках добры — для него.
Со свитой приехал прекрасный наш гость.
О чем же рассказы пойдут у него?

МЧАЛАСЬ УТЕШИТЬ

(I, IV, 10)

I

Мчалась утешить, коней подгоняла бичом,
К вэйскому князю спешила в родимый свой дом.
Лошади вскачь, но дорога княгини длинна —
Города Цао достичь не сумеет она.
Скачет чрез реки и степи вельможа за ней —
Он догоняет, и грудь ее болью полна!

II

Думы мои не считаете добрыми вы —
Я не могу возвратиться в родимое Вэй.
Вижу сама, как меня осуждаете вы —
Думы мои не забыть мне в печали своей.
Думы мои не считаете добрыми вы —
Мне не вернуться чрез реки из Сюйской земли.
Вижу сама, как меня осуждаете вы,
Только вы думы мои оборвать не могли!

III

Вот поднялась я на этот обрывистый холм,
Царских кудрей, чтоб рассеять печаль, набрала.
Много желаний в женской таится груди —
Если б я эти желанья исполнить могла!

В княжестве Сюй мой народ осуждает меня —
Все вы, как дети, безумны от гнева и зла!

IV

Едет назад меж полей колесница моя,
Вижу, как пышно желтеет пшеница кругом.
Помощь мне надо искать у сильнейшей страны,
Кто мне опора, найду я прибежище в ком?
Вы, о вельможи! И вы, благородства мужи!
Не осуждайте напрасно княгини своей.
Много советов, я знаю, у нас, но для Вэй
Лучше их всех исполнение воли моей!

V

ПЕСНИ ЦАРСТВА ВЭЙ

У МЕНЯ ЕСТЬ МИЛЫЙ

(I, V, 1)

I

Полюбуйся на эти извивы у берега Ци,
Что так пышно одеты бамбуком зеленым, густым.
Благородный и тонкий душою есть друг у меня —
Точно резаный рог, что обточен искусным резцом,
Как нефрит ограненный, до блеска натертый песком!
Величав он собою, степенен и важен на вид,
Он достоинства строгого полон и нравом открыт.
Благородный и тонкий душою есть друг у меня.
Мне его не забыть, он вовеки не будет забыт!

II

Полюбуйся на эти извивы у берега Ци!
Бирюзово-зеленым бамбуком одета вода.
Благородный и тонкий душою есть друг у меня —
Два прекрасных нефрита в ушах его блещут всегда
И расшитая яшмою шапка его, как звезда!
Он степенен и важен, собой величавый на вид,
Он достоинства строгого полон и нравом открыт.
Благородный и тонкий душою есть друг у меня,
Мне его не забыть, он вовеки не будет забыт!

III

Полюбуйся на эти извивы у берега Ци!
Как на ложе циновка, густеет зеленый бамбук.
Благородный и тонкий душою есть друг у меня —
Он как золото чист, и как олово светел мой друг,
Как нефритовый жезл он, как княжеский яшмовый круг!
Сколь душою широк он, как сердцем безмерно велик!
Он стоять в колеснице с двойною опорой привык.
Посмеяться умеет — он шутки искусство постиг —
Но жестоким и грубым его не бывает язык.

ТАМ РАДОСТЬ СВЕРШИЛАСЬ...

(I, V, 2)

Там радость свершилась — в долине, где плещет поток...
О, как величав ты и как ты душою широк!
Ты спишь иль проснешься, но все ж без меня одинок.
Клянешься: забыть никогда б эту радость не мог!

Там радость свершилась, где холм возвышался большой.
О, как величав ты с твоею широкой душой!
Ты спишь иль проснешься — один ты, так песню запой.
А мне поклянись: никогда не грешить предо мной.

Там радость одна для двоих, где высокая гладь...
О, как величав ты! Твоей ли души не узнать?
Ты спишь иль проснешься один — засыпаешь опять.
Клянись! Никому ты об этом не вправе сказать!

ТЫ ВЕЛИЧАВА СОБОЙ

(I, V, 3)

I

Ты величава собой, высока и стройна,
Виден узорный наряд под одеждою из полотна.
О новобрачная, цискому князю ты дочь,
Нашему вэйскому князю теперь ты жена.
Брат твой отныне в покоях восточных дворца,
Ты повелителю Сина в супруги дана.
Таньский правитель — твой шурин теперь, о княжна!

II

Пальцы — как стебли травы, что бела и нежна...
Кожа — как жир затвердевший, белеет она!
Шея — как червь-древоед белоснежный, длинна,
Зубы твои — это в тыкве рядком семена.
Лоб — от цикады, от бабочки — брови... Княжна!
О, как улыбки твои хороши и тонки,
Резко сверкают в глазах твоих нежных зрачки.

III

Ты высока, величавой полна красоты!
Стала на отдых меж нив за предместьями ты;
Кони в четверках сильны, удила их свиты
В пышно-красивые красного шелка жгуты,
В перьях фазаньих стоят над повозкой щиты,

Близок твой поезд. Вельможи! Спешите домой —
Пусть не томится наш князь ожиданьем пустым.

IV

В княжестве Ци сколь водой изобильна Река,
Резво струится она и на север течет...
С плеском там сети забросят, бывало,— и вот
Стая в сетях осетровая рвется и бьет...
Пышен тростник у зеленого берега вод.
Сестры в богатых нарядах готовы в поход!
Грозны черты провожающих вас воевод.

ТЫ ЮНОШЕЙ ПРОСТЫМ ПРИШЕЛ ВЕСНОЙ

(I, V, 4)

I

Ты юношей простым пришел весной,
Ты пряжу выменял на шелк цветной.
Не пряжу ты менял на шелк цветной,
Ты к нам пришел увидеться со мной.
Чрез Ци с тобой я шла в весенний зной,
Пришла в Дуньцю — назад идти одной!
Отложен срок — не я тому виной,
Не слал ты сватов во время за мной,
Так не сердись же, милый, на меня —
Срок будет осенью — не я виной...

II

Взойду ль на обветшалый палисад,
Спешишь ли ты обратно — брошу взгляд...
Когда тебя мой не встречает взгляд —
Потоки слез глаза мои струят.
Но лишь тебя поймает жадный взгляд —
Звучит мой смех и губы говорят:
«Ты на щите и тростнике гадал —
Несчастья нам не будет, говорят.
В повозке за приданым приезжай —
Меня с собою увезешь назад».

III

В листве зеленой — как наряден тут,
Пока листы его не опадут!
Но ягодой его, голубка, ты
Не лакомься, хоть ягода сладка.
Будь осторожна, девушка, и ты:
Не принимай ты ласки от дружка!
Коль завелась утеха у дружка,
О ней он все же может рассказать...
А девушке про милого дружка
На свете никому нельзя сказать!

IV

Но высохнут тутовника листы,
На землю свалятся они, желты.
В твой дом ушла я — и три года там
С тобой вкушала горечь нищеты!
Разлились воды Ци, шумит волна,
Моей повозки занавесь влажна...
Три года я тебе была верна,
Твой путь иной, я брошена, одна!
Ты, господин, женою пренебрег —
Менялся часто, лгал, как только мог.

V

Три года я была женой, в дому
Я счета не вела своим трудам:
С зарей проснусь, едва забывшись сном,—
Я отдыха не знала по утрам.
Блюла я клятву — кто виновен в том,
Что ты со мною стал жестоким сам?
Не знают братья всей моей беды:
Вернуться к ним? Насмешки встречу там.
Одна в молчанье думаю о нем,
Себя жалею, волю дав слезам.

VI

Состарились с тобою мы, а ты
Мне в старости наполнил сердце злом!
Так Ци сжимают берега кругом,
Так сушей сжат в низине водоем.
Я помню: волосы сплела узлом,
Беседовали мы, смеясь, вдвоем...
Быть верным клятву дал ты ясным днем!
Ты обманул... Могла ль я знать о том,
И в мыслях не держала я, поверь!
Что делать мне? Всему конец теперь.

ТОСКА ЖЕНЩИНЫ, ВЫДАННОЙ В ЧУЖУЮ СТОРОНУ

(I, V, 5)

Длинен и тонок бамбук уды —
Рыбу ты удишь на Ци реке.
Мысли мои не с тобой ли в тоске?
Мне не придти — я одна вдалеке.

Слева течет там Цюань-юань,
Справа там воды Ци без конца...
Девушка в дом уйдет к жениху,
Братьев покинет, и мать, и отца.

Справа там воды Ци, левей
Воды Цюань-юань струит...
Яшмой улыбка моя блестит,
Выйду — о пояс звенит нефрит.

Там воды Ци текут плавней,
Знаю: сосновый челн на ней,
Весла из кедра... Запрячь коней
Горечь развеять тоски моей.

ПЕСНЬ ОБ ОТРОКЕ, УКРАСИВШЕМ СЕБЯ ПОЯСОМ МУЖА

(I, V, 6)

Горькая тыква стебли простерла весной...
Отрок свой пояс украсил иглой костяной...
Пусть он свой пояс украсил иглой костяной —
Разве он мудростью может сравняться со мной?
С поясом мужа он беззаботен и рад —
Кисти у пояса, вниз опускаясь, висят!

Листья простершая тыква мала и горька...
Отрок на пояс привесил наперстье стрелка...
Пусть он на пояс повесил наперстье стрелка,
Разве с моею сравнится искусством рука?
С поясом мужа он беззаботен и рад —
Кисти у пояса, вниз опускаясь, висят!

СКОРБЬ МАТЕРИ, РАЗЛУЧЕННОЙ С СЫНОМ

(I, V, 7)

Кто скажет теперь, что река эта, Хэ, широка?
С одною тростинкою переплыла б я ее.
Кто скажет теперь, что земля эта, Сун, далека?
Привстав на носки, я глазами нашла бы ее!

Кто скажет теперь, что река эта, Хэ, широка?
Вместить не могла даже малую лодку вода!
Кто скажет теперь, что земля эта, Сун, далека?
Я меньше чем в утро одно добежала б туда!

ТОСКА О МУЖЕ, ПОСЛАННОМ В ПОХОД

(I, V, 8)

Грозен и смел мой супруг на войне,
Всех он прекрасней и лучше в стране.
Палицу сжал он и мчится вперед
Прежде всех царских других воевод.

Муж на востоке... Развился с тех пор
Пухом летучим прически убор...
Голову нечем ли мне умастить?
Чей красотою порадую взор?

Часто мы просим у неба дождя —
Солнце ж все ярче блестит в синеве.
Мыслями вечно к супругу стремлюсь,
В сердце усталость и боль в голове!

Где бы добыть мне забвенья траву?
Я посажу ее к северу, в тень.
Мыслями вечно к супругу стремлюсь.
Сердце тоскует больней, что ни день

ИЩЕТ ПОДРУГУ И БРОДИТ ЛИС

(I, V, 9)

Ищет подругу и бродит лис,
Там, где над Ци есть гать.
Сердце болит, что негде вам
Одежду исподнюю взять!

Ищет подругу и бродит лис,
Где через Ци есть брод...
Сердце болит, никто для вас
Пояса не найдет!

Ищет подругу и бродит лис —
Виден по берегу след...
Сердце мое болит — у вас
Даже одежды нет!

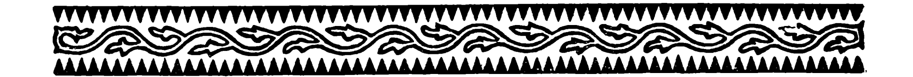
МНЕ ТЫ В ПОДАРОК ПРИНЕС ПЛОД АЙВЫ

(I, V, 10)

Мне ты в подарок принес плод айвы ароматный,
Яшмой прекрасною был мой подарок обратный.
Не для того я дарила, чтоб нам обменяться дарами,
А для того, чтобы вечной осталась любовь между нами.

Мне ты в подарок принес этот персик, мой милый!
Я же прекрасным нефритом тебя одарила.
Не для того я дарила, чтоб нам обменяться дарами,
А для того, чтобы вечной осталась любовь между нами.

Сливу в подарок принес ты сегодня с приветом,
Я же прекрасные в дар отдала самоцветы.
Не для того я дарила, чтоб нам обменяться дарами,
А для того, чтобы вечной осталась любовь между нами.

VI

ПЕСНИ ЦАРСКОЙ СТОЛИЦЫ

ТАМ ПРОСО СКЛОНИЛОСЬ ТЕПЕРЬ

(I, VI, 1)

I

Там просо склонилось теперь к бороздам,
Там всходы взошли ячменя...
И медленно я прохожу по полям,
В смятении дух у меня.
И всякий, кто знает меня, говорит,
Что скорбь в моем сердце и страх.
А тот, кто не знает меня, говорит:
«Что ищет он в этих полях?»
О неба лазурная даль в вышине,
Кто пыль запустенья разнес по стране?

II

Там просо склонилось теперь к бороздам,
Ячмень колосится давно...
И медленно я прохожу по полям,
И сердце смятеньем полно.
И всякий, кто знает меня, говорит,
Что скорбь в моем сердце и страх.

А тот, кто не знает меня, говорит:
«Что ищет он в этих полях?»
О неба лазурная даль в вышине,
Кто пыль запустенья разнес по стране?

III

Там просо склонилось теперь к бороздам,
Зерно налилось ячменя...
И медленно я прохожу по полям,
Как тесно в груди у меня!
И всякий, кто знает меня, говорит,
Что скорбь в моем сердце и страх.
И тот, кто не знает меня, говорит:
«Что ищет он в этих полях?»
О неба лазурная даль в вышине,
Кто здесь запустенье разнес по стране?

ТОСКА О МУЖЕ

(I, VI, 2)

На службе у князя супруг далеко —
Не знаю, когда он вернется ко мне,
И где он теперь, и в какой стороне?
Уж куры расселись по гнездам в стене,
Склоняется к вечеру день, и с полей
Коровы и овцы бредут в тишине.
На службе у князя супруг далеко —
Как думой к нему не стремиться жене?

На службе у князя супруг далеко...
Не день и не месяц проводит подряд!
Когда же домой возвратится солдат?
Уж куры давно по насестам сидят,
Склоняется к вечеру день, и с холмов
Коровы и овцы вернулись назад.
На службе у князя супруг далеко,
Пусть голод и жажда его пощадят!

РАДОСТЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ ПОХОДА

(I, VI, 3)

Весел супруг мой — нет ни тревог, ни забот.
Вижу: он в левую руку шэн свой берет,
Машет мне правой — в дом за собою зовет.
Как наша радость, моя и его, велика!

Весел супруг мой — он мирную радость хранит.
Вижу: для пляски в левой руке его щит,
Машет мне правой — взойти на площадку велит.
Как наша радость, моя и его, велика!

ДУМЫ СОЛДАТ О ДОМЕ

(I, VI, 4)

Хотя б возмутить недвижные воды реки —
Дрова из вязанки ведь не разбросать даже им!
Там наши родные от нас далеки, далеки,
А здесь, одинокие, в Шэнь мы дозором стоим.
Мы думу одну лишь — о наших родных бережем!
В какую луну мы вернемся в родимый свой дом?

Хотя бы возмутились недвижные воды реки —
Вязанку ветвей не размечут теченьем они!
Там наши родные от нас далеки, далеки,
Здесь, в Фу, мы дозором должны оставаться одни.
Мы думу о них лишь, мы думу о них бережем!
В какую луну мы вернемся в родимый наш дом?

Хотя б возмутились недвижные воды реки —
Лозняк из вязанки не будет разбросан и в них!
Там наши родные от нас далеки, далеки,
Здесь, в Сюй, мы дозорами встали, одни, без родных!
Мы думу о них лишь, мы думу о них бережем!
В какую луну мы вернемся в родимый наш дом?

ГЛУХАЯ КРАПИВА

(I, VI, 5)

Глубоко в долине глухая крапива растет.
На почве сухой ту крапиву от зноя сожгло.
Покинуть супруга беда заставляет жену;
Его покидая, вздыхает она тяжело,
Его покидая, вздыхает она тяжело,
Увидеть пришлось от супруга и горе, и зло.

Глубоко в долине глухая крапива растет,
Она увядает и листья ее сожжены.
Покинуть супруга беда заставляет жену —
Протяжны стенанья и плач уходящей жены,
Протяжны стенанья и плач уходящей жены,
И злобу познав, расставаться супруги должны.

Глубоко в долине глухая крапива растет,
А зной и в низинах сырых ту крапиву пожег.
Покинуть супруга беда заставляет жену,
С рыданьями слезы текут — непрерывен их ток...
С рыданьями слезы текут — непрерывен их ток;
Зачем эти слезы? Ужель отвратят они рок?

ЗАЯЦ МЕДЛИТЕЛЕН

(I, VI, 6)

Заяц медлителен и осторожен,
Фазан простодушен — попал он в силок.
О, если б от жизни моей начала
Того, что я сделал, не делать я мог!
И вот во второй половине жизни
Все эти печали послал мне рок!
О, если б навеки уснуть без тревог!

Заяц медлителен и осторожен,
Фазан простодушен — он в сеть залетел.
О, если бы от жизни моей начала
Вовек бы не делать мне сделанных дел!
И вот во второй половине жизни
Все эти страданья — мой горький удел!
Уснуть, не проснуться я б ныне хотел!

Заяц медлителен и осторожен,
Фазан же... в тенетах запутался он!
О, если б от жизни моей начала
Так службою не был бы я утомлен,
И вот во второй половине жизни
Здесь беды со всех я встречаю сторон!
О, пусть непробудным да будет мой сон!

НА ЧУЖБИНЕ

(I, VI, 7)

Сплелись кругом побеги конопли
По берегу речному возле гор...
От милых братьев я навек вдали,
Чужого я зову отцом с тех пор...
Чужого я зову отцом с тех пор —
А он ко мне поднять не хочет взор.

Сплелись кругом побеги конопли,
Где берег ровную раскинул гладь...
От милых братьев я навек вдали,
Чужую мне я называю — мать...
Чужую мне я называю — мать,
Она ж меня совсем не хочет знать.

Сплелись кругом побеги конопли,
Где берег взрыт рекой, подобно рву...
От милых братьев я навек вдали,
Чужого старшим братом я зову...
Чужого старшим братом я зову —
Не хочет он склонить ко мне главу.

УЙДУ ЛИ, МОЙ МИЛЫЙ, НА СБОР КОНОПЛИ

(I, VI, 8)

Уйду ли, мой милый, на сбор конопли,
Лишь день мы в разлуке, но кажется мне:
Три месяца был ты вдали!

Сбирать ли душистые травы иду,
Лишь день мы в разлуке, а кажется мне:
Три времени года я жду!

Уйду ль собирать чернобыльник лесной,
Лишь день мы в разлуке, а кажется мне:
Три года ты не был со мной!

КОЛЕСНИЦА БОЛЬШАЯ ГРОХОЧЕТ

(I, VI, 9)

Колесница большая грохочет — гремит на пути,
В ней зеленой осокой дворцовое платье блестит.
Разве я не стремлюсь и душою, и думой к тебе?
Да боюсь я тебя, и не смею к тебе подойти.

Ехал медленно ты — колесница твоя тяжела,
И одежда твоя, точно алая яшма, светла.
Разве я не стремлюсь и душою, и думой к тебе?
Да тебя побоялась — с тобою бежать не могла.

Хоть с тобою, мой милый, и в разных домах мы живем,
Мы умрем и могилу разделим под общим холмом.
Если скажешь, любимый, что сердцем неискренна я —
Светлым солнцем клянусь, что правдива я в сердце моем!

ВИЖУ, ВДАЛИ КОНОПЛЯ

(I, VI, 10)

Вижу, вдали конопля поднялась над пологим холмом,
Кто-то Цзы-цзе удержал там — он, верно, с другою вдвоем.
Кто-то Цзы-цзе удержал там — он, верно, с другою вдвоем —
Радость Цзы-цзе обещал, что придет веселиться в мой дом!

Там вдалеке над пологим холмом и пшеница видна,
Кто-то Цзы-го удержал — я его ожидаю одна.
Кто-то Цзы-го удержал — я его ожидаю одна —
Он мне придти обещал и отведать и яств, и вина!

Слива вдали над холмом — одинако той сливе расти,
Юношей кто-то другой удержал у холмов на пути.
Юношей кто-то другой удержал у холмов на пути —
Яшмы для пояса мне обещали они принести.

VII

ПЕСНИ ЦАРСТВА ЧЖЭН

ПРИГОЖИ ВЫ, КНЯЗЬ

(I, VII, 1)

Пригожи вы, князь, в черном платье своем,
Износите это — другое сошьем,
Ваш двор посетим и, домой возвратясь,
Отборной едой угостим мы вас, князь.

Как черное платье прекрасно на взгляд,
Износите — новый мы скроим наряд,
Ваш двор посетим и, домой возвратясь,
Отборной едой угостим мы вас, князь.

Как пышен одежд этих черный атлас,
Износите — скроим другие для вас,
Ваш двор посетим и, домой возвратясь,
Отборной едой угостим мы вас, князь.

ЧЖУНА ПРОСИЛА Я СЛОВО МНЕ ДАТЬ

(I, VII, 2)

Чжуна просила я слово мне дать
Не приходить к нам в деревню опять,
Веток на ивах моих не ломать.
Как я посмею его полюбить?
Страшно прогневать отца мне и мать!
Чжуна могла б я любить и теперь,
Только суровых родительских слов
Девушке нужно бояться, поверь!

Чжуна просила я слово мне дать
К нам не взбираться опять на забор,
Тутов моих не ломать на позор.
Как я посмею его полюбить?
Страшен мне братьев суровый укор.
Чжуна могла б я любить и теперь,
Только вот братьев суровых речей
Девушке надо бояться, поверь!

Чжуна просила я слово мне дать
Больше не лазить в мой сад на беду,
Не обломать мне сандалы в саду.
Как я посмею его полюбить?
Страшно мне: речи в народе пойдут.
Чжуна могла б я любить и теперь,
Только недоброй в народе молвы
Девушке надо бояться, поверь!

ШУ НА ОХОТУ ПОЕХАЛ

(I, VII 3)

Шу на охоту поехал, по улице гонит коней —
Улица точно пуста и людей я не вижу на ней...
Улица разве пуста и людей ты не видишь на ней?
Нет между них никого, равного Шу моему,
Всех он прекрасней собой, всех он добрей и умней!

Шу на охоту поехал — его колесница видна.
Нет здесь на улице нашей умеющих выпить вина...
Разве на улице нет здесь умеющих выпить вина?
Нет между них никого, равного Шу моему,
Как он прекрасен и добр, знает про это страна!

Шу по стране разъезжает — он ищет добычи для стрел.
Юношей нет здесь таких, кто бы править конями умел...
Разве здесь юношей нет, кто бы править конями умел?
Нет между них никого, равного Шу моему.
Как он прекрасен собой, как он отважен и смел!

ШУ НА ОХОТЕ

(I, VII, 4)

I

Шу на большую охоту ехать собрался в поля,
Вот в колесницу поднялся, правит четверкой коней,
Вожжи в руках натянул он шелковой ленты ровней,
Пляшут его пристяжные княжьих танцоров плавней.
Шу на охоту поехал — только болото кругом,
Разом вздымается кверху пламя зажженных огней.
Торс обнажил он, руками тигра сжимает сильней;
Князь в колеснице — он тигра прямо сложил перед ней.
Шу я просила: не надо тигров руками ловить;
Ран от когтей берегись ты — ран не бывает страшней!

II

Шу на большую охоту ехать собрался в поля,
Вот в колесницу поднялся, правит четверкой гнедых,
Головы вздернула кверху пара его коренных,
Дикие гуси в полете — пара его пристяжных.
Шу на охоту поехал — только болото кругом.
Разом огонь разъяренный в зарослях вспыхнул густых.
Шу на охоте, наверно, лучший из лука стрелок.
Шу ведь искусством возницы также похвастаться б мог.
Вскачь он порою пускает, сдержит порою коней,
Пустит стрелу он и мчится прямо вдогонку за ней!

III

Шу на большую охоту ехать собрался в поля,
Вот в колесницу поднялся — серых четверка пошла,
Вровень несут коренные головы и удила,
Две пристяжные, как руки, вслед им простерли тела.
Шу на охоту поехал — только болото кругом —
Вспыхнул огонь, и повсюду все он сжигает до тла.
Лошади Шу утомились — тише и медленней ход,
Реже и реже из лука стрелы свершают полет.
Вот свой колчан отвязал он, стрелы в колчане лежат,
Лук свой он к месту приладил — едет с охоты назад.

ЦИНСКИЕ ЛЮДИ ПОД ГОРОДОМ ПЭН

(I, VII, 5)

Цинские люди под городом Пэн, с этих пор
Кони четверками мчатся — броня их убор.
Алый из перьев с двух копий свисает узор,
Кружит над Хэ колесница, свершает дозор.

Цинские ныне под Сяо в дозоре полки,
Грозные кони в броне, колесницы тяжки,
Подняты кверху двух копий двойные крюки;
Воины бродят по берегу Желтой реки.

Цинские люди под Чжу караулом стоят,
Кони в броне выступают так весело в ряд.
Правит возница, оружье снимает солдат,
Сам воевода меж ними доволен и рад!

БАРАНЬЯ ПРИДВОРНАЯ ШУБА

(I, VII, 6)

Баранья придворная шуба блестит,
Мягка, и гладка, и прекрасна на вид:
О, это такой человек, говорят,
Судьбой он доволен и верность хранит.

А барсовый мех к рукавам прикреплен.
Отважный вассал — он и смел и силен.
О, это такой человек, говорят,—
В отчизне был правды ревнителем он.

Пышна эта шуба баранья на нем —
На ней украшенья сверкают огнем.
О, это такой человек, говорят,
Прекраснейшим был он в отчизне бойцом!

ВДОЛЬ ДОРОГИ БОЛЬШОЙ Я ПРОШЛА

(I, VII, 7)

Вдоль дороги большой я прошла, не устав,—
Я держала тебя за рукав.
О, не надо теперь ненавидеть меня,
Сразу старую нежность прервав.

Вдоль дороги большой я прошла, не устав,—
Твою руку сжимая весь путь...
И теперь ты со мною жестоким не будь,
Вдруг былую любовь не забудь.

ЖЕНА СКАЗАЛА

(I, VII, 8)

Жена сказала: «Петух пропел».
Супруг ответил: «Редеет мрак».
«Вставай, супруг мой, и в ночь взгляни,
Рассвета звезды горят, пора!
Спеши на охоту, супруг, живей —
Гусей и уток стрелять с утра!»

Летит твой дротик на ловлю их,
Я для супруга сготовлю их;
С тобой мы выпьем вдвоем вина,
Пусть будет старость у нас одна.
Готовы цитра и гусли здесь,
Пусть будет радость совсем полна.

Кто к мужу в гости к нам в дом придет —
Получит яшму на пояс тот.
Кто другом станет тебе, супруг,
Тот будет яшмой одарен, друг.
И тем, кто будет тобой любим,
На пояс яшмы отдам я им!

ДЕВУШКА ВМЕСТЕ СО МНОЙ В КОЛЕСНИЦЕ

(I, VII, 9)

Девушка вместе со мной в колеснице сидит,
Сливы цветок мне напомнила цветом ланит.
Видишь, стремительно едем дорогой кругом,
Только в подвесках сверкнет драгоценный нефрит.
Старшую Цзян мы красавицей нашей зовем —
Верно, прекрасна она и прелестна на вид.

С девушкой этой иду по дороге вдвоем,
Сливы цветку она нежным подобна лицом.
Вдоль по дорогам мы долго гуляем кругом,
Пояс в подвесках твой, яшмы брящают на нем.
Старшую Цзян мы красавицей нашей зовем,
Добрую славу о ней навсегда сбережем!

НА ГОРЕ РАСТУТ КУСТЫ

(I, VII, 10)

На горе растут кусты,
В топях — лотоса цветы...
Не видала красоты —
Повстречался, глупый, ты.

Сосны на горах растут,
В топях ирисы цветут...
Не нашла красавца тут,
Повстречался мальчик-плут

ЛИСТ ПОЖЕЛТЕЛЫЙ

(I, VII, 11)

Лист пожелтелый, лист пожелтелый
Ветер несет в дуновенье своем.
Песню, родной мой, начни,— я хотела
Песню продолжить, мы вместе споем.

Лист пожелтелый, лист пожелтелый
Ветер кружит и уносит с собой...
Песню продолжи, родной — я хотела
Песню окончить с тобой.

ХИТРЫЙ МАЛЬЧИШКА

(I, VII, 12)

Хитрый мальчишка
Мне слова не скажет совсем...
Иль без тебя я
Больше не сплю и не ем?

Хитрый мальчишка
Со мной не разделит еду!..
Иль без тебя я
Покоя теперь не найду?

КОЛЬ ОБО МНЕ ТЫ С ЛЮБОВЬЮ ПОДУМАЛ

(I, VII, 13)

Коль обо мне ты с любовью подумал —
Подол приподняв, через Чжэнь перейду
Если совсем обо мне ты не думал —
Нет ли другого на эту беду?
Самый ты глупый мальчишка из всех!

Коль обо мне ты с любовью подумал —
Подол приподняв, перейду через Вэй.
Если совсем обо мне ты не думал —
Нет ли другого для милой твоей?
Самый ты глупый мальчишка из всех!

КАК ОН ДОРОДЕН

(I, VII, 14)

Как он дороден, прекрасен собою на вид!
Он у дороги, меня ожидая, стоит —
Я ж не могу проводить его, сердце скорбит.

Как величав он собою и как он силен!
В дом наш вступает и ждет меня в горнице он —
Выйти нельзя мне и скорбью мой дух удручен.

Платьем простым я прикрою наряд расписной —
Тканой сорочки узор я прикрою холстом —
Милый, пора в колесницу коней запрягать,
Вместе отсюда уедем с тобою вдвоем.

Тканой сорочки узор я прикрою холстом,
Платьем простым я прикрою наряд расписной —
Милый, пора в колесницу коней запрягать,
Вместе отсюда уедешь с твоею женой.

ПЛОЩАДЬ ПРОСТОРНАЯ ЕСТЬ У ВОСТОЧНЫХ ВОРОТ

(I, VII, 15)

Площадь просторная есть у восточных ворот,
Там по отлогому скату морена растет,
Здесь же и дом твой — он близко совсем от меня,
Только далеко хозяин, что в доме живет.

Там и каштан у восточных ворот в стороне,
Домики в ряд расположены вдоль по стене...
Разве я думою больше к тебе не стремлюсь?
Что же теперь никогда не заходишь ко мне?

ВЕТЕР С ДОЖДЕМ

(I, VII, 16)

Ветер с дождем, холодны, словно лед...
Где-то петух непрерывно поет.
Только, я вижу, супруг мой со мной —
Разве тревога в душе не замрет?

Ветер бушует, он резок и дик...
Вновь петушиный доносится крик.
Только, я вижу, супруг мой со мной —
Разве мне в сердце покой не проник?

Ветер с дождем, и повсюду темно...
Крик петушиный несется в окно.
Только, я вижу, супруг мой со мной —
Разве не радостью сердце полно?

ВОРОТ ОДЕЖДЫ БЛЕСТИТ БИРЮЗОВЫЙ НА НЕМ

(I, VII, 17)

Во́рот одежды блестит бирюзовый на нем.
Сердце скорбит бесконечно о милом моем.
Хоть никогда не хожу я его повидать —
Сам почему не зайдет он проведать наш дом?

К поясу светло-зеленый привесил нефрит,
Думы мои бесконечны, и сердце скорбит.
Хоть никогда не хожу я его повидать —
Сам почему он меня посетить не спешит?

Вечно резвится он, вечно беспечный такой,
Вечно он ходит на башне стены городской.
День лишь его не увижу, а сердце мое,
Словно три месяца долгих, томится тоской!

БУРНЫЕ ВОДЫ РЕКИ

(I. VII. 18)

Бурные воды реки —
Связка ж ветвей проплывет нерушима.
Кто так сердцами близки —
Я лишь и ты, мой любимый!
Слову людскому не верь,
Люди обманут, любимый...

Бурные воды — взгляни...
Нет, не растреплют плетенку с дровами
Кто нам сердцами сродни? —
Только лишь двое — мы сами!
Слову людскому не верь,
Люди неискренни с нами.

ВОТ ИЗ ВОСТОЧНЫХ ВОРОТ ВЫХОЖУ

(I, VII, 19)

Вот из восточных ворот выхожу я, и в ярких шелках
Девушки толпами ходят, как в небе плывут облака.
Пусть они толпами ходят, как в небе плывут облака,
Та, о которой тоскую, не с ними она — далека.
Белое платье ты носишь и ткань голубую платка —
Бедный наряд, но с тобой лишь радость моя велика.

Я выхожу из ворот через башню в наружной стене,
Девушек много кругом, как тростинки они по весне.
Пусть же толпятся кругом, как тростники они по весне,
Думой не к девушкам этим в сердца стремлюсь глубине.
Белое платье простое и алый платочек на ней —
Бедный наряд, но с тобой лишь счастье приходит ко мне!

В ПОЛЕ ЗА ГОРОДОМ ТРАВЫ ПОЛЗУЧИЕ ЕСТЬ

(I, VII, 20)

В поле за городом травы ползучие есть,
Вижу — на травах повисла роса тяжело.
Знаю — прекрасный собою здесь юноша есть,
Вижу, как чисто его и прекрасно чело.
Встретились вместе нежданно мы двое — и вот
Я утолила желанье, что в сердце легло.

В поле за городом травы ползучие есть,
Росы висят на траве тяжелы и густы.
Знаю — прекрасный собою здесь юноша есть,
Брови и лоб — как прекрасны они и чисты!
Встретились вместе нежданно мы двое — и вот
Радостно вместе с тобой мне, и радостен ты.

В ТРЕТЬЮ ЛУНУ,
ПРАЗДНИК СБОРА ОРХИДЕЙ

(I, VII, 21)

I

Той порой Чжэнь и Вэй
Разольются волнами,
И на сбор орхидей
Выйдут девы с дружками.
Молвит дева дружку:
«Мы увидимся ль, милый?».
Он в ответ: «Я с тобой,
Разве ты позабыла?».
«Нет, опять у реки
Мы увидимся ль, милый?
На другом берегу
Знаю место за Вэй я —
На широком лугу
Будет нам веселее!»
С ней он бродит над Вэй,
С ней резвится по склонам,
И подруге своей
В дар приносит пионы.

II

Глубоки Чжэнь и Вэй,
Мчат прозрачные волны,

Берег в день орхидей
Дев и юношей полный.
Дева молвит дружку:
«Мы увидимся ль, милый?».
Он в ответ: «Я с тобой.
Разве ты позабыла?».
«Нет, опять у реки
Мы увидимся ль, милый?
На другом берегу
Знаю место за Вэй я —
На широком лугу
Будет нам веселее!»
С ней он бродит над Вэй,
С ней резвится по склонам,
И подруге своей
В дар приносит пионы.

VIII

ПЕСНИ ЦАРСТВА ЦИ

«СЛЫШУ, ДАВНО УЖ ПРОПЕЛ ПЕТУХ...»

(I, VIII, 1)

«Слышу, давно уж пропел петух,
Шум на дворе наполняет слух!» —
«Рано еще, не поет петух,—
Это гудение синих мух».

«Уж на востоке заря ясна,
Полон твой двор, пробудись от сна!» —
«То не заря на востоке ясна —
То поднялась и блестит луна».

«Слышу я крыльев летящих звон.
Сладок с тобой, господин мой, сон —
Только собрался народ и ждет,
Нас ненавидеть не должен он!»

ВЗАИМНЫЕ ПОХВАЛЫ ОХОТНИКОВ

(I, VIII, 2)

«Как на охоте вы, сударь, ловки и быстры!»—
Он повстречался со мною у Нао-горы,
Вместе двух вепрей матерых мы гнали, и он
Ловкость мою похвалил, отдавая поклон.

«Сударь, прекрасней охотника трудно найти!»—
Встретил меня он у Нао-горы на пути,
Там двух лосей мы погнали с ним вместе — и что ж,—
Он поклонился, сказав, что и я был хорош!

«Сколь совершенно ваше искусство, о друг!» —
Встретил меня под горой он от Нао на юг.
Вместе погнали мы двух под горою волков —
Он мне, склоняясь, сказал, что и я, мол, таков!

ВСТРЕЧА НЕВЕСТЫ

(I, VIII, 3)

Ты у ворот, где ограда входная, меня ожидал,
Белого шелка шнуры ты к закладкам ушным привязал,
К ним прикрепил самоцветы — каждый прекрасен и ал,

Там на открытом дворе у крыльца ожидал меня ты.
Вдеты в закладки ушные зеленого шелка жгуты,
В уши свои самоцветы редчайшей вложил красоты!

Встретив меня, по ступеням ты вводишь невесту в свой дом,
Желтые ленты к закладкам в уборе твоем,
Вижу — в ушах самоцветы красиво сверкают огнем!

СОЛНЦЕ ЛЬ С ВОСТОКА ПОДНИМЕТСЯ ДНЕМ

(I, VIII, 4)

Солнце ль с востока поднимется днем —
Эта прекрасная дева придет,
День проведет она в доме моем,
День проведет она в доме моем,
Следом за мною пришла она в дом.

Ночью ль с востока засветит луна —
Эта прекрасная дева со мной
В доме за дверью моею она,
В доме за дверью моею она,
Следом за мною и выйти должна.

В ТУМАНЕ

(I, VIII, 5)

В тумане еще не светлеет восток,
Он платье набросил поспешно, как мог;
Сорочку он спутал с халатом своим —
С приказом от князя прислали за ним.

В тумане восток не сверкает в лучах,
Он платье набросил свое впопыхах;
Он спутал с сорочкой халат, торопясь,—
Приказ передали, что требует князь.

Я ив наломал и обнес огород,
Шел мимо дурак — остерегся и тот;
А князь когда день, когда ночь не поймет —
Со светом не будит, так ночью зовет!

ЮЖНЫЕ ГОРЫ ВЕЛИКИ

(I, VIII, 6)

I

Южные горы велики в своей вышине,
Лис только бродит за самкою в той стороне.
В княжество Лу вся дорога проходит ровна.
Цисская наша княжна в дом проедет по ней,
Наша княжна в дом супруга уж едет по ней —
Вам для чего неустанно грустить в тишине?

II

Туфель пеньковых пять пар подобрала она,
Пара подвязок на шапке — ровна их длина.
В княжество Лу там дорога проходит ровна,
Наша княжна проезжает дорогою там,
Наша княжна уже едет дорогою там —
Вам для чего выезжать за княжной по следам?

III

В поле своем коноплю ты посеять хотел —
Поле вспаши поперек и в длину до конца.
В дом свой супругу ты ныне ввести захотел —
Должен тогда известить ты и мать и отца.
Мать и отца известил ты, обряды уже свершены —
Мужу зачем выполнять все желанья жены?

IV

Как поступить, коль ты дров нарубить захотел?
Разве не станешь рубить, как и все, топором?
В дом свой супругу ты ныне ввести захотел —
Разве без сватов введешь ты супругу в свой дом?
Ныне сосватал и ввел ты супругу в свой дом —
Крайности эти зачем еще в доме твоем?

НЕ НАДО ЗАПАХИВАТЬ ПАШНЮ, ЧТО ТАК ВЕЛИКА

(I, VIII, 7)

Не надо запахивать пашню, что так велика,—
Лишь плевелы пышные там разрастутся вокруг.
Не надо о том вспоминать, кто далеко теперь,—
Усталое сердце опять не спасется от мук.

Не надо запахивать пашню, что так велика,—
Лишь плевелы встанут густые, густые на вид.
Не надо о том вспоминать, кто далеко теперь,—
Твое утомленное сердце опять заболит.

Прекрасен, казалось, ребенок, и нежен, и мал,
И волосы он, как дитя, в два пучка собирал —
Но малое время прошло, ты его повидал,
Глядишь — он уж в шапке теперь и мужчиною стал!

ОХОТНИК

(I, VIII, 8)

То кольца на гончих собаках звенят —
Хозяин их добр и прекрасен на взгляд.

Звенит на собаке двойное кольцо —
С густой бородой он, прекрасно лицо.

Тройное кольцо на собаке звенит —
С густой бородой он, красавец на вид

СОВСЕМ ОБВЕТШАЛА МЕРЕЖА

(I, VIII, 8)

Совсем обветшала мережа в запруде у нас —
В нее только щука с лещем и попались пока.
То циская дочь выезжает в супружеский дом,
И свита ее многочисленна, как облака.

Совсем обветшала мережа в запруде у нас —
В нее только линь и попался сегодня с лещем.
То циская дочь выезжает в супружеский дом,
И движется свита за ней непрерывным дождем.

Совсем обветшала мережа в запруде у нас —
И рыба свободно проходит в мереже такой...
То циская дочь выезжает в супружеский дом,
И свита за нею течет непрерывной рекой.

ГОНИШЬ, ТОРОПИШЬ КОНЕЙ

(I, VIII, 10)

Гонишь, торопишь коней, и возок громыхает, как гром;
Алою кожей обит он, плетеным закрыт бамбуком.
Эта дорога из Лу пролегает гладка и ровна;
Цская наша княжна выезжает с ночлега в свой дом.

Лошади скачут в четверке, прекрасны они и черны.
Вожжи с четверки свисают, они и мягки и длинны.
Эта дорога из Лу пролегает гладка и ровна —
Счастье и радость являет лицо этой цской княжны.

Вэнь многоводные волны широким потоком струит;
Много по этой дороге людей проходящих спешит.
Эта дорога из Лу пролегает гладка и ровна;
Цская наша княжна проезжает беспечна на вид.

Вэнь многоводные волны стремит, и струится вода;
Толпы людей по дороге проходят туда и сюда.
Эта дорога из Лу пролегает гладка и ровна.
Цская наша княжна проезжает беспечна, горда.

СКОЛЬ ВИДОМ ВЕЛИЧАВ ТЫ

(I, VIII, 11)

Сколь видом величав ты, о хвала!
Как ты высок и строен, как мила
Была краса широкого чела,
Прекрасных глаз и твоего чела!
Легка походка важная была,
Всегда метка была твоя стрела.

О сколь ты славен в блеске красоты,
Твои глаза прекрасные чисты,
Достоинства исполнены черты.
Ты целый день из лука бьешь в мишень,
И стрелы не выходят за щиты.
О, нам воистину племянник ты!

Сколь ты хорош — исполненный красот,
Глаза чисты, прекрасен лоб, но вот
Ты пляску начал — прочие не в счет.
Стрела взлетит и цель насквозь пробьет,
Все в точку стрелы устремляют лёт —
В годину смут ты крепкий нам оплот!

IX

ПЕСНИ ЦАРСТВА ВЭЙ

ЛЕГКИЕ ТУФЛИ

(I, IX, 1)

Легкие туфли свои из пеньки
Он и в морозец согласен носить —
Нежные женские руки теперь
Платье ему не поленятся сшить.
Пояс и ворот я сшила — он рад,
Мужу понравился сшитый наряд.

Видом хорош он спокойным своим;
Влево отходит — уступит другим.
Пояс украшен гребнем костяным.
Низкие сердцем — в супруге моем
Видят упреки жестокие им!

НАД РЕКОЮ ФЭНЬ

(I, IX, 2)

Щавель по низинам над Фэнь-рекой
Она собирает проворной рукой.
Ты, сударь, конечно, нет спору о том,
Прекрасен безмерно, красавец такой!
Прекрасен безмерно, красавец такой,
Но все ж до правителя княжьих путей
Тебе еще так далеко!

Над Фэнь над рекою, где берег высок,
Сберет она каждый на тутах листок.
Ты, сударь, конечно, нет спору о том,
Прекрасен собой, как весенний цветок!
Прекрасен собой, как весенний цветок,
Но все ж от начальника колесниц
Ты, сударь, обличьем далек!

Над Фэнь, там, где берег пологий извит,
Она, подорожник срывая, стоит.
Ты, сударь, конечно, нет спору о том,
Прекрасен собою, как чистый нефрит!
Прекрасен собою, как чистый нефрит,
Но все ж у правителя княжеских дел
Получше бы должен быть вид!

ПЕРСИКОМ БЛАГОУХАЮТ САДЫ

(I, IX, 3)

Персиком благоухают сады,
Годны для пищи, созрели плоды...
Сердце печалью томится, а я
Песни пою, точно нет и беды.
Те, кто не знает меня, говорят:
«Воин вы, сударь, и очень горды!»
Люди такие, пожалуй, правы,—
Что им на это ответите вы?
В сердце печаль и тоска у меня —
Кто из них знает причину? Увы!
Кто из них знает причину? Увы!
Не утруждает никто головы!

Есть и жужубы в саду, и у всех
В пищу годится созревший орех.
Сердце печалью томится, иль мне
Царство объехать в надежде утех?
Те, кто не знает меня, говорят:
«Вы в беспредельный впадаете грех!»
Люди такие, пожалуй, правы,—
Что им на это ответите вы?
В сердце печаль и тоска у меня —
Кто из них знает причину? Увы!
Кто из них знает причину? Увы!
Не утруждает никто головы.

ВЗБИРАЮСЬ ЛИ Я НА ВЫСОКИЙ ХРЕБЕТ

(I, IX, 4)

Взбираюсь ли я на высокий хребет
Поросших лесами гор,
Все к хижине той, где отец живет,
Я вновь обращаю взор.
Я знаю: отец теперь тяжко вздохнет:
«Ведь сын мой на ратную службу идет,
Покоя на службе не будет ему
Все ночи и дни напролет.
Смотри ж, береги себя, младший сын мой,
Смотри же — вернись обратно домой,
От дома родного вдали
В земле не останься чужой».

Всё выше всхожу на крутой хребет
Нагих каменистых гор,
И к хижине той, где мать живет,
Я вновь обращаю взор.
И знаю я: мать моя горько вздохнет:
«Дитя мое к князю на службу идет,
Не будет он ведать покоя и сна
Все ночи и дни напролет.
Смотри ж — берегись от близких вдали,
Смотри ж — возвратись из чужой земли,
Чтоб брошенный труп твой вдали от меня
Лежать не остался в пыли».

Всё выше и выше всхожу на хребет
По склону отвесных гор,
На хижину эту, где брат мой живет,
Последний бросаю взор...
Я знаю, мой брат теперь тяжко вздохнет:
«Брат младший мой к князю на службу идет
На службе с друзьями в согласии будь
Все ночи и дни напролет.
Смотри ж, берегись, любимый мой брат,
Смотри же, вернись с чужбины назад,
Чтоб смерть не сразила тебя на пути,
Домой возвратись, солдат!»

НА СБОРЕ ЛИСТЬЕВ ТУТА

(I, IX, 5)

Где занято несколько моу под тутовым садом,
Там листья сбирают и бродят в саду за оградой.
Там шепчут: «Пройтись и вернуться с тобою я рада».

А дальше за садом, где туты посажены были,
Там сборщики листьев гуляли и вместе бродили.
Шептали: «С тобою пройдемся мы»,— и уходили...

УДАРЫ ЗВУЧАТ ДАЛЕКИ, ДАЛЕКИ

(I, IX, 6)

I

Удары звучат далеки, далеки...
То рубит сандал дровосек у реки,
И там, где река омывает пески,
Он сложит деревья свои...
И тихие волны струятся — легки,
Прозрачна речная вода...
Вы ж, сударь, в посев не трудили руки
И в жатву не знали труда —
Откуда ж зерно с трехсот полей
В амбарах ваших тогда?
С облавою вы не смыкались в круг,
Стрела не летела из ваших рук —
Откуда ж висит не один барсук
На вашем дворе тогда?
Мы вас благородным могли б считать,
Но долго ли будете вы поедать
Хлеб, собранный без труда?

II

Удары звучат далеко, далеко...
Колесные спицы привычной рукой
Тесал дровосек над рекой.
На берег он сложит те спицы свои.

Над ровною водною гладью покой,
Прозрачна речная вода.
Но хлеб ваш посеян не вашей рукой,
Вы в жатву не знали труда.
Откуда же, сударь, так много снопов
На ваших полях тогда?
Мы вас благородным могли бы счесть,
Когда б перестали вы в праздности есть
Хлеб, собранный без труда!

III

Далеко, далеко топор прозвучал —
Ободья колес дровосек вырубал.
И ныне обтесанный, крепкий сандал
Он сложит на берег реки.
Кругами расходится медленный вал,
Прозрачна речная вода...
Нет, наш господин ни в посев не знал,
Ни в жатву не знал труда —
Откуда же триста амбаров его
Наполнены хлебом тогда?
Он с нами охоты не вел заодно,
И дичи из лука не бил он давно,
Откуда ж теперь перепелок полно
На этом дворе тогда?
Коль он благородным себя зовет,
Так пусть он не ест без тревог и забот
Хлеб, собранный без труда!

БОЛЬШАЯ МЫШЬ

(I, IX, 7)

Ты, большая мышь, жадна,
Моего не ешь пшена.
Мы трудились — ты хоть раз
Бросить взгляд могла б на нас.
Кинем мы твои поля —
Есть счастливая земля,
Да, счастливая земля,
Да, счастливая земля!
В той земле, в краю чужом
Мы найдем свой новый дом.

* * *

Ты, большая мышь, жадна,
Моего не ешь зерна.
Мы трудились третий год —
Нет твоих о нас забот!
Оставайся ты одна —
Есть счастливая страна,
Да, счастливая страна,
Да, счастливая страна!
В той стране, в краю чужом,
Правду мы свою найдем.

* * *

На корню не съешь, услышь,
Весь наш хлеб, большая мышь!
Мы трудились столько лет —
От тебя пощады нет.
Мы теперь уходим, знай,
От тебя в счастливый край,
Да, уйдем в счастливый край,
Да, уйдем в счастливый край!
Кто же в том краю опять
Нас заставит так стонать?

X

ПЕСНИ ЦАРСТВА ТАН

ДАВНО УЖЕ В ДОМЕ СВЕРЧОК ЗАЗВЕНЕЛ

(I, X, 1)

Давно уже в доме сверчок зазвенел,
К концу приближается год,
И коль не вкусили мы радость теперь —
День минет, и месяц уйдет!
Не радуйся слишком, как ты бы хотел,
Но вспомни о жизни, что ждет;
Пусть радость и счастье имеют предел —
Ты должен бояться невзгод!

Давно уже в доме сверчок зазвенел,
И дни убегают в году,
И коль не вкусили мы радость теперь —
Дни минут, и луны уйдут!
Не радуйся слишком, как ты бы хотел,
Но вспомни: труды еще ждут;
Пусть радость и счастье имеют предел —
Ты должен быть предан труду.

Давно уже в доме сверчок зазвенел,
Не слышно телег — тишина,

И коль не вкусили мы радость теперь —
День канет, и минет луна!
Не радуйся слишком, как ты бы хотел,
Но вспомни, что горесть грозна;
Пусть радость и счастье имеют предел,
Да будет с тобой тишина!

ПЕСНЬ О СКУПЦЕ

(I, X, 2)

С колючками ильм вырастает средь гор,
А вяз над низиною ветви простер.
Есть много различных одежд у тебя,
Но ты не наденешь свой лучший убор;
Повозки и лошади есть у тебя,
Но ты не поскачешь на них на простор.
Ты скоро умрешь, и другой человек
Займет, что б добром насладится, твой двор.

Сумах вырастает средь горных высот,
А слива в низине растет средь болот.
Есть внутренний дворик и дом у тебя —
Никто их, как следует, не подметет.
Там есть барабаны, и колокол есть,
Никто только в них не колотит, не бьет.
Ты скоро умрешь, и другой человек
Владеть твоим домом богатым придет!

Сумах вырастает на склоне крутом,
Каштаны в низине растут под холмом.
Есть яства, хмельное вино у тебя,
Но гуслей не слышим мы в доме твоем.
Ты счастлив не будешь и дни не продлишь
Игрою на гуслях своих за вином.
Ты скоро умрешь, и другой человек
Хозяином вступит в оставленный дом

БУРНЫЕ, БУРНЫЕ ВОДЫ

(I, X, 3)

Бурные, бурные воды реки,
Чисто омытые белые скалы.
В белой одежде, что с воротом алым,
В У я тебя, милый мой, провожала.
Свижусь ли я, мой любимый, с тобою —
Разве не радость настала?

Здесь, в возмутившихся водах реки,
Белые скалы до блеска омыло.
Белое платье я алым расшила,
В Ху я иду за тобою, мой милый.
Свижусь ли я, мой любимый, с тобою —
Скорби ужель не забыла?

Бурные, бурные воды реки,
Белые скалы видны над волнами.
Слышу твой зов — не осмелимся сами
Тайну поведать другому словами!

ПЕСНЬ О ПРОЦВЕТАНИИ И МОГУЩЕСТВЕ РОДА

(I, X, 4)

Перцового дерева крупные зерна
Обильны, уж полон для мерки сосуд;
Вы ж, сударь, могучи собою и рóслы,
Достоинством равного вам не найдут!
Перцовое дерево здесь, и на нем
Все ветви простерлись далеко кругом.

Перцового дерева крупные зерна
Обильны, уж пригоршни обе полны;
Вы ж, сударь, могучи собою, и рóслы,
И духом своим благородным сильны!
Перцовое дерево здесь, и на нем
Все ветви простерлись далеко кругом.

ДВАЖДЫ ХВОРОСТ КРУГОМ ОПЛЕТЯ, Я ВЯЗАНКУ СЛОЖИЛА

(I, X 5)

Дважды хворост кругом оплетя, я вязанку сложила,
В эту пору тройное созвездие в небе светило.
Этот вечер — не знаю, что это за вечер сегодня?
Я тебя увидала — собою прекрасен мой милый.
Почему же таким ты, почему же таким ты
Был прекрасным и добрым, мой милый?

Я охапку травы, сплетя, положила на плечи...
Три звезды нам светили на юго-востоке в тот вечер.
Этот вечер — не знаю, что это за вечер сегодня?
Но сегодня мы встретились — это нежданная встреча!
Почему же с тобою, почему же с тобою
Так отрадна нежданная встреча?

Я из веток вязанку сложил, оплетя их в два круга,
Три звезды перед дверью моею светили нам с юга
Этот вечер — не знаю, что это за вечер сегодня?
Но тебя я увидел сегодня — прекрасна подруга!
Почему же скажи мне, почему же, скажи мне,
Так мила и прекрасна, подруга!

ПЕСНЬ ОБ ОДИНОКОМ ДЕРЕВЕ

(I, X, 6)

Груша растет от деревьев других в стороне,
Ветви раскинулись в разные стороны, врозь,
Так же и я одинако брожу по стране.
В спутники разве чужого не мог бы я взять?
Но не заменит он брата родимого мне!
Вы, что проходите здесь по тому же пути,
Что ж не идете вы с тем, кто совсем одинок?
Близких и братьев лишен человек, почему
В горе ему на дороге никто не помог?

Груша растет от деревьев других в стороне,
Ветви раскинулись, густо листвой обросли...
Так же один, без опоры скитаюсь вдали...
В спутники разве чужого не мог бы я взять?
Только чужие родных заменить не могли!
Вы, что проходите здесь по тому же пути,
Разве не жаль вам того, кто совсем одинок?
Близких и братьев лишен человек — почему
В горе ему на дороге никто не помог?

ПЕСНЯ О ВЕРНОСТИ ГОСПОДИНУ

(I, X, 7)

В барашковой шубе с каймой из пантеры
Ты с нами суров, господин наш, без меры.
Другого ужели нам нет господина?
Служили мы исстари правдой и верой.

Рукав опушен твой пантерой по краю.
Ты с нами жесток — мы в труде изнываем.
Другого ужели нам нет господина?
Мы старую верность тебе сохраняем.

ГУСИ

(I, X, 8)

То дикие гуси крылами шумят,
К могучему дубу их стаи летят —
На службе царю я усерден, солдат.
Я просо не сеял, забросил свой сад.
Мои старики без опоры... Мой взгляд
К далекой лазури небес устремлен:
Когда ж мы вернемся назад?

То гуси, шумя, направляют полет,
Туда, где жужуб густолистый растет.
Нельзя быть небрежным на службе царю —
Я просо засеять не мог в этот год.
Отец мой и мать моя, голод их ждет!
Когда, о далекое небо, скажи,
Конец этой службе придет?

Пусть гуси свои вереницы сомкнут,
Слетаясь на пышный, развесистый тут.
Нельзя нерадиво служить — и в полях
Ни рис, ни маис в этот год не растут.
Отец мой и мать где пищу найдут?
О дальнее синее небо, верни
Солдату привычный труд!

РАЗВЕ МОЖНО СКАЗАТЬ

(I, X, 9)

Разве можно сказать, что я сам не имею одежды?
Семь различных нарядов теперь у меня;
Только эти, тобою дареные ныне одежды
Будут много удобней и лучше, поверь, для меня.

Разве можно сказать, что я сам не имею одежды?
Но различных одежд было шесть у меня.
Только эти, тобою дареные ныне одежды
И теплей, и удобней нарядов, что есть у меня.

ОДИНОКАЯ ГРУША

(I, X, 10)

Вот одинокая груша растет,
Влево она от пути.
Милый ко мне, одинокой, домой
Все собирался прийти.
Сердцем моим так люблю я его!
Чем напою, накормлю я его?

Вот одинокая груша растет,
Там, где пути поворот.
Милый ко мне, одинокой, домой
Звать на гулянье придет.
Сердцем моим так люблю я его!
Чем напою, накормлю я его?

ПРОЧНО ОКУТАН ТЕРНОВНИК ПЛЮЩОМ

(I, X, 11)

Прочно окутан терновник плющом,
Поле с тех пор зарастает вьюнком.
Он, мой прекрасный, на поле погиб —
Как проживу? Одиноким стал дом.

Плющ протянулся — жужубы укрыл,
Вьется на поле вьюнок у могил.
Он, мой прекрасный, на поле погиб —
Я одинока, никто мне не мил.

Рог изголовья красив и, как свет,
Блещет парчой покрывало — и нет
Мужа со мной, мой прекрасный погиб,
Я одиноко встречаю рассвет.

Летние дни без конца потекут,
Будут мне зимние ночи долги...
Кажется: минут века, лишь тогда
Снова я свижусь с моим дорогим.

Будут мне зимние ночи долги,
Летние дни без конца потекут...
Кажется: минут века, лишь тогда
С ним обрету я в могиле приют.

СОБРАЛА Я ЛАКРИЦУ

(I, X, 12)

Часто сбором я лакрицы занята
На вершине Шоуянского хребта.
А что люди говорят,— всё лгут они,
Этим толкам не доверься ты спроста,
Эти речи, эти речи отклони!
Не считай их сплетни правдой, помяни:
Всё, что люди ни болтают, лгут они —
Что их речи? — Толки лживые одни!

Собирала там я заячью траву,
Я ее под Шоуяном рву да рву.
А что люди говорят,— всё лгут они,
Ты не верь, не слушай лживую молву.
Эти речи, эти речи отклони.
Не считай их речи правдой, помяни:
То, что люди ни болтают, лгут они —
Что их речи? — Толки лживые одни!

Собирать мне репу в поле там опять,
На восток от Шоуяна собирать!
А что люди говорят,— всё лгут они,
Ты не верь, не надо сплетням их внимать.
Эти речи, эти речи отклони.
Не считай их речи правдой, помяни:
Всё, что люди ни болтают, лгут они —
Что их речи? — Толки лживые одни!

XI

ПЕСНИ ЦАРСТВА ЦИНЬ

ГРОМ КОЛЕСНИЦ ВСЕ СЛЫШНЕЙ

(I, XI, 1)

Гром колесниц все слышней и слышней;
Белые пятна на лбах у коней.
В горнице мужа не вижу еще,
Только слуга наш по-прежнему в ней.

Вижу сумах я у горных высот.
Вижу в низинах каштан у болот.
Только супруга завидела я,
Рядом садимся, он гусли берет.
Радость ужель мы не вкусим теперь?
Старость настанет, и время уйдет.

Вырос на взгорьях возвышенных тут,
Тополи там по низинам растут.
Только супруга завидела я,
Рядом садимся мы, шэны поют.
Радость ужель мы не вкусим теперь?
Смерть приближается, годы уйдут!

КНЯЗЬ НА ОХОТЕ

(I, XI, 2)

Черная блещет железом четверка дородных коней,
Собраны в руку возницы три пары поводьев-ремней.
Князь в колеснице сидит, и любимые слуги его
Ныне охотиться будут и вслед выезжают за ней.

Гонят по времени года пригодных для жертвы самцов.
Те, что пригодны для жертвы, ныне самцы велики!
Князь лишь прикажет вознице левей колесницу держать,
Пустит стрелу и сразит он — все стрелы у князя метки.

Северным парком с охотой теперь отправляется князь,
Кони привычною рысью в четверке бегут, торопясь.
Легкая едет повозка, звенят в бубенцах удила —
Гончих собак и лягавых для травли она повезла!

БОЕВАЯ КОЛЕСНИЦА

(I, XI, 3)

I

Для боевой колесницы кузов короткий — как раз!
Гнутое дышло красиво кожей повито пять раз,
В круге скользящем все вожжи, чтобы лежали ровней,
Посеребренные кольца держат тяжи из ремней.
Втулки длинны колесницы, шкура тигровая в ней,
Пегих, а к ним белоногих впряг он могучих коней.
Я, о супруг благородный, думой с тобою всегда;
Тверд, благороден, как яшма, сердцем же яшмы нежней!
В срубах дощатых ночуешь в дикой далекой стране —
Скорбь о тебе наполняет сердца изгибы во мне!

II

Мощные тучные кони — вся их четверка крепка,
Вместе ременные вожжи держит возницы рука.
Пегий с гнедым черногривым тянут в упряжке одной,
С ними — с боков — черномордый желтый, а с ним — вороной.
Верно, с драконом на поле рядом уперты щиты,
В посеребренные пряжки средние вожжи взяты!
Я, о супруг благородный, думой с тобою всегда,
Там, благородный и нежный, в городе варварском ты!
Скоро ли, скоро ль настанет вам возвращения срок?
Вся я душой истомилась в думах о том, кто далек!

III

Дружных коней покрывает тонкой брони чешуя,
Посеребренная блещет ручка тройного копья,
Щит разукрашенный в перьях длань прижимает твоя.
Кони с резными значками, в шкуре тигровой твой лук;
В шкуру тигровую накрест всунул два лука супруг,
Чтобы не гнулись, привязан к лугам упругий бамбук.
Я, о супруг благородный, думой с тобою всегда,
Лягу ль на ложе, встаю ли — в мыслях единственный друг!
Тверд и спокоен, я знаю, кто благороден и прям,—
Добрая слава о муже, знаю, несется вокруг.

ТРОСТНИКИ С ОСОКОЙ СИНИ, СИНИ

(I, XI, 4)

Тростники с осокой сини, сини,
Белая роса сгустилась в иней.
Тот, о ком рассказываю вам я,
Верно где-нибудь в речной долине.
По реке наверх иду за ним я —
Труден кажется мне путь и длинен;
По теченью я за ним спускаюсь —
Он средь вод — такой далекий ныне.

Синь тростник и зелена осока —
Не обсохли от росы глубокой.
Тот, о ком рассказываю вам я,
Где-нибудь у берега потока.
По реке наверх иду за ним я —
Путь мой труден, путь лежит высоко;
По теченью я за ним спускаюсь —
Он средь вод на островке далеко.

Блекнет зелень в сини тростниковой.
Белая роса сверкает снова.
Тот, о ком рассказываю вам я,
Где-нибудь у берега речного.
По реке наверх иду за ним я —
Труден путь, я вправо взять готова;
По теченью я за ним спускаюсь —
Он средь вод у острова большого.

ПЕСНЬ
О ПОСЕЩЕНИИ ЦИНЬСКИМ КНЯЗЕМ ЧЖУННАНЬСКИХ ГОР

(I, XI, 5)

Что сыщешь ты там, у Чжунданьских высот?
Там слива с катальтою горной вдвоем.
Муж доблести прибыл на этот хребет,
Он в шубе из лис, под узорным плащом,
И лик, точно киноварь, ал у него!
Его мы своим государем зовем.

Что сыщешь ты там, у Чжуннаньских высот?
Утесы да глади широкие плит.
Муж доблести прибыл на этот хребет,
Халат его пестрым узором расшит,
О пояс в подвесках бряцает нефрит.
Пусть век он живет и не будет забыт!

ТАМ ИВОЛГИ

(I, XI, 6)

Там иволги, вижу, летают кругом,
На ветви жужуба слетаясь, кружат.
Кто с князем Му-гуном в могилу пойдет?
Цзы-цзюйя Янь-си выполняет обряд.
И этот Янь-си, что исполнит обряд,
Был самым храбрейшим из сотен солдат.
Но только к могиле приблизился он,
Как весь задрожал он и был устрашен.
А ты, о лазурное небо вдали,
Так губишь ты лучших из нашей земли!
Как выкуп за тех, кто живым погребен,
Сто жизней мы отдали б, если б могли.

Там иволги, вижу, летают кругом,
Кружат, собираясь на тут под курган.
Кто с князем Му-гуном в могилу пойдет?
Из рода Цзы-цзюйя могучий Чжун-хан.
О, этот из рода Цзы-цзюйя Чжун-хан!
Он сотню солдат отражал, великан!
Но только к могиле приблизился он,
Как весь задрожал он и был устрашен.
А ты, о лазурное небо вдали,
Так губишь ты лучших из нашей земли!
Как выкуп за тех, кто живым погребен,
Сто жизней мы отдали б, если б могли.

Там иволги, вижу, летают кругом,
Садясь меж колючих терновых кустов.
Кто с князем Му-гуном в могилу пойдет?
Чжэнь-ху с ним в могильный уляжется ров.
И этот Чжэнь-ху, что разделит с ним ров,
Был с сотнею воинов биться готов!
Но только к могиле приблизился он,
Как весь задрожал он и был устрашен.
А ты, о лазурное небо вдали,
Так губишь ты лучших из нашей земли!
Как выкуп за тех, кто живым погребен,
Сто жизней мы отдали б, если б могли!

ТОСКА ПО МУЖУ

(I, XI, 7)

То сокол, как ветер, летит в небесах,
Он в северных рыщет дремучих лесах.
Давно уж супруга не видела я,
Великая скорбь в моем сердце и страх.
О, как это сталось? Ужель я одна,
Надолго забытой остаться должна?

Ветвистые вижу дубы над горой,
Шесть вязов я вижу в долине сырой.
Давно уж супруга не видела я,
И боль безысходная в сердце порой.
О, как это сталось? Ужель я одна,
Надолго забытой остаться должна?

Там сливы на горных вершинах густы,
В низинах там дикие груши часты.
Давно уж супруга не видела я...
О сердце, от боли как пьяное ты!
О, как это сталось? Ужель я одна,
Надолго забытой остаться должна?

КТО СКАЗАЛ: НЕТ ОДЕЖДЫ

(I, XI, 8)

Кто сказал: нет одежды в поход снарядить бедняка?
Плащ с тобой пополам разделю я в походе любой!
Царь сбирается в путь и свои поднимает войска —
Приготовил я дротик и длинную пику, и в бой!
Вместе выйдем на битву, ведь враг у нас общий с тобой.

Кто сказал: нет одежды в поход снарядить бедняка?
Мы разделим с тобою исподнее платье мое.
Царь сбирается в путь и свои поднимает войска —
Приготовил я дротик и с ним боевое копье.
Встанем вместе на битву за дело мое и твое!

Кто сказал: нет одежды в поход снарядить бедняка?
Есть рубашка у нас, мы рубашку разделим вдвоем.
Царь сбирается в путь и свои поднимает войска —
Латы я приготовил и острым запасся мечом.
Знаю, вместе с тобою мы в битву с врагами пойдем.

БРАТА МАТЕРИ Я ПРОВОЖАЮ

(I, XI 9)

Брата матери ныне я в путь провожаю с войсками,
Берег северный Вэй — и здесь предстоит нам проститься.
Чем его одарить, я не знаю,— какими дарами?
Подарю я гнедую четверку с большой колесницей.

Брата матери ныне я в путь провожаю с войсками,
Бесконечная дума о нем в моем сердце сокрыта.
Чем его одарить, я не знаю,— какими дарами?
Подарю самоцветы и пояс с прекрасным нефритом!

О скупости князя

(I, XI, 10)

Жаловал нас
В большой горнице, как подобало:
Ныне ж от яств на пиру ничего не осталось —
Жаловать нас
Не умеет, как было сначала.

Жаловал нам
От всех яств по четыре сосуда;
Ныне ж не ели мы досыта с каждого блюда.
Жаловать нас
Не умеет, как было сначала.

XII

ПЕСНИ ЦАРСТВА ЧЭНЬ

ТЫ СТАЛ БЕЗРАССУДЕН

(I. XII. 1)

Ты стал безрассуден, гуляешь с тех пор,
Поднявшись на холм, на крутой косогор!..
Хоть добрые чувства к тебе я храню,
К тебе не поднять мне с надеждою взор.

Ты бьешь в барабан, и разносится гром,
Внизу ты гуляешь под этим холмом.
Порою ли зимнею, летним ли днем
Там с белым стоишь ты от цапли пером.

Ты в накры из глины ударил, опять
Идешь по дороге на холм погулять.
Порою ли зимнею, летним ли днем
Готов с опахалом из перьев плясать!

ТАМ ВЯЗЫ РАСТУТ У ВОСТОЧНЫХ ВОРОТ

(I, XII, 2)

Там вязы растут у восточных ворот,
Дубы на вершине крутого холма.
Сегодня, я знаю, Цзычжунова дочь
Под теми дубами нам спляшет сама!

Прекрасное утро избрали — вдали,
По южной долине мы будем гулять...
Сегодня не треплет никто конопли,
От площади рыночной пляски пошли!

В прекрасное утро мы вышли с тобой!
Идем по дороге все вместе гурьбой.
Ты — яркая мальва в цвету по весне,
Душистых дай перечных зернышек мне!

РАДОСТЬ УДАЛИВШЕГОСЯ ОТ КНЯЖЕСКОГО ДВОРА

(I, XII, 3)

За дверью из простой доски
Возможен отдых без тревог;
Я у бегущего ключа,
Голодный, радоваться мог!

Ужели рыбой на обед
Должны быть хэские лещи?
Жену берешь — ужель и здесь
Ты только Цзян из Ци ищи?

Ужели рыба на обед
Лишь карп из Хэ, и нет иной?
Жену берешь — ужель и здесь
Лишь Цзы из Сун возьмешь женой?

ЕСТЬ У ВОСТОЧНЫХ ВОРОТ ВОДОЕМ

(I, XII, 4)

Есть у восточных ворот водоем,
И коноплю можно вымочить в нем.
Цзи, ты собой хороша и мила,—
Песню я спел бы с тобою вдвоем.

Есть у восточных ворот водоем,
Носим крапиву мочить в этот ров.
Цзи, ты собой хороша и мила.—
Речи вести я с тобою готов!

Есть у восточных ворот водоем,
Вымочить можно в том рву камыши,
Цзи, ты собой хороша и мила,—
Поговорить мне с тобой разреши!

ТАМ, У ВОСТОЧНЫХ ВОРОТ, ЗЕЛЕНЕЮТ РАКИТЫ

(I, XII, 5)

Там, у восточных ворот, зеленеют ракиты —
Пышной густою листвою их ветви покрыты.
Встретиться в сумерки мы сговорились с тобою,
Звезды рассвета блестят, обещанья забыты.

Там, у восточных ворот, зеленеют ракиты —
Ветви их скрыты густою и пышной листвою.
Встретиться в сумерки мы сговорились с тобою,
Звезды рассвета блестят над моей головою.

У ВРАТ МОГИЛЬНЫХ

(I, XII, 6)

У врат могильных разрослись жужубы;
Срежь их топор — они несут нам беды.
Правитель наш неправый и недобрый,
И нрав его в стране всем людям ведом.
Хоть ведом — нет предела и управы —
Был издавна таков правитель нравом.

У врат могильных разрослись и сливы;
Слетясь на них, грозят бедою совы.
Правитель наш неправый и недобрый,
Все люди князя обличать готовы.
Моим словам не внемлет он, но вскоре,
Поверженный, о них он вспомнит в горе.

ВЬЕТ ГНЕЗДО СОРОКА НА ПЛОТИНЕ

(I, XII, 7)

Вьет гнездо сорока на плотине;
На горе́ хорош горошек синий.
Кто сказал прекрасному неправду?
Сердце скорбь наполнила отныне.

Черепицей к храму путь устлали;
Пестр, хорош ятрышник в горных далях.
Кто сказал прекрасному неправду?
Сжалось сердце в страхе и печали.

ВЫШЛА НА НЕБО ЛУНА

(I, XII, 8)

Вышла на небо луна и ярка, и светла...
Эта красавица так хороша и мила!
Горечь тоски моей ты бы утешить могла;
Сердце устало от думы, и скорбь тяжела.

Светлая, светлая вышла на небо луна...
Эта красавица так хороша и нежна!
Горечь печали могла бы утешить она;
Сердце устало, душа моя грусти полна.

Вышла луна, озарила кругом облака —
Так и краса моей милой сверкает, ярка.
Путы ослабь, что на сердце связала тоска,—
Сердце устало, печаль моя так велика!

ЧЕМ Я ТАМ БУДУ ТАК ЗАНЯТ

(I, XII, 9)

Чем я там буду так занят в Чжулинь?
Следом иду, провожаю Ся Нинь.
Это иду я не в город Чжулинь —
Следом иду, провожаю Ся Нинь.

«Вы запрягите четверку коней —
В Чжу отдыхать я поеду на ней.
Сам погоню я коней молодых —
Завтракать в Чжу я поеду на них!»

ТАМ, ГДЕ ПЛОТИНА

(I, XII, 10)

Там, где плотина сжимает наш пруд,
Лотосы там с тростниками растут.
Есть здесь прекрасная дева одна...
Кто мне поможет? — Печали гнетут;
Встану ль, прилягу ль — напрасен мой труд —
Слезы обильным потоком текут.

Там, где плотина сжимает наш пруд,
Там с валерьяной росли тростники.
Есть здесь прекрасная дева одна,
Стан ее пышен, прекрасны виски.
Встану ль, прилягу ль — напрасен мой труд —
В сердце лишь боль бесконечной тоски.

Там, где плотина сжимает наш пруд,
Лотосы там расцветают меж трав.
Есть здесь прекрасная дева одна,
Стан ее пышен и вид величав.
Встану ль, прилягу ль — напрасен мой труд —
Долго томлюсь, к изголовью припав!

XIII

ПЕСНИ ЦАРСТВА ГУЙ

ВЫ В ШУБЕ БАРАНЬЕЙ

(I, XIII, 1)

Вы в шубе бараньей опять беззаботно гуляли,
А в лисьей опять на дворцовом приеме стояли.
Могу ли о вас я не думать в тоске и в тревоге?
Уж сердце устало — болит и болит от печали.

Вы в шубе бараньей гуляете всюду без цели,
А лисью вы, сударь, в дворцовых покоях надели.
Могу ли о вас я не думать в тоске и в тревоге?
Вы сердце мне скорбью глубоко поранить успели.

Баранья та шуба как будто намазана салом,
Лишь выглянет солнце — и шуба в лучах заблистала.
Могу ли о вас я не думать в тоске и в тревоге?
Давно уж печаль так глубоко мне в сердце запала.

КОЛЬ ПУТНИКА ВСТРЕЧУ

(I, XIII, 2)

Коль путника встречу порою под шапкою белой,
А путник от скорби по близким — худой, пожелтелый,—
Опять утомленное сердце мое заболело!

Лишь путника встречу я в белой одежде убогой —
Как ранено сердце мое и тоской и тревогой,
И следом за ним я пошел бы одною дорогой!

Увижу: у путника белым колени прикрыты —
Вновь путами скорби и сердце и дух мой повиты,
И, кажется, скорбью с тобой воедино мы слиты.

ДИКАЯ ВИШНЯ

(I, XIII, 3)

Дикая вишня в той влажной низине растет,
Нежные ветви на вишне слабы и гибки...
Вишня, ты блещешь своей молодой красотой;
Рад я, что вишня не знает забот и тоски!

Дикая вишня в той влажной низине растет,
Нежные, хрупкие вижу на вишне цветы...
Вишня, ты блещешь своей молодой красотой,
Рад я, что дум о семействе не ведаешь ты!

Дикая вишня в той влажной низине растет,
Нежный, прекрасный на ней наливается плод.
Вишня, ты блещешь своей молодой красотой,
Рад я, что вишня не знает о доме забот!

НЕ ВЕТЕР ПОРЫВИСТ

(I, XIII, 4)

Не ветер порывист и буря дика,
Не мчит колесница как вихрь седока —
Смотрю на дорогу, что в Чжоу вела,
И в сердце вздымается снова тоска.

Не ветра порыв и не вихря полет,
Не мчит колесница и в беге трясет —
Взглянул на дорогу, что в Чжоу вела,
На сердце легли мне печали и гнет.

О, если б кто рыбу сумел отварить —
Я вымыл бы сам приготовленный таз.
О, если б кто ехать на Запад хотел —
Я доброе слово сложил бы о вас!

XIV

ПЕСНИ ЦАРСТВА ЦАО

ЖУК-ОДНОДНЕВКА

(I, XIV, 1)

Чешуйки жука-однодневки блестят —
Как светел, как светел твой новый наряд!
Но сердце печалью объято мое —
О, если б ко мне ты вернулся назад.

То крылья жука-однодневки весной —
Как ярок, как ярок наряд расписной!
Но сердце печалью объято мое —
Вернись и останься отныне со мной!

То выглянул жук-скарабей из земли,
Он в платье из белой, как снег, конопли;
Но сердце печалью объято мое —
Вернись и жилище со мной раздели!

ХОДЯТ ОНИ НА ПРИЕМЫ

(I, XIV, 2)

Ходят они на приемы, встречают гостей,
Палицы с копьями носят с собою — и что ж!
Люди пустые на княжеской службе у нас —
В алых стоят наколенниках триста вельмож.

Там на плотине ленивый сидит пеликан,
Крыльев мочить не хотел он, за рыбой гонясь.
Люди пустые на княжеской службе у нас —
Даже не сто́ят одежд, что пожа̀ловал князь.

Так на плотине ленивый сидит пеликан,
Клюв он мочить не хотел и не ведал забот.
Люди пустые на княжеской службе у нас —
Княжеских больше не стоят похвал и щедрот.

Видишь, у нас и деревья, и травы густы,
Дымка поутру над южной горою видна.
Юная девушка там... Но хотя и мила —
Бедная девушка — голод познала она!

НА ТОЙ ШЕЛКОВИЦЕ ГОЛУБКА СИДИТ

(I, XIV, 3)

На той шелковице голубка сидит,
Семь деток вскормила она.
Сколь доблести муж совершенен собой,
Все в нем — величавость одна.
В поступках его величавость одна —
В ней крепость и сдержанность сердца видна!

На той шелковице голубка сидит,
На сливу птенец залетел.
Сколь доблести муж совершенен собой,
Как пояс твой шелковый бел!
Я вижу, как пояс твой шелковый бел,
Ты черную с проседью шапку надел!

На той шелковице голубка сидит,
Птенцы на жужубе видны.
Сколь доблести муж совершенен собой —
В поступках не сыщешь вины!
В деяньях его не отыщешь вины —
Исправил четыре предела страны!

На той шелковице голубка сидит,
В орешнике вижу птенца.

Сколь доблести муж совершенен собой!
Народа исправил сердца.
Примером исправил народа сердца —
Пусть тысячи лет он живет без конца!

ТЕЧЕТ НА ПОЛЯ ЛЕДЯНАЯ ВОДА...

(I, XIV, 4)

Течет на поля ледяная вода родника,
Густой чернобыльник она залила на лугу.
Восстану от сна и вздыхаю, и скорбь велика,
Столичного города Чжоу забыть не могу!

Течет на поля ледяная вода родника,
Густую полынь, по пути увлажняя, зальет.
Восстану от сна и вздыхаю, и скорбь велика,
О городе этом я полон тревог и забот.

Течет на поля ледяная вода родника,
И в тысячелистниках пышных разлился поток.
Восстану от сна и вздыхаю, и скорбь велика,
О городе этом я полон забот и тревог!

Как просо, бывало, прекрасно всходило везде,
И тучи питанье полям приносили в дожде!
Имели царя все четыре предела страны.
И сюньский правитель царю был опорой в труде!

XV

ПЕСНИ ЦАРСТВА БИНЬ

ПЕСНЯ О СЕДЬМОЙ ЛУНЕ

(I, XV, 1)

I

В седьмую луну звезда Огня
Все ниже на небе день ото дня.
И вот теперь, к девятой луне,
Одежду из шерсти выдали мне.
В дни первой луны пахнёт холодок,
В луну вторую мороз жесток,
Без теплой одежды из шерсти овцы,
Кто год бы закончить мог?
    За сохи беремся мы в третьей луне,
    В четвертую в поле пора выходить —
    А детям теперь и каждой жене
    Нам пищу на южные пашни носить.
Надсмотрщик полей пришел и рад,
Что вышли в поле и стар и млад.

II

В седьмую луну звезда Огня
Все ниже на небе день ото дня.
И вот теперь, к девятой луне,

Одежду из шерсти выдали мне.
Тепло с собою несет весна,
Уж иволги песня вдали слышна.
Вот девушка вышла с корзинкой в руках,
По узкой тропинке идет она.
 И всё она ищет, где листья нежней;
 Тутовника ветки пригрела теплынь,
 Весенние дни всё длинней и длинней,
 Уж в поле подруги сбирают полынь.
На сердце печаль у неё лишь одной:
В дом князя войдет она скоро женой.

III

В седьмую луну звезда Огня
Все ниже на небе день ото дня.
В восьмую луну крепки тростники —
Мы режем тростник и камыш у реки.
Луна шелкопрядов — зеленый тут...
Мужчины тогда топоры берут —
Верхушки со старых срежет топор,
А с юных — зеленый убор сорвут!
Кричит балабан о седьмой луне.
В восьмую — за пряжу садиться жене.
 Мы черные ткани и желтые ткем,
 А ту, что сверкает багряным огнем,
 Что ярче всех и красивей всех,
 Мы княжичу в дар на халат отдаем.

IV

К четвертой луне трава зацветет,
О пятой луне цикада поет.
В восьмую луну мы сберем урожай,
В десятую — падают листья, кружа.
 И первая вновь наступает луна —
 Барсучьей охотой начнется она;

И ловим лисиц мы и диких котов —
Ведь княжичу теплая шуба нужна.
Но вот на облаву выходит рать,
Привычная в пору второй луны,—
Себе поросенка должны мы взять,
А князю мы вепря отдать должны!

V

Вот время пришло, и о пятой луне
Кузнечика стрекот послышался мне...
В шестую луну донеслось до меня,
Как крылья стрекоз задрожали, звеня.
В седьмую — мы в поле сверчка найдем,
В восьмую — сверчок уже здесь, под крышей,
В девятую он заползает в дом,
В десятую — он под постелью слышен!
В доме замазывать щели пора,
Выкурить дымом мышей со двора!
Крепко закрыто на север окно,
Глиной обмазаны двери давно.
Жены и дети, мы вас зовем:
Год изменился, пришли холода,
В дом свой войдите, живите в нем.

VI

В шестую луну отведать мы рады
Багряные сливы и гроздь винограда.
В седьмую отведать бобы на пару,
В восьмую луну я жужубы сберу.
Мы рис собираем десятой луной —
К весне приготовим хмельное вино,
Чтоб старцев почтенных с седыми бровями
На долгие годы бодрило оно.
Седьмая луна — стала тыква вкусна,
В восьмую горлянки срезает жена,

Девятой луною кунжутные зерна
И горькие травы собрала она.
В запас нарубила и сучьев и дров —
Обед для крестьянина будет готов!

VII

Девятой луною мы ток расчищаем,
В моем огороде прибита земля;
Десятой луной урожай убираем:
Здесь просо, пшеница, бобы, конопля.
Супругу жена говорит своему:
«О муж мой, мы всю нашу жатву собрали.
Работа нас ждет в нашем зимнем дому —
Сбираться в селение нам не пора ли?».
Сбираем мы травы осенние днем,
А ночью глубокой — веревки совьем.
Лишь кровлю поправить успел я — опять
Пора и весенний посев починать!

VIII

Лед бьем мы со звоном — вторая луна,
Им в третью широкая яма полна,
И утром в четвертой, как жертву зимы,
Чеснок и барашка приносим мы!
В девятой — вновь иней на травах жесток,
Десятой луной расчищаем мы ток...
У нас на пиру два кувшина с вином,
Овцу и барашка мы князю снесем.
Рога носорога полны вина,
Поднимем их выше и выпьем до дна,
Чтоб жизнь ваша, князь, длилась тысячи лет
И чтоб никогда не кончалась она!

О ТЫ, СОВА

(I, XV, 2)

О ты, сова, ты, хищная сова,
Птенца похитила, жадна и зла!
Не разрушай гнезда, что я свила.
С трудом, с любовью я вскормила их,
Моих птенцов,— так пожалей же их!

Пока не скрылся в тучах небосвод,
Кору с корней древесных птица рвет.
Я вью гнездо, сплела из веток вход...
Ужели ты, живущий там внизу,
Меня посмеешь обижать, народ?

Когтями я рвала траву кругом,
Изодран клюв мой жестким тростником,
И всем, что я сбирала,— и потом
Мой клюв был в ранах весь! Но что мне в том,—
Сказала я,— коль не готов мой дом?

Иссякла мощь моих разбитых крыл,
И хвост ослаб — он весь изломан был.
Гнездо в беде; бороться нету сил;
И дождь хлестал его и ветер бил...
Стал голос мой тревожен и уныл.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ПОХОДА

(I, XV, 3)

Мы ходили походом к восточным горам,
Долго, долго мы пробыли там.
И обратно с востока нам время идти —
Мелкий дождь нас мочил по пути.
Но с востока на запад при слове «назад»
Устремились все мысли солдат —
Там сошьют земледельцу привычный наряд,
Рот не сжат, не поставят нас в ряд.
Только черви простые теперь поползли
На полях у моих шелковиц...
И одни мы ночуем от близких вдали
Под покровом своих колесниц.

Мы ходили походом к восточным горам,
Долго, долго мы пробыли там.
И обратно с востока нам время идти —
Мелкий дождь всё мочил нас в пути.
Дикой тыквы плоды налились и кругом
Обвисают по кровле теперь,
И мокрицы проникли в оставленный дом,
Паутиною заткана дверь;
И олени пасутся в полях у домов,
Да мерцают огни светляков...
Как тревожит само это слово «назад»,
И волненье в сердцах у солдат!

Мы ходили походом к восточным горам,
Долго, долго мы пробыли там.
И обратно с востока нам время идти —
Мелкий дождь нас всё мочит в пути.
Там, у куч муравьиных, лишь цапли кричат,
Жены дома вздыхают, молчат;
Дома щели заткнули и пол подмели —
Мы с похода внезапно пришли!
Плети тыкв одичалых обвили одни
Дров каштановых груду кругом,
И с тех пор, как ушли мы, до нынешних дней
Я три года не видел свой дом!

Мы ходили походом к восточным горам,
Долго, долго мы пробыли там!
И обратно с востока нам время идти —
Мелкий дождь нас всё мочит в пути.
Только иволги, вижу, летают вдали,
И лишь крылья сверкают у них...
То невеста сбирается в путь — запрягли
Темнорыжих коней и гнедых.
Вот уж матерью пояс вкруг стана обвит,
В украшеньях невеста стоит,
И жених ее новый прекрасен на вид —
Что же старый, ужели забыт?!

ПЕСНЬ О ПОХОДЕ КНЯЗЯ ЧЖОУ НА ВОСТОК

(I, XV, 4)

Были разбиты в походе у нас топоры,
Наши секиры расколоты были в куски.
Чжоуский князь выступает в поход на восток —
Царства четыре границы да будут крепки!
Сколь, о народ, состраданья он полон к тебе,
Сколь о народе заботы его велики!

Были разбиты в походе у нас топоры,
Были расколоты острые наши жезлы.
Чжоуский князь выступает в поход на восток —
Царства пределы к добру он выводит из мглы!
Сколь, о народ, состраданья он полон к тебе,
Сколь о народе заботы достойны хвалы!

Были разбиты в походе у нас топоры,
Наши секиры расколоты были давно.
Чжоуский князь выступает в поход на восток —
Царства пределы крепи́т он и вяжет в одно!
Сколь, о народ, состраданья он полон к тебе,
Сколь похвалы, восхищенья достойно оно!

О СКОРОМ СВАТОВСТВЕ

(I, XV, 5)

Когда топорище ты рубишь себе —
Ты рубишь его топором.
И если жену избираешь себе —
Без свах не возьмешь ее в дом.

Когда топорище рублю топором,
То мерка близка, говорят.
Увидел я девушку эту — и вог
Сосуды поставлены в ряд!

С ДЕВЯТЬЮ КОШЕЛЯМИ ПОСТАВЛЕНА СЕТЬ

(I, XV, 6)

С девятью кошелями поставлена сеть,
Рыбы там — красноперка с лещом.
Мы увидели князя — был выткан дракон
На узоре одежды на нем.

▪

То над островом правит журавль свой полет...
Или места наш князь не найдет?
Он две ночи с тобой проведет!

Журавли над высокой равниной летят...
Или князь не вернется назад?
Он с тобою две ночи подряд.

Так могли мы на платье с драконом взглянуть...
Князь, в обратный не трогайся путь —
Пусть не льется печаль в мою грудь!

ПОДГРУДОК ОТВИСШИЙ ВОЛК ЛАПОЙ ПРИЖАЛ

(I, XV, 7)

Подгрудок отвисший волк лапой прижал, оступясь;
Отпрянув назад, волк ударился тотчас хвостом...
Преславный потомок, велик и прекрасен был князь,
Спокоен и важен,— багряные туфли на нем.

Отпрянув назад, волк ударился тотчас хвостом,
Подгрудок отвисший волк лапой прижал, оступясь.
Преславный потомок, велик и прекрасен был князь,
И славе его, как нефриту, неведома грязь!

МАЛЫЕ ОДЫ

I

ВСТРЕЧА ГОСТЕЙ

(II, I, 1)

Согласие слышу я в криках оленей,
Что сочные травы на поле едят.
Прекрасных гостей я сегодня встречаю —
На гуслях играют и шэны звучат,
И трубки у шэнов настроены в лад,
Корзины подарков расставлены в ряд.
Те люди мне путь совершенств показали;
Я вижу любовь их, и счастлив, и рад.

Согласие слышу я в криках оленей,
Что сочные травы едят на полях.
Прекрасных гостей я сегодня встречаю,
Их доблесть сверкает, им славу суля,
Для всех благородных пример подражанья,
Народ поучая, пороки целя,
Отменным их ныне вином угощаю,
Прекрасных гостей на пиру веселя.

Согласие слышу я в криках оленей,
Что травы едят на полях поутру.

Прекрасных гостей я сегодня встречаю,
И слышу цитры и гуслей игру,
Я слышу и цитры, и гуслей игру,
Согласье и радость в удел изберу.
Отменным их ныне вином угощаю —
Прекрасных гостей веселю на пиру.

НА СЛУЖБЕ ЦАРЮ

(II, I, 2)

Всё скачут и скачут четыре коня,
И длинен великий извилистый путь...
Иль думы о доме назад не манят?
Мы службой царю пренебречь не должны,
И ранено сердце тоской у меня.

Усталые скачут четыре коня,
Белы они сами, их гривы черны...
Иль думы о доме назад не манят?
Мы службой царю пренебречь не должны,
Покоя и отдыха мы лишены.

То голуби реют и реют, взгляни:
То взмоют, то вдруг упадут с вышины,
Вот сели на куще дубовой они...
Мы ж службой царю пренебречь не должны,
И старость отцов не покоят сыны.

То голуби реют и реют, взгляни:
То сядут, то ввысь устремляются, взмыв,
Вот сели на ветви раскидистых ив.
Мы же службой царю пренебречь не должны,
И матери наши забот лишены.

Четверку запряг черногривых коней,
И скачут они все резвей и резвей...
Иль думы о доме назад не манят?
Я песню сложил, чтоб напомнить о ней —
О матери, брошенной без сыновей.

НА СЛУЖБЕ ЦАРЮ

(II, I, 3)

Цветы распустились, сверкают, горя
По взгорьям широким, в низинах у нас...
И мчатся и мчатся посланцы царя —
Боятся, что в срок не исполнят приказ.

А резвые кони мои горячи,
Три пары вожжей увлажнились, блестят,
И лошади мчатся, и хлещут бичи.
Посланец, повсюду совета ищи.

И серые в яблоках кони легки,
И вожжи, как будто из шелка, мягки,
И лошади мчатся, и хлещут бичи.
Повсюду, посланец, совет получи.

Белы мои кони, их гривы черны,
И вожжи влажны и блестят вдоль спины.
И лошади мчатся, и хлещут бичи.
Совета ищу у мудрейших страны.

Легки мои кони, цвет масти их сив...
И ровно ложатся все вожжи у грив,
И лошади мчатся, и хлещут бичи.
Учись, у мудрейших совета спросив!

БРАТСКАЯ ЛЮБОВЬ

(II, I, 4)

I

Гляди: цветы у наших слив,
Не краше ль всех они горят!
Из всех людей, что ныне есть,
Милее нет, чем брату брат.

II

Пред смертным ужасом одна
Лишь братская любовь сильна.
И в грудах тел среди долин
Труп брата ищет брат один!

III

В долине иволга живет...
Страдают братья от невзгод.
У всех есть лучшие друзья —
Их вздохи множат скорби гнет.

IV

Пусть дома ссорится семья —
У ней отпор врагу един.
У всех есть лучшие друзья —
Их помощи не видел я.

V

Но смерть и мрак побеждены,
Покой и мир внутри страны.
Иль больше брата своего
Мы чтить друзей своих должны?

VI

Ковши и чаши ставьте в ряд
И выпьем вволю. С нами вновь
Согласье, радость и любовь,
Когда пирует с братом брат.

VII

Любовь детей и наших жен,
Как гуслей с цитрой общий звук,
И если с братом дружен брат —
Им радость будет вечный друг.

VIII

Когда в порядке держишь дом —
Среди домашних радость в нем.
Друзья, помыслите о сем,—
Мы в этом истину найдем!

О ДРУЖБЕ

(II, I, 5)

I

Согласно стучит по деревьям топор,
И птичий исполнен согласия хор,
Их стая, из темной долины взлетев,
Расселась в вершинах высоких дерев.
Их песни звучат голосисто средь гор —
Подруга с подругой ведет разговор.
Смотри: если птица подругу зовет,
Подруга с подругой ведет разговор,
То как человеку друзей не искать,
Не к другу ль его устремляется взор?
И светлые духи, услышав о сем,
Даруют согласье, и сгинет раздор.

II

Стук в чаще... Топор с топором заодно...
Прозрачное я приготовил вино
И жирный ягненок для этого дня
Зарезан, и позвана в гости родня;
А коль не придут, да не скажет никто,
Что я непочтителен был, про меня!
Опрыскан и начисто выметен пол
И восемь в порядке расставлено блюд,
И жирный теленок поставлен на стол —
Родню моей матери в гости зовут.

А коль не придут, да не скажет никто,
Что я виноват — в поношенье и в суд.

III

Стучит по деревьям топор над холмом.
Наш стол изобилен прозрачным вином,
И в полном порядке сосуды на нем,
И братья мои наполняют мой дом.
Достоинство духа народ утерял,
Гоняясь за лишним засохшим куском.
Вино есть — его процедите для нас,
А нету вина, так купите для нас,
Как гром, барабаны гремите для нас,
Живей, плясуны, попляшите для нас!
А время придет отдохнуть нам — опять
Прозрачное будем вино выпивать.

СЛАВОСЛОВИЕ ЦАРЮ

(II, I, 6)

I

Небо навеки храни тебя, царь!
Сила твоя да пребудет тверда,
Благо и счастье да будут тебе,
Да не иссякнут они никогда!
Многие небо щедроты пошлет,
Несть им числа, на года и года!

II

Небо навеки храни тебя, царь!
Даруй без меры щедроты одни!
Долгу послушный, прими от небес
Милости — будут стократны они.
Счастье, о небо, тебя осени,
Счастье на долгие, долгие дни!

III

Небо навеки храни тебя, царь!
Пусть и всё царство твое процветет,
Точно гора иль вершина холма,
Точно утес или горный хребет,
Точно река, что в разливе своем
Все полноводнее мчится вперед.

IV

Время избрав и очистивши всё,
Пир сотворишь и сыновние сам
Жертвы четыре в году принесешь
Прежним владыкам и предкам-царям.
Их заместитель тебе изречет
Жизнь без конца по векам и векам!

V

Светлые духи, представ пред царя,
Счастьем обильным тебя одарят.
Прост твой народ и правдив, что ни день
Пищу свою добывая в труде.
В черноволосом народе твоем
Доблесть твоя разольется везде.

VI

Ты как луна, чье сиянье растет,
Ты как пресветлого солнца восход!
Вечностью жизнь да сравнится твоя
С южной горой, что вовек не падет,
Ты как на соснах и туях хвоя,
Что в бесконечном преемстве живет!

В ПОХОДЕ НА ГУННОВ

(II, I, 7)

I

Собирали мы папоротник по лесам,
И ростки его чуть поднимались тогда,
А когда нам прикажут идти по домам,
Дней в году завершится уже череда.
Ни семьи и ни дома нет больше... Беда —
Это гуннская вторглась орда.
На коленях и то я не мог отдохнуть —
Это гуннская вторглась орда.

II

Собирали мы папоротник по лесам,
Были стебли его в эту пору мягки,
А когда нам прикажут идти по домам —
Изболится, иссохнет душа от тоски.
И сердца тоска всё мучительней жжет,
Истомил меня голод, и жажда гнетет!
Но охране границы не будет конца,
И проведать домашних не сыщешь гонца.

III

Собирали мы папоротник по лесам,
И уж крепкими стебли казалися мне,
А когда нам прикажут идти по домам —
Год подвинется, верно, к десятой луне.

Но на службе царю ты не будь нерадив —
И не мог отдохнуть я, колени склонив...
И скорбит мое сердце сильнее: солдат
Не вернется с похода назад!

IV

Чьих цветов красота так нарядно пышна?
Это сливы: прекрасней цветов не найти.
Это чья на пути колесница видна?
Благородного это повозка в пути.
В боевой колеснице четыре коня,
И крепки и могучи его скакуны...
Смею ль я отдохнуть? Три победы в бою
Одержать приказал он в теченье луны!

V

Впряжены в колесницу четыре коня,
Вижу мощь запряженных четверкой коней,
Благородный наш вождь в колесницу войдет,
Мы, ничтожные, следовать будем за ней.
Ровно кони бегут, их в порядке убор,
Лук в слоновой кости, из кожи тюленя колчан.
Как же нам, что ни день, не сбираться в дозор?
Гуннов с севера крепнет напор!

VI

Помню время, когда уходили в поход,
Был на ивах зеленый, зеленый наряд;
Ныне мы возвращаемся к дому назад —
Только снежные хлопья летят и летят...
Долго, долго солдатам обратно идти,
Нас и голод и жажда томят на пути,
Сердце ранено скорбью. Никто, говорят,
Не узнает, как страждет солдат.

ОДА О ПОХОДЕ ВОЕВОДЫ НАНЬ ЧЖУНА ПРОТИВ ГУННОВ

(II, I, 8)

I

Выходят ряды боевых колесниц
За дикую степь, устремляясь вперед,
И вождь нам сказал, что от сына небес
Приказ поступил собираться в поход.
Велит колесницу свою снаряжать,
Возницу своей колесницы зовет:
«Будь скор и проворен. На службе царю
Немало нам будет трудов и забот!»

II

Выходят ряды боевых колесниц —
Они за предместьями: стяг водружен,
И змей с черепахой расшиты на нем.
Висят бунчуки на верхушках знамен,
Вся в змéях и в сóколах ткань их ярка,
И ветер ужель не колышет шелка?
И горе сжимает сердца у солдат,
Томлением страха возница объят.

III

Приказ от царя был Нань Чжуну вручен,
Чтоб дальний Шофан был стеной укреплен.
Идут колесницы, на ткани знамен

И змеи блестят и сверкает дракон.
«Сын неба отдал повеление мне,
Чтоб дальний Шофан был стеной укреплен!»
Был грозен Нань Чжун, и ужасен был он,
И изгнаны гунны, и враг поражен.

IV

Когда выступали мы в этот поход,
Цвело еще просо в полях, колосясь,
А ныне, когда мы уходим домой,—
Снег падает хлопьями в липкую грязь.
Сколь служба царю многотрудна для нас —
Не мог отдохнуть на коленях солдат!
Иль думы о доме назад не манят?
Нарушить боялись мы царский указ.

V

Уж снова запели цикады вокруг,
Кузнечики скачут... Далеко супруг.
И долго супруга не видит жена,
И сердце болит от волнений и мук,
Лишь только завидит супруга жена,
И сердце ее успокоится вдруг.
Был грозен Нань Чжун, и ужасен был он
И западных варваров ранит испуг.

VI

И дни удлиняются в пору весны,
И травы пышны, и деревья пышны,
И иволги звонкие песни слышны,
Кувшинки сбирают... Из дальней страны
Мы толпами пленных с собою ведем;
Солдат возвращается в брошенный дом.
Был грозен Нань Чжун, и ужасен был он,
И гунны на севере усмирены.

В ОЖИДАНИИ МУЖА, УШЕДШЕГО В ПОХОД

(II, I, 9)

Стоит одинокая груша, смотрю:
Прекрасны плоды, что созрели на ней.
Нельзя быть небрежным на службе царю —
И тянется нить бесконечная дней.
Дни быстро склонились к десятой луне,
И сердце тоска разрывает жене —
Солдат отдохнуть не вернется ль ко мне?

Стоит одинокая груша, смотрю:
Листы ее так зелены, зелены.
Нельзя быть небрежным на службе царю —
Тоскою поранено сердце жены.
И трав, и дерев зеленеет наряд;
Печали мне женское сердце теснят:
Когда же мой воин вернется назад?

Пошла через северный этот хребет —
Сбираю я нежные ивы ростки...
Нельзя быть небрежным на службе царю —
Томятся отец наш и мать от тоски.
Изношен уже колесницы сандал,
И каждый скакун истомленным скакал,
Уж близко мой воин, он очень устал.

Они не идут, не впрягают коней,
А сердце болит и тоскует сильней,
Всё нет его, минул условленный срок,
На сердце всё больше забот и тревог.
В гаданьях я дни провожу, в ворожбе,
И всё говорит мне: он близок к тебе;
Он близко, мой воин, усталый в борьбе.

II

РАДУШНОМУ ХОЗЯИНУ

(II, II, 3)

Всякой-то рыбы мережа полна;
Крупной и мелкой, всего.
Доблестный муж наготовил вина —
Вкусное, много его!

Всякой-то рыбы мережа полна:
Лещ тут, налимов полно.
Доблестный муж наготовил вина —
Много, и вкусно оно!

Всякой-то рыбы мережа полна:
Карпов, форели не счесть!
Доблестный муж наготовил вина —
Вина прекрасные есть.

Много он яств приготовил, взгляни:
Все-то прекрасны они.
Яства отменны на вкус и на цвет,
Видишь: чего только нет!

Сколько хозяин наставил добра —
Значит настала пора!

РАДУШНОМУ ХОЗЯИНУ

(II, II, 5)

Есть на юге прекрасная рыба,
Эту рыбу ловят мережей...
Есть вино у достойного мужа
Для веселья гостей пригожих.

Есть на юге прекрасная рыба,
И мережей ловить ее надо...
Есть вино у достойного мужа
Всем прекрасным гостям на радость.

Есть там дерево — ветви низко
Плети тыквы сладкой обвили...
Есть вино у достойного мужа,
Гости пиром довольны были!

Реют голуби всюду, всюду,
И слетаются целой стаей...
Есть вино у достойного мужа,
Гости пир повторить мечтают.

СЛАВОСЛОВИЕ ГОСТЯМ

(II, II, 7)

I

На южной горе — там растут камыши,
На северной — травы душисты в глуши.
Достойные, милые гости мои —
Опора всех стран, ваша сила крепка!
Достойные, милые гости мои,
Да будет вам жизнь на века и века.

II

На южной горе разрастается тут,
На северной — тополи, вижу, растут.
Достойные, милые гости мои,
Как блеск наших царств, вас и ценят и чтут.
Достойные, милые гости мои
Пусть тысячи лет бесконечно живут!

III

На южной горе вижу поросли ив,
На северной — рощи обильные слив.
Достойные, милые гости мои
Народу заменят и мать, и отца,
Достойные, милые гости мои,
Их доблестной славе не будет конца!

IV

На южной горе — там растут лозняки,
На северной — вижу — деревья гибки.
Достойные, милые гости мои,
Иль в старости брови не будут густы?
Достойные, милые гости мои,
Пусть доблести слава цветет, как цветы!

V

На южной горе — там осины краса,
На северной — видишь, катальпы леса.
Достойные, милые гости мои,
До желтой ужель не дожить головы?
Достойные, милые гости мои,
Да в мире потомство взлелеете вы!

ВЫСОКО ПОЛЫНЬ ВОЗРОСЛА

(II, II, 9)

Я вижу: высоко полынь возросла,
Густая роса на цветке.
Мой милый, тебя я увидеть смогла,
И места нет в сердце тоске.
Пируем, смеемся, в беседе такой —
Нам радость с тобой и покой.

Я вижу: высоко полынь возросла,
Роса на полыни крупна.
Мой милый, тебя я увидеть смогла,
Любовь твоя света полна.
Духовная доблесть твоя без пятна —
За долгую жизнь не померкнет она!

Я вижу: высоко полынь возросла,
Повисла роса по листкам,
Мой милый, тебя я увидеть смогла —
Пируем — и радостно нам.
И братьям ты будешь примером, как брат,
Чьи доблести вечную радость сулят.

Я вижу: высоко полынь возросла,
И росы блистают вокруг.

Тебя, наконец, я увидеть смогла,
И вожжи чуть звякнули вдруг.
Согласен на сбруе бубенчиков звук...
Будь вечно счастливым и радостным, друг!

НА ПИРУ

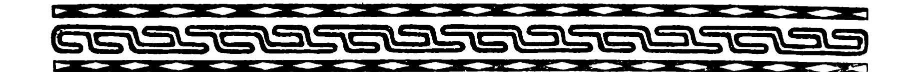
(II. II. 10)

Густая, густая повсюду роса —
Без солнца не высохнут росы кругом...
Мы длим свою радость, мы пьем в эту ночь —
Никто не уйдет, не упившись вином.

Густая, густая повсюду роса
На травы легла, чуть блеснула заря.
Мы длим свою радость, мы пьем в эту ночь,
И пир наш кончаем в покоях царя.

Густая, густая повсюду роса —
Все ивы в росе и жужубы в росе.
Мужи благородства правдиво-светлы
И каждый прекрасен в духовной красе.

Маслины кругом и катальпы стоят,
Плоды их висящие радуют взгляд.
Мужи благородства в веселье своем
Учтивую важность осанки хранят!

III

ВСТРЕЧА ГОСТЯ

(II, III, 1)

От тетивы свободен красный лук,
Приняв его, я сохранил его.
Прекрасный гость сегодня у меня —
От сердца — луком одарил его!
Колокола и барабаны в ряд,
И пиром я с утра почтил его.

От тетивы свободен красный лук,—
Приняв его, я крепость дал ему.
Прекрасный гость сегодня у меня,
От сердца счастлив, радуюсь ему.
Колокола и барабаны в ряд —
Я место справа сохранял ему.

От тетивы свободен красный лук —
Приняв его, в чехол вложил его.
Прекрасный гость сегодня у меня —
Всем сердцем я всегда любил его.
Колокола и барабаны в ряд —
Всё утро я вином поил его!

ГУСТЫЕ ПОЛЫНИ

(II, III, 2)

Густые, густые полыни кругом —
В средине над этим пологим холмом.
Завижу ли мужа любимого я —
И рада, готовлю учтивый прием!

Густые, густые полыни кругом —
В средине — на этом речном острову.
Завижу ли мужа любимого я —
И в радости сердца глубокой живу!

Густые, густые полыни кругом —
В средине, где зелен становится склон.
Завижу ли мужа любимого я —
Как тысячу раковин дарит мне он!

Как зыбок, как зыбок из тополя челн,
Нырнет и всплывет на поверхности волн.
Завижу ли мужа любимого я —
Мир в сердце, и дух мой спокойствия полн.

О ПОХОДЕ ВОЕВОДЫ ИНЬ ЦЗИ-ФУ НА ГУННОВ

(II, III, 3)

I

В шестую луну объявили тревогу, тревогу,
Ряды боевых колесниц приготовив в дорогу;
Четверки коней горячи и сильны в колесницах.
Погружены латы из кожи обычные. Трогай!
В свирепом напоре кидаются гуннов отряды,
И нам торопиться навстречу кочевникам надо...
Так царь свое войско в далекий поход высылает,
Чтоб в царстве его укрепились и мир, и порядок.

II

Масть в масть наши кони и силою равно богаты,
И к правилам боя коней приучили солдаты.
Мы в эту шестую луну приготовили воинам
И шлемы из кожи, и наши обычные латы.
Коль скоро одежды у нас приготовлены были,
В один переход тридцать ли мы за день проходили.
Так царь свое войско в далекий поход высылает,
Чтоб сыну небес помогли утвердиться мы в силе.

III

И кони в четверках телами массивны и длинны,
И были огромны широкие конские спины!
И наши войска лишь на гуннские орды напали —

Прекрасные подвиги наши пред всеми предстали!
И полны величья и вместе почтенья мы были,
В трудах боевых выполняя повинности наши.
В трудах боевых выполняя повинности наши,
Державе царя мы отныне покой утвердили.

IV

Но гунны, вперед не подумав, доверились силе —
Свой строй развернув, они Цзяо и Ху захватили,
И заняли Хао, и вторглись в пределы Шофана,
И вышли на северный берег Цзинхэ без изъяна.
Но сокол на знамени тканом сияет узором,
И белые вымпелы блещут, горят перед взором!
И десять больших боевых колесниц устремились —
Дорогу вперед нам открыли могучим напором.

V

Ровны и покойны щиты боевой колесницы:
Передний и задний на ось равномерно ложится.
Могучие кони подобраны в каждой четверке,
Могучие кони обучены строю возницей.
И наши войска нападают на гуннские орды,
Походом на северо-запад идем к Тайюани.
В правленье страной, как и в воинском деле, Инь Цзи-фу
Для тысячи царств образцом и примером предстанет.

VI

Пирует Инь Цзи-фу — он рад — миновали невзгоды,
Обильное счастье приял он на многие годы...
Домой возвращается войско из дальнего Хао,
И кажутся вечностью долгие наши походы...
Вином угощая, пирует Инь Цзи-фу с друзьями,
В жиру черепаха, раскрошенный карп перед нами.
И кто здесь пирует? — Чжан Чжун, повсеместно известный
Сыновним почтеньем и братской любовью, с друзьями.

О ПОХОДЕ ВОЕВОДЫ ФАН ШУ НА ЮЖНЫХ ВАРВАРОВ

(II, III, 4)

I

Отправляясь, они молочай собирали
И на новых полях, что запаханы год,
На полях, что весной лишь они запахали...
Фан Шу прибыл, он войско уводит в поход.
Здесь три тысячи счетом его колесницы —
Это рати защита, солдаты за ней.
Фан Шу войско ведет и теперь выезжает
На четверке своих черно-серых коней.
И четверка вперед черно-серая мчится:
Боевая краснеет его колесница!
Верх — циновки, колчан — из тюленевой кожи,
В бляхах кони и вожжи в руках у возницы.

II

Отправляясь, они молочай собирали
И на новых полях, что запаханы год,
И на пашнях, лежащих у самых селений...
Фан Шу прибыл — он войско уводит в поход.
Всех три тысячи счетом его колесницы,
И драконы, и змеи в сверканье видны...
Фан Шу войско ведет и вперед выезжает;
Втулки в коже, в узорном ярме скакуны!

И звенят в удилах колокольчики звоном.
Фан Шу видим в одежды вождя облаченным,
Наколенники ярким багрянцем сияют,
И подвески брящают нефритом зеленым!

III

Быстро, быстро вперед устремляется сокол,
И до неба стремит он высокий полет.
Но садится и он и тогда отдыхает,
Фан Шу прибыл, он войско уводит в поход!
И три тысячи счетом его колесницы —
Это рати защита, солдаты за ней.
Фан Шу войско ведет и в поход выезжает,
Гонгиста ли бьет барабанщик звучней?
Фан Шу, рати построив, им вымолвил слово,
Знаменит он, и речь и верна, и сурова.
Барабаны размеренно бьют наступленье,
И отбой барабанная дробь бьет нам снова.

IV

Как вы, варвары Цзинской земли, бестолковы —
Стать врагами посмели великой стране!
Фан Шу — старец великий, преклонный годами,
Силу дали советы его на войне.
Фан Шу войско ведет и теперь выезжает,
Толпы схвачены... Пленных к допросу ведут.
Без числа боевые идут колесницы,
В нарастающем грохоте снова идут,
Точно грома удары и грома раскаты.
Слово старца великого крепко и свято!
Прежде в дальних походах разбиты им гунны,
Смирны южные варвары, страхом объяты.

ЦАРСКАЯ ОХОТА

(II, III, 5)

I

Колесницы охотничьи наши прочны и крепки,
Наши кони подобраны, равно сильны и легки,
Вижу: кони в четверке в груди широки, широки.
Запрягайте коней, на восток выезжайте, стрелки.

II

Колесницы охотничьи наши, гляжу, хороши,
И в четверки коней подобрали мы самых больших.
На востоке там травы растут и растут камыши;
Запрягай лошадей, на охоту скорее спеши!

III

Вот они на охоте: избрали испытанных слуг,
Их ауканьем степи кругом оглашаются вдруг.
Установлено знамя со змеями, поднят бунчук —
Там, у Ао, облавы на зверя смыкается круг.

IV

По четверке коней в колесницы князей впряжены,
И одна за другою четверки приходят на стан.
Наколенники алые, в золоте туфель сафьян,
Собираются гости, блюдя и порядок, и сан.

V

Костяное кольцо налокотнику ровно подстать,
Стрелы к луку подобраны — ни тяжелы, ни легки...
И в едином порыве согласно стреляют стрелки;
Помогают нам в кучи убитую дичь собирать.

VI

Светло-рыжие кони четверкой у нас впряжены,
По бокам пристяжные — они не уклонятся вкось,
Быстро гонит возница, чтоб время терять не пришлось,
Стрелы метко летят и пронзают дичину насквозь.

VII

С тихим присвистом, слышу я, ржут здесь и там скакуны;
И значки и знамена, что плещутся в ветре, видны.
Нет тревоги: ни пеший, ни конный нигде не слышны.
Кладовые большие при кухне еще не полны.

VIII

Вот охотники едут, и шум колесницы возник,
Слышен шум колесницы, не слышен ни голос, ни крик.
Вижу: муж благородства, воистину, наш государь —
И, по правде, в деяниях, им совершенных, велик!

ЦАРСКАЯ ОХОТА

(II, III, 6)

I

Счастливым днем был моу, и молиться
Коней защите начали тогда.
Охотничьи прекрасны колесницы,
Крепки в четверке кони, без труда
На этот холм большой она стремится,
Преследуя бегущие стада.

II

Счастливым днем гэн-у мы находили,
Коней избрали, что равны по силе;
Где дичь водилась, тот избрали лес.
Где бродят лани целыми стадами,
Где реки Ци и Цзюй — над берегами
Охотиться здесь будет сын небес.

III

И видишь ты долину пред собою:
Стада собрались широко вокруг,
Олени скачут — то бредут гурьбою,
То парами, как будто с другом друг.
И всех людей мы привезли с собою,
Чтоб сыну неба усладить досуг.

IV

И вот мы натянули наши луки,
На тетиве сжимают стрелы руки,
Здесь сбили поросенка кабана,
Там носорога валят с ног удары.
Да будет пир обилен наш, и в чары
Гостям нальем мы нового вина.

ТО ГУСИ ЛЕТЯТ

(II, III, 7)

То гуси летят, то летят журавли
И свищут, и свищут крылами вдали...
То люди далеким походом идут,
И тяжек, и труден в пустыне поход.
Достойные жалости люди идут,
О, горе вам, сирый и вдовый народ!

То гуси летят, то летят журавли,
В болото слетаясь, садятся на нем...
То стены жилищ воздвигает народ,
Что встали на тысячи футов кругом.
Хоть труд наш велик и тяжел — наконец,
Покойный себе мы построили дом.

То гуси летят, то летят журавли,
И слышен тоскливый, тоскливый их крик...
И мудрый услышит его человек,
Он скажет, что труд наш безмерно велик!
А глупый услышит его человек,
И скажет, гордыней рожден этот крик.

НОЧЬ ВО ДВОРЦЕ

(II, III, 8)

«Кончается ль ночь?» — Вопрошает нас царь.
— И полночи нет и во тьме небосклон,
Сиянием факелов двор озарен;
Мужи благородства спешат ко двору,
И слышен вдали колокольчиков звон.

«Кончается ль ночь?» — Вопрошает нас царь.
— Нет, ночи еще не кончается круг,
Бледнеет сияние факелов вдруг;
Мужи благородства спешат ко двору,
И слышен вблизи колокольчиков звук.

«Кончается ль ночь?» — Вопрошает нас царь
— Сменяет заря предрассветную тьму,
И факелы меркнут и гаснут в дыму;
Мужи благородства спешат во дворец,
Драконы знамен мне видны самому.

ДУМЫ О СМУТЕ В СТРАНЕ

(II, III, 9)

То реки в разливе стремятся к морям,
И почесть, и дань им воздав, как царям.
То сокол свой быстрый свершает полет,
Взлетит высоко и опять отдохнет.
О, горе вам, братья мои и друзья,
О, горе, сограждане, вам без конца!
Не хочет подумать о смуте никто,
Иль матери нет у него и отца?

То реки в разливе стремятся к морям —
Они широко, широко разлились.
Так сокол свой быстрый свершает полет,
То плавно парит он, то взмоет он ввысь.
Я в думах о тех, кто стезю утерял,
Вот встал, вот иду я — покоя лишись!
И в сердце твоем только скорбная боль,
Ее не забудешь, не скажешь: смирись!

То сокол свой быстрый свершает полет
И правит свой путь на вершину холма.
В народе растут голоса клеветы,
Ужели смирить их не хватит ума?
Друзья, коль внимательны будем к себе,
Поднимется ль ложь и неправда сама?

ПРОТИВОРЕЧИЯ

(II, III, 10)

Кричит журавль меж девяти болот,
Но слышен крик его среди полей,
И рыба, что скрывалась в бездне вод,
Теперь видна средь желтых отмелей.
Как радостен для взора сада свод —
Катальпа в нем посажена, растет,
Но мертвый лист под ней у наших ног.
А из камней высокой той горы
Возможно также сделать оселок!

Кричит журавль меж девяти болот,
Но крик его несется к небесам,
И рыба, что видна по отмелям,
Скрывается порою в бездне вод.
Как радостен для взора сада свод,
Катальпа в нем посажена растет,
Но там под ней лишь жалкий тут стоит,
И камнями высокой той горы
Возможно также обточить нефрит!

IV

ЖАЛОБА ВОИНОВ, СЛИШКОМ ДОЛГО ЗАДЕРЖАННЫХ НА СЛУЖБЕ ЦАРЮ

(II, IV, 1)

О ратей отец!
Мы — когти и зубы царям!
Зачем ты ввергаешь нас в горькую скорбь?
Нет дома, нет крова нам.

О ратей отец!
Мы когти царя на войне!
Зачем ты ввергаешь нас в горькую скорбь?
Нет ныне приюта мне.

О ратей отец!
Не счесть тебя умным никак!
Зачем ты ввергаешь нас в горькую скорбь —
И сир материнский очаг?

БЕЛЫЙ ЖЕРЕБЕНОК

(II, IV, 2)

Светло-светло-белый жеребенок,
В огороде ешь росточки, милый.
Привяжу тебя, тебя стреножу,
Чтобы это утро вечным было,
А тому, о ком здесь речь веду я,
Отдыхать со мною не постыло.

Светло-светло-белый жеребенок,
Ешь бобы, не уходи далече;
Привяжу тебя, тебя стреножу,
Чтобы вечно длился этот вечер!
Значит тот, о ком здесь речь веду я,
Гость прекрасный,— он доволен встречей.

Светло-светло-белый жеребенок,
Прибегай к нам, убранный богато!
Ты же, князь мой, да пребудешь вечно
В радости и в счастье без утраты!
Да остерегись гулять беспечно,
Не упрямься, не беги куда-то!

Светло-светло-белый жеребенок —
Там теперь он, в той пустой долине,

Он пучком травы доволен ныне...
Ты же, как яшма, благородно-тонок,
Не скупись, ценя, как злато, слово!
Сердце так не отдаляй сурово!

НА ЧУЖБИНЕ

(II, IV, 3)

Иволга, иволга, ты не садись
Там, где тутовника чаща видна;
Птичка, не клюй моего ты зерна.
Люди на этой чужой стороне
В дружбу не верят — угрюмость одна.
Ах, я уйду, я домой возвращусь —
Близкие там и родная страна!

Иволга, иволга, ты не садись,
Стаею вы не слетайтесь на тут,
Птички пусть сорго мое не клюют!
Люди на этой чужой стороне
Мне далеки и меня не поймут...
Ах, я уйду, я домой возвращусь —
Старшие братья дадут мне приют.

Иволга, иволга, ты не садись
Вместе со стаей на этот дубок,
Просо клевать не стремись ты на ток.
Люди на этой чужой стороне
Плохи — я с ними ужиться не мог!
Ах, я уйду, я домой возвращусь —
Верно у дядей найду уголок.

ТАМ, ПО ДИКОЙ ПУСТЫНЕ

(II, IV, 4)

I

Там, по дикой пустыне, к вам ехала я,
И айланты тенистые были кругом.
Я к вам ехала — в жены вы брали меня:
Я мечтала — мы с вами теперь заживем.
Вы же, муж мой, лелеять не стали меня —
Я в родную страну возвращаюсь в мой дом...

Там, по дикой пустыне, к вам ехала я,
Собирала я травы в пути по полям.
Я к вам ехала — в жены вы брали меня,
Чтобы с вами зажить я отправилась к вам.
Вы же, муж мой, лелеять не стали меня —
Предаюсь о дороге обратной мечтам!

Там, по дикой пустыне, к вам ехала я,
Собирала дорогою корни травы...
Только прежнюю вы позабыли меня,
И подругу иную сыскали, увы!
Вы не ради богатства забыли меня —
Только ради другой это сделали вы!

НОВЫЙ ДВОРЕЦ

(II, IV, 5)

I

Берег реки полукругом, как лук,
Южные горы тенисты вокруг.
Дом, точно крепкий лесок бамбука,
Точно сосна, что пышна и ярка.
С братьями в доме да встретится брат —
Будет любовь между нами крепка,
Их да минует коварный разлад!

II

Предкам наследуя, стал ты царем,
В тысячи футов воздвиг себе дом,
Смотрят ворота на запад и юг.
В нем заживешь ты, устроишься в нем,
Смех и беседы услышишь вокруг.

III

Досками место для стен обнесли,
Крепко меж досок набили земли.
В дом не проникнут ни ветер, ни дождь,
Птица и мышь не проникнут! Как встарь,
Место почтенно и свято, где царь!

IV

Дом, как почтения полный, встает,
Горд, как стрела, что стремится вперед;
Кровля как будто фазана полет,
Как оперение птицы ярка!
Наш государь во дворец свой взойдет.

V

Двор уравняли, и с разных сторон
Ввысь устремились вершины колонн.
Весел дворец твой на солнце, взгляни:
Он и глубок, и просторен в тени.
Будет царем здесь покой обретен.

VI

Всюду циновки — бамбук и камыш,
В спальне покой и глубокая тишь.
Встанешь поутру от сна тишины,
Скажешь: «Раскройте мне вещие сны!
Те ль это сны, что нам счастье сулят?
Снились мне серый и черный медведь,
Змей мне во сне довелося узреть».

VII

Главный гадатель ответствует так:
«Серый и черный приснится медведь —
То сыновей предвещающий знак;
Если же змей довелося узреть —
То дочерей предвещающий знак!

VIII

Коль сыновья народятся, то спать
Пусть их с почетом кладут на кровать,
Каждого в пышный оденут наряд,
Яшмовый жезл как игрушку дарят.

Громок их плач... Заблестит, наконец,
Их наколенников яркий багрец —
Примут уделы и царский дворец!

IX

Если ж тебе народят дочерей,
Спать на земле уложи их скорей,
Пусть их в пеленки закутает мать,
В руки им даст черепицу играть!
Зла и добра им вершить не дано.
Пищу варить им да квасить вино,
Мать и отца не заставить страдать».

ХОЗЯИНУ СТАД

(II, IV, 6)

I

Кто скажет, что нету овец у тебя!
В одном только стаде их триста голов!
Кто скажет, что нету быков у тебя?
Лишь рыжих с пятном девяносто быков!
Бараны и овцы твои подошли,
Не бьются рогами бараны, стоят.
Быки и коровы твои подошли,
И только ушами они шевелят.

II

Спускаются ниже стада по холмам,
Иные пошли к водопою на пруд,
Иные лежат, а иные бредут.
Твои пастухи приближаются к нам,
Их шапки — бамбук, а плащи их — камыш.
Несут на спине они пищу. Глядишь:
Стада одномастны по тридцать голов —
Дар духам и предкам обильный готов.

III

Твои пастухи приближаются к нам,
Убитая дичь в их руках и дрова,

И хворост сухой, и сухая трава.
Бараны твои приближаются к нам,
Они и крупны, и отменно крепки,
Больных или слабых нет в стаде; едва
Ты сделал им знак мановеньем руки,
И стадо послушно заходит в хлева.

IV

Уж спят пастухи, снится сон пастухам:
И рыбы, и толпы людские подряд,
И змеи, и сокол на стягах горят...
Великий гадатель ответствует нам:
«И толпы людские, и рыбы подряд —
Воистину, то плодородия год.
Коль змеи и сокол на стягах горят —
Умножится в царстве повсюду народ!»

ОДА БЛАГОРОДНОГО ЦЗЯ ФУ, ОБЛИЧАЮЩАЯ ЦАРЯ И ЦАРСКОГО СОВЕТНИКА ИНЯ

(II, IV, 7)

I

Как высоки вы, южные горы,
Скалы теснятся высоко в синь...
К вам весь народ устремляет взоры,
Царский наставник, великий Инь!
Горе сердца сжигает, как пламя,
Вымолвить слово мешает страх,
О, неужель вы не видите сами:
Царство готово низвергнуться в прах.

II

Южные горы высокие в далях,
Скатов, покрытых деревьями, синь..
О, почему вы неправедным стали,
Царский наставник, великий Инь?
Небо нам мор посылает снова,
Ширится смута, и сколько бед!
И не услышишь отрадного слова,
В вас же нисколько раскаянья нет!

III

Юнь, господин наш и вождь государства,
Чжоу престола ты твердь и оплот,

Держишь в руке равновесие царства,
Крепишь воедино страну и народ!
О, прекрати заблужденья народа,
Сыну небес будь опора и щит!
Нас же в немилости долгой невзгодой
Небо великое не истощит!

IV

Личного вы не даете примера,
К службе закрыт благородному путь,
К вам у народа разрушена вера,
Но государя нельзя обмануть!
Будьте воздержанны, дух свой смирите,
Низким, как щит, не вверяйте закон!
К службам доходным пути преградите
Этой ничтожной родне ваших жен!

V

Вышнее небо неправо и снова
Всем нам грозит разореньем от смут.
Вышнего неба немилость сурова,
И прегрешения наши растут.
Если усердья исполнен правитель,
Снидет покой на людские сердца;
Если вы помыслы сердца смирите,
Сгинут и злоба, и гнев до конца.

VI

Неба великого гнев над страною!
Смута, предела не зная, растет,
И умножается с каждой луною,
Благостей мира лишая народ.
Сердце как будто пьяно от печали...
Кто у нас держит кормило страны?
Править страной вы давно перестали,—
Скорбь и страданья народа страшны!

VII

У четырех скакунов в колеснице,
Шеи крутые могучи, но, мнится,
Вижу я царства четыре предела —
Всюду лишь бедность и некуда скрыться!

VIII

Злобой исполнясь, вы вступите в свару —
Вижу я: копья готовы к удару,
Что? Уже радость и мир между вами,
Точно вы пили заздравную чару?!

IX

Небо великое в гневе сурово!
Царь наш покоя не ведает снова —
Сердце смирить он не хочет и только
Гневом встречает правдивое слово.

X

Песню слагая, подумал я: надо
Грех ваш теперь обличить без пощады,
Чтоб изменили вы помыслы сердца,
В мире взлелеяли царств мириады!

ПАЛ ЛЕТОМ БЕЛЫЙ ИНЕЙ

(II. IV. 8)

I

Пал летом белый иней вдруг,
И сердце ранил мне испуг;
В народе лживая молва
Растет и ширится вокруг.
Лишь вспомню, как я одинок,—
Сильнее боль сердечных мук,
От скорби тяжкой и тревог
Всё тело охватил недуг.

II

Мне дали жизнь отец и мать,
Чтоб я изведал скорби гнет!
Зачем не прежде я рожден,
Ни после этих злых невзгод?
Хвалу ли рот их изрыгнет,
Хулу ль рот их изрыгнет —
В них правды нет, и скорбь растет,
Обиды множа, в этот год.

III

Свою недолю вспомню я,
И в скорбном сердце боль и стон:

О весь народ наш! Без вины
В рабов он будет превращен.
Мы, горькие, отыщем в ком
И наше счастье, и закон?
Я вижу: ворон вниз летит;
На чью же кровлю сядет он?

IV

Так лес лишь хворост и дрова
Являет взору моему...
Народ в беде, он к небу взор
Поднял — оно сокрылось в тьму.
Когда решит оно смирить —
Кто воспротивится ему?!
Великий неба государь
Питает ненависть к кому?

V

Нам скажут, что гора низка,
Но все мы видим высь хребтов,
В народе лживая молва,
Но опровергнуть кто готов?
Значенье снов спешат спросить
У старцев... Их ответ таков:
«Я мудр, но кто же отличит
От самок воронов-самцов?».

VI

Высо̀ко небо, но под ним
Не смею не склонить главы...
Крепка земля, но я хожу
Лишь с осторожностью, увы...
Но есть и правда, и закон
В реченьях сих людской молвы!
О люди нынешних времен,
Зачем на змей похожи вы?!

VII

Смотри, как буйно вдруг пророс
Ростками тот высокий склон!
Колеблет небо жизнь мою,
Но небом я не сокрушен!
Искали правила во мне,
Как-будто не был я найден;
Меня схватили, как врага,
Но силой я не побежден.

VIII

О, сердца боль! Как будто кто
Тенетами связал его!
Правленье нынешних времен —
Зачем, скажите, таково?
Пылает пламя высоко,
Кто может угасить его?
Столица Чжоу велика,
Погубит Бао Сы его!

IX

Я с вечной думой о конце
Смотрю: под проливным дождем
Нагружен кладью полный воз,
Но скрепы брошены на нем...
И кладь в грязи, и мы тогда —
«Ах, сударь, помоги!» — зовем.

X

О, если ты не сбросишь скреп,
Что спицам дать должны оплот,
Коль ты к вознице будешь строг,
На землю кладь не упадет,
И будет трудный путь пройден!..
Но нет твоих о сем забот.

XI

Так рыбы, брошенные в пруд,
Не могут радоваться тут!
Они всегда видны в воде,
Пусть хоть на дно они уйдут.
Сколь сердца горесть глубока
В стране жестокостей и смут!

XII

У них есть сладкое вино,
У них отменных яств полно,
И к свату в гости ходит сват,
Сосед с соседом заодно!
Я ж вспомню, как я одинок,
И горе в сердце так сильно!

XIII

Кто низок, тот имеет дом;
Кто подл, тот награжден зерном.
Несчастен ныне наш народ,
Небесным поражен бичом!
Богатый сыт, а тот, кто сир
И одинок,— скорблю о нем.

О ЗНАМЕНЬЯХ НЕБЕСНЫХ И ЗЕМНЫХ, ПРЕДВЕЩАЮЩИХ БЕДСТВИЯ

(II, IV, 9)

I

Лишь началась десятая луна,
И в первый день луны, синь-мао день,
Затмилось солнце. Горе и беду
Великие сулит затменья тень!
Тогда луна утратила свой свет,
И вместе солнце свой сокрыло свет —
Внизу народу нынешних времен
Великая печаль, спасенья нет!

II

Луна и солнце бедствием грозят,
Сойдя с орбиты. С четырех сторон
Во всей стране нигде порядка нет —
Путь к службе лучшим людям прегражден.
Тогда луна утратила свой свет,
Но это — вечный для луны закон...
А ныне солнце свой сокрыло свет!
В чем зло лежит, что ныне скрылся он?

III

И молнии блестят, грохочет гром!
И мира нет, как нет добра кругом.

Вода, вскипев, на берег потекла,
С вершины горной рушилась скала,
Где берег горный — там долины падь,
И там гора, где впадина была.
О, горе! Люди нынешних времен,
Из вас никто не исправляет зла!

IV

Был Хуан-фу всей властью облечен,
Фань просвещеньем ведал у царя,
Цзя-бо — правитель, Цзюй ведет дела,
Чжун-юнь на кухне правит, чуть заря.
А Чжоу-цзы? Вершит законы он,
Карая и щедротами даря,
Гуй — конюшний. Наложница на трон
Взошла в ту пору, красотой горя.

V

Советник царский этот, Хуан-фу,
Не скажет, что не время для работ,
Он, на послуги посылая нас,
Просить у нас совета не придет.
И дом оставлен, брошена земля,
В воде и в сорняках у нас поля.
А он в ответ: «Я не чиню обид,
Так долг ваш перед старшими велит!»

VI

О, этот Хуан-фу большой мудрец!
Себе возвел он главный город в Шан,
Трех богачей он для себя избрал,
Дал им советников высокий сан.
Он не оставил старца одного
Хранить царя у нас — приказ им дан
Всем, кто имел повозки и коней,
Идти за ним селиться в город Шан.

VII

И хоть работай, не жалея сил,
Сказать не смей, что слаб ты, изнурен.
Хоть нету ни проступка, ни вины,
Но злые рты шипят со всех сторон.
Нет! Разве небо наказанье шлет
Тебе, народ, в страданьях и беде? —
Оно — вдали, а злоба — за спиной —
Зависят распри только от людей!

VIII

Со скорбью вспомню мой родимый дом —
Великое страданье вижу в нем.
Везде избыток с четырех сторон,
Лишь я живу печалью удручен.
У всех людей и отдых есть, и смех,
Вздохнуть не смею я, один из всех.
Неравный дан удел от неба нам:
Друзья живут покойно, я один
Не смею подражать своим друзьям!

ВЕЛИК ТЫ,
НЕБА ВЫШНИЙ СВОД

(II, IV, 10)

I

Велик ты, неба вышний свод!
Но ты немилостив и шлешь
И смерть, и глад на наш народ,
Везде в стране чинишь грабеж!
Ты, небо в высях, сеешь страх,
В жестоком гневе мысли нет;
Пусть те, кто злое совершил,
За зло свое несут ответ.
Но кто ни в чем не виноват —
За что они в пучине бед?

II

Преславных Чжоу род угас,
И негде утвердиться им —
Вельможи бросили дома,
Наш горький труд для них незрим.
Не бдят советники царя,
Как прежде, до ночи с утра,
И на приемах нет князей
Весь день у царского двора.
О царь, всему наперекор
Ты зло творишь взамен добра!

III

Мой голос к вышним небесам!
Нет веры истинным словам.
Как путник, царь бредет вперед,
Куда ж придет — не знает сам.
Ужели, доблести мужи,
Лишь за себя бояться вам?
Друг перед другом нет стыда,
И нет почтенья к небесам!

IV

В войне царь не идет назад,
Добром не лечит в мор и глад!
А я — постельничий, с тоски
Все дни недугами объят:
Советов доблести мужи
Царю, как прежде, не дарят;
Что б ни спросил,— «да, да!» — ответ.
Пред клеветой бегут назад.

V

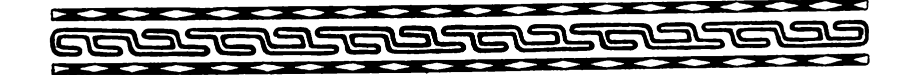
О, горе тем, кто слов лишен;
Не только их бесплодна речь —
Себе страданье может влечь
От тех, кто слова не лишен.
Лишь лесть одна течет рекой,
Суля им счастье и покой.

VI

«Иди служить!» — На службе ложь,
Одни шипы и страх! И вот,
Коль неугодное речешь —
Опалы царской примешь гнет;
Царю угодное речешь —
Друзей негодованье ждет.

VII

Вернитесь же, друзья, назад!
«У нас нет дома! — говорят,—
В тоске мы с кровью слезы льем,
Промолвим слово — горе в нем!»
Когда в чужие страны шли —
Кто шел за вами строить дом?!

V

ОДА О НЕПРАВЫХ СОВЕТНИКАХ

(II, V, 1)

I

Далекое небо простерло внизу на земле
Одну лишь немилость, и гнев его грозный жесток!
Советы царю, зарождаясь в неправде и зле,—
Когда остановят они свой губительный ток?
Благие советы бывают — не следуют им,
Напротив,— дают исполненье советам дурным.
Услышу я эти дурные советы царю —
И вот я великой печалью и скорбью томим!

II

Вы вместе сойдетесь — злословье одно за спиной...
Не так же ль большую печаль оно сеет вокруг?
А если хороший совет предлагает иной,
Вы все заодно на него тут восстанете вдруг.
Но если дурные советы предложит иной —
Тут все заодно на него опираетесь вы!
Помыслю об этих зловредных советах царю:
К какому концу привести они могут? Увы!

III

Гаданьем ли мы утомили своих черепах? —
Они не вещают нам больше грядущий удел.
Не слишком ли много советников в царском дворце?
И не оттого ли не видим исполненных дел?
У нас предложенья царю переполнили двор,
Но выполнить их безбоязненно кто бы посмел?
Так путник, что только судачит, не смея идти,
Вперед оттого не подвинется вовсе в пути.

IV

И ваших решений предвижу я жалкий конец —
Вы древний народ наш не взяли себе в образец;
Великие истины царь наш не ставит в закон —
Одни пустяковые речи и слушает он.
Одни пустяки, и о них только споры кругом!
Так домостроитель с прохожими станет рядить —
Навряд ли успеет он вовремя выстроить дом.

V

Хоть в царстве у нас ничего еще твердого нет,
Но мудрые люди нашлись бы, пожалуй, и здесь;
В народе у нас, хоть немного осталось его,
Разумные люди к совету пригодные есть,
Достойные видом, способные править умы!..
И точно источник бегущей и чистой воды,
К погибели общей теперь не стремились бы мы.

VI

Никто б не посмел безоружным на тигра идти,
Чрез Желтую реку не стал бы шагать пешеход —
Но люди, что знают об этих простейших вещах,
Не знают сравнений и даже не смотрят вперед.
И страхом страшась, весь дрожу я, предвидя беду!
Как будто, приблизившись к бездне глубокой, стою,
Как будто я первым ступаю по тонкому льду.

ОДА О ВОСПИТАНИИ

(II, V, 2)

I

Пусть птица-певунья собою мала —
Способна до самого неба взлетать...
Сколь сердце мое раздирает печаль,
Лишь только я предков начну вспоминать
И я до рассвета уснуть не могу —
Покойные в думах отец мой и мать.

II

Кто ровен и мудр, хоть и выпьет вина,
Себе господин, в нем приятность видна.
А кто неумен, да невежда притом,
День за́ день всё больше сидит за вином.
Но каждый да помнит о долге своем:
Судьбу утеряв, не воротишь потом!

III

В глубокой долине растут бобы,
Я вижу: народ собирает их.
Не жаль шелкопряду детей своих —
Порою оса похищает их.
Добру научите детей своих —
Подобными вам воспитайте их!

IV

Иль на трясогузку ты бросишь свой взор —
Она и поет, и летит на простор...
Вперед, что ни день, я все дальше иду,
Шаг с каждой луной ускоряй — всё не скор!
Пораньше вставай и попозже ложись —
Жизнь давшим тебе да не будешь в укор.

V

Вот птица порхает, что в тутах живет,—
Клюет она, с тока таская зерно...
О, горе вдовицам у нас и больным —
Им, сирым, в темницах страдать суждено.
Лишь с горстью зерна выхожу со двора
Гадать, как идти мне стезею добра.

VI

Будь мягок, почтенья исполнись к другим,
Как птицы, что сели на ветви дерев.
Мы, будто приблизясь к обрыву, стоим —
Будь чуток с другими и сдерживай гнев,
Будь так осторожен, как тот на пруду,
Кто первым проходит по тонкому льду.

ВОРОНЫ ПО ВОЗДУХУ КРЫЛЬЯМИ БЬЮТ

(II, V, 3)

I

Вороны по воздуху крыльями бьют —
Обратно к родным вылетают местам.
У всякого счастье свое и приют,
И только несчастлив и грустен я сам.
Грехи ли мои перед небом тяжки?
В какой перед ним я повинен вине? —
Но только исполнено сердце тоски,
Не знаю, что делать, несчастному, мне?

II

Большая дорога гладка и ровна,
Но пышной травой вся покрылась она.
И сердце тоскою разбито мое,
Поранено сердце, и горесть сильна,
Она превратила меня в старика,
В постели я только вздыхаю без сна...
О, сердца тоска и глубокая боль!
И вся голова моя точно больна.

III

Посажены были катальпа и тут —
А люди и нежат деревья, и чтут.
Я мог на отца лишь с надеждой взирать,
Была мне привычной опорою мать.

Мои волоса не от их ли волос,
Не я ль к материнскому чреву прирос?
О небо! Иль не было лучшего дня,
Чем тот, когда ты породила меня?

IV

На ивах зеленый, блестящий наряд,
И звонкое слышится пенье цикад;
И воды глубоки, над ними в тиши
Стоят тростники и густы камыши.
А я точно челн — по течению вод
Скользит он, не зная, куда приплывет!
О, сердца тоска и глубокая боль!
И сном мне забыться нельзя от забот.

V

Спокойно, спокойно ступая ногой
Свой бег умеряет нарочно олень;
Чтоб самок своих отыскать, поутру
Фазаны призывней кричат, что ни день.
А я, точно древо гнилое, стою,
Оно без ветвей увядает одно.
О, сердца тоска и глубокая боль!
Узнает ли кто, как страдало оно?

VI

Бегущего зайца мы видим, и то,
Бывает, кто-либо спасает его.
Коль труп незнакомый лежит у пути,
Кто-либо всегда погребает его!
Но черствое сердце теперь у царя,
И мой государь не смягчает его.
О, сердца тоска и глубокая боль!
И слезы текут, не смиряя его.

VII

Ты принял легко, государь, клевету,
Как будто заздравную чашу вина;
Меня не любя, на досуге своем
Не стал проверять ты, была ли вина.
Срубая, дай дереву крепкий упор,
Вдоль жил направляй, если колешь, топор —
Преступных оставил по воле ходить,
Лишь я без вины осужден на позор.

VIII

Что выше бывает, чем гор вышина?
Что глубже идет, чем ключа глубина?
Не будьте легки на словах, государь,—
Бывает, что уши имеет стена.
Пусть он не подходит к запруде моей,
Мою да не снимет он с рыбами сеть!
Тот, кто без вниманья оставил меня,—
Что будет со мною — не станет жалеть!

ОДА О КЛЕВЕТНИКАХ

(II, V, 4)

I

Высоко ты, небо, в величьи своем;
Отец наш и мать — так мы небо зовем.
Не знаю на нас ни греха, ни вины,
А смуты в стране велики и сильны,
И небо великое в гневе на всех,
Смотрю на себя и не вижу, в чем грех;
А кары великого неба сильны...
Смотрю на себя и не вижу вины.

II

Не с ложью ли смута сплетясь разрослась,
Когда, государь, допустил ее ты?
И смута еще и еще разрослась,
Когда ты поверил речам клеветы!
Коль гневом ты встретил бы ложь, государь,
То сразу бы смута смирилась без сил;
Коль милостью истину встретил бы царь —
То сразу бы смуте предел положил.

III

Великие клятвы ты часто даешь,
А всё разрастаются смута и ложь.
Доверился людям, чье дело — разбой,

И яростней смута встает пред тобой.
Разбойничьи речи для слуха сладки,
А смута и ложь и сильны, и крепки.
Свой долг позабыв и добра не творя,
Готовят советники гибель царя.

IV

Храм предков, гляжу,— величав, величав —
Достойный правитель построил его;
Я вижу порядок великих начал —
Мудрец, заключаю, устроил его.
Стремление зрю в человеке другом —
Обдумав его, разбираю его.
А заяц — хитрит он и скачет петлей —
Собака навстречу, хватает его.

V

Деревья, что стали гибки и мягки,
Сажали для нас благородства мужи.
Услышишь случайных прохожих слова —
В них сердцем отделишь ты правду от лжи.
Великие в мире родятся слова
И прямо исходят из уст без труда,
А речи льстеца, точно шэны поют,—
На важном лице не увидишь стыда.

VI

А тот, кто клевещет,— какой человек?
Жил в травах густых он, в излучинах рек;
Нет мужества в нем, нет и силы в руках,
Призванье его — быть лишь к смуте путем,
Опора гнила, как стопы в гнойниках!
Откуда возьмется и мужество в нем?
Хоть тьма у тебя начинаний больших,
Но много ль сторонников будет твоих?

ОДА О ВЕРОЛОМНОМ ДРУГЕ

(II. V. 5)

I

Что ты за человек, не знаю я,
Но замыслы твои опасны. Кто ты?
Приблизился к моей запруде ты,
Но не зашел зачем в мои ворота?
Кто спутник твой — шел следом за тобой?
То Бао, он стоял у поворота.

II

Два человека шли друг другу вслед;
Кто создал мне несчастье так сурово?
Приблизился к моей запруде ты,
Зачем же не вошел утешить словом?
Таким вначале не был ты — теперь
Не счел меня достойным дружбы снова!

III

Что ты за человек, не знаю я.
Зачем ты подошел к дорожке сада?
И голос этот слышал я вблизи,
Но не видал, как ты вошел в ограду.
Не знаешь ты стыда перед людьми,
И страха пред небом знать не надо.

IV

Что ты за человек, не знаю я;
Так буйный вихрь летит, сбиваясь с круга...
Зачем не с севера приходишь ты,
Зачем ко мне ты не приходишь с юга?
Зачем приблизился к запруде ты
И только растревожил сердце друга?

V

Не торопясь, ты едешь, и тогда
Нет времени у нас остановиться;
Стремительно ты мчишься — и тогда
Находишь время смазать колесницу!
Чтоб ты хоть раз один ко мне пришел,
Как жажду я,— но суждено ли сбыться?

VI

Когда вернешься и войдешь ко мне —
Наполнишь сердце радостью такою;
А не войдешь, как будет трудно мне
Понять отказ и справиться с тоскою!
Когда бы ты хоть раз ко мне пришел,
И я б тогда исполнился покоя.

VII

Сюань и флейта в лад поют — сильна
Была в нас дружба с братскою любовью,
Жемчужных мы на нитке два зерна!
Коль впрямь меня не знаешь, по условью,
Три жертвы принеси, и поклянись,
И губы омочи священной кровью!

VIII

Коль мертвый дух иль оборотень ты —
Твое лицо для нас непостижимо;

Но виден всем твой лик, твои глаза,
И видишь ты всегда идущих мимо!
Я эту песню добрую сложил,
Чтоб двойственность твоя явилась зримо.

ОДА О КЛЕВЕТНИКАХ

(II, V, 6)

I

Причудливо вьется прекрасный узор —
Ракушками тканная выйдет парча.
Смотрю я на вас, мастера клеветы!
Давно превзошли вы искусство ткача.

II

Созвездие Сита на юге блестит,
Язык растянув, непомерно для глаз.
Смотрю я на вас, мастера клеветы,
Кто главный теперь на совете у вас?

III

Стрекочете вы, там и тут егозя,
Кого б оболгать, только ищете вы.
В словах осторожнее будьте, увы!
Уже говорят, что вам верить нельзя.

IV

Двуличный пронырлив — и тут он, и там,
Дать волю он думает лживым словам.
Смотрите же: то, что не примут от вас,
С бедою назад не вернулось бы к вам!

V

Спесивый и гордый доволен и рад,
Трудом изнуренный — печалью объят.
О синее, синее небо вдали,
Взгляни на спесивых и гордых земли,
Трудом изнуренных печаль утоли!

VI

О ты, клеветы зачинатель и лжи,
Кто главный у вас на совете, скажи?
Лжецов клеветавших схватил бы я сам
И бросил бы тиграм их всех и волкам;
Коль тигры б и волки их жрать не смогли,
На север их кинул бы к краю земли;
Коль в мрачные север не примет края,
К великому небу их кинул бы я!

VII

Дорожка от сада в ветвях тополей
И к холму ведет, что меж хлебных полей!
Лишь евнух я, Мэн-цзы, в покоях дворца;
Я эту правдивую песню сложил.
Прошу вас, прослушав ее до конца,
Размыслить о ней, благородства мужи!

О НЕВЕРНОМ ДРУГЕ

(II. V. 7)

С востока веет ветерок,
И дождь к нам прилетает вслед за ним,
Ты страхом был и ужасом томим —
В те дни лишь я с тобою был вдвоем.
Теперь и мир, и радость у тебя,
И брошен я, со мной ты стал другим.

С востока веет ветерок,
И вихри вьются вслед за ним, гляди.
Ты страхом был и ужасом томим,
Но ты меня носил в своей груди.
Теперь и мир, и радость у тебя,
И брошен я... Забвенье впереди.

С востока веет ветерок,
Он дует и на высях горных гряд.
Чтоб не увяла, нет такой травы;
Падут деревья, что теперь стоят.
Ты все мои достоинства забыл,
Но помнишь мелких множество досад!

КУВШИНКИ-ЦВЕТЫ

(II, V, 8)

I

Огромны, огромны кувшинки-цветы,
А я не кувшинкой — стал мелким цветком.
О, горе вам, горе, отец мой и мать!
Меня вы взрастили с великим трудом.

II

Огромны, огромны кувшинки-цветы,
А я не кувшинка, и жалок мой цвет.
О, горе вам, горе, отец мой и мать!
Меня вы взрастили средь горя и бед.

III

Коль нету в застольном кувшине вина —
То винного жбана позор и вина!
Чем сирому и одинокому жить —
Не лучше ль, коль ранняя смерть суждена?
Коль нету отца — где опора моя?
Доверюсь кому, если матери нет?
Вне дома тоску свою всюду несешь,
А дома — в ком помощь найдешь и совет?

IV

Отец мой и мать породили меня,
Заботой своей окружили меня,

Они обласкали, вскормили меня,
Взрастили меня, воспитали меня,
Взлелеяли нежно ребенком меня,
Вне дома и дома носили меня,
Мой долг перед ними, что в сердце возник,
Как небо безмерное, столь же велик!

V

Высокие южные горы мощны,
Порывистый ветер свистит вдалеке.
Все люди, я вижу, счастливы кругом,
Зачем только я, одинокий, в тоске?

VI

Громадами южные горы стоят,
Но ветер меж ними свиреп и жесток.
Все люди, я вижу, счастливы кругом,
Свой долг до конца совершить я не мог!

ОДА О ЗАПУСТЕНИИ В ВОСТОЧНЫХ ЦАРСТВАХ

(II. V. 9)

I

Был полон стол с зерном вареным блюд,
Жужубовый черпак красиво гнут.
Великий путь, как гладкий оселок,
Прямой стрелой стремился на восток.
По нем ходили доблести мужи,
Простой народ смотрел на их поток...
Теперь, лишь оглянусь на этот путь,—
Струятся слезы, падая на грудь.

II

В восточных царствах, посмотрю кругом,
Пустуют станы с ткацким челноком,
И в легких туфлях, свитых из пеньки,
Там ходят по земле, покрытой льдом.
Князей потомки нежные теперь
По славному пути идут пешком.
Пройдут они туда, сюда, и вот,
Опять страданье сердце мне сожмет.

III

Источника холодная струя
Пусть не найдет пути к тем срубленным дровам;
Всю ночь без сна вздыхаю горько я:

О, горе, горе, истомленным, нам!
Надежда есть и срубленным дровам,
Что их перевезут куда-нибудь...
О, горе, горе, истомленным, нам,
И мы должны немного отдохнуть.

IV

У нас, восточных жителей, сыны
Живут в труде, не ведая наград;
А жителей на западе сыны
В роскошных платьях, пышен их наряд!
Хоть лодочник отец — его сыны
Себе из шкур медвежьих шубы шьют,
И хоть отец слуга — его сыны
Сидят на важных службах там и тут!

Таких, пожалуй, угости вином —
Найдут, что лучше рисовый отвар;
Подвески им на пояс подари —
Не короток ли, скажут, ценный дар.
Горит на небе звездная река
И, видя нас, свой не умерит жар.
Ткачихи угол в целый день пройдет
На семь делений весь небесный шар.

VI

Хоть семь делений в день она пройдет,
Она в подарок шелка не соткет.
Сверкает ярко в небе Бык в Ярме,
Но он повозки нам не повезет.
Звезда зари с востока сходит к нам,
Чан-гэн на запад свой свершает ход.
На небесах изогнутая сеть —
Раскинулось созвездие Тенет.

VII

На юге Сито свой бросает свет,
Но в Сите не провеешь ты зерна;
На севере мне виден только Ковш,
Но тем Ковшом не разольешь вина.
На юге Сито свой бросает свет —
Торчит Язык, готовый всё пожрать;
На севере мне виден только Ковш —
На запад обращает рукоять!

ОДА О СМУТЕ В СТРАНЕ

(II, V, 10)

I

Четвертой луной начинается лето,
Шестою луною всё зноем согрето.
О предки! Иль вовсе не люди они?
Как терпят потомки страдание это?

II

Осенние дни, увядает природа,
Все чаще и чаще стоят холода.
Я болен от скорби, и смут, и разброда.
Куда мне укрыться? — Повсюду беда!

III

А в зимние дни холод злее и злее,
Порывистый ветер свистит и свистит.
Все люди кругом, как я вижу, счастли́вы;
Зачем одинок я и горем убит?

IV

Прекрасные в горных лощинах деревья,
Каштаны и сливы там радуют взоры.
Не знает никто: по чьему прегрешенью
Кругом у нас ныне злодеи и воры!

V

Смотрю на источника этого воды:
Они то прозрачны, то мутны они.
Все дни свои я только горе встречаю;
Смогу ли увидеть счастливые дни?

VI

И Хань, и Янцзы так обильны водою,
И связь и оплот они южной стране.
На службе все силы свои истощаю,
Ужели не знает никто обо мне?

VII

Нет, я не орел и не коршун... Крылами
Взмахнул бы я, к небу направив полет!
Нет, я не осетр и не малая стерлядь,
Сокрылся б я в бездну глубокую вод!

VIII

В горах этих папоротник вырастает,
В низинах там заросли ив и ракит.
Я, муж благородный, сложил эту песню,
Чтоб всем вам поведать, как сердце болит.

VI

ОДА О НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

(II, VI, 1)

I

Когда поднялись мы на северный этот хребет,
Мы ив собирали побеги, пройдя через склон.
Мы слуги царя, и любой и могуч, и силен,
И каждый с утра и до вечера службу несет.
Нельзя быть небрежным, мы знаем, на службе царю,
И я об отце и о матери скорбью горю.

II

Широко кругом простирается небо вдали,
Но нету под небом ни пяди нецарской земли.
На всем берегу, что кругом омывают моря,
Повсюду на этой земле только слуги царя!
Но нет справедливости в царских вельможах совсем —
Иль я только мудр, эту царскую службу творя?

III

И скачут, и скачут в четверке моей скакуны —
Справлять бесконечно мы царскую службу должны.

И все в восхищеньи, что я не дряхлею еще,
Что мышцы на редкость еще и доныне сильны.
И вот из-за силы своей, из-за крепкой спины
Порядок ввожу я в далеких пределах страны.

IV

Одни, отдыхая, живут, веселясь на пирах,
Другие же служат стране, изнывая в трудах.
Одни отдыхают, в постелях своих развалясь,
Другие в пути бесконечном и в холод и в грязь.

V

Одни не услышат и крика в покое своем,
Другие в тревоге и заняты тяжким трудом.
Как птицы на ветках, ленивы одни, посмотрю,—
Другие утратили облик на службе царю.

VI

Предавшись утехам, вино попивают одни,
Другие в тревоге — упрека боятся они.
Одни в пересудах вне дома и дома — везде,
А всякое дело другие свершают в труде.

НЕ ДУМАЙ О ПЕЧАЛЯХ

(II, VI, 2)

Большую телегу вперед не пускай —
Сам будешь в пыли и песке.
Не думай о многих печалях своих —
Лишь сам изведешься в тоске.

Большую телегу вперед не пускай —
В пыли затуманится свет.
Не думай о многих печалях своих —
В смятении выхода нет.

Большую телегу вперед не пускай —
Покроешься пылью — взгляни!
Не думай о многих печалях своих —
От дум тяжелее они!

ЕЩЕ ОДНА ОДА
О ДАЛЬНЕМ ПОХОДЕ

(II, VI, 3)

I

Исполнены светом вверху небеса,
Что смотрят на землю, сияя вдали!
Я с войском походом на запад иду
До дальних пустынь этой Цюской земли.
С тех пор, как вторая луна началась,
То в холоде я, то в жаре и в пыли,
И в сердце моем безысходная боль —
То ядом горчайшим его обожгли.
Лишь вспомню о тех, кто остался служить,
И слезы мои упадают дождем.
Ужели вернуться домой не хочу? —
Боюсь, что немилости сеть навлечем.

II

Когда уходили мы в этот поход,
Сменились и солнце тогда, и луна;
Не знаю, когда мы вернемся домой,—
Год пройден, приходят к концу времена.
Подумаю, как я теперь одинок,
Как тяжесть забот велика и сильна,
И в сердце моем безысходная боль,
Ни отдыха нет, ни покоя, ни сна.
Лишь вспомню о тех, кто остался служить
И думой о них моя грудь стеснена.

Ужели вернуться домой не хочу? —
Упрека боюсь, и немилость страшна.

III

Когда уходили мы в этот поход,
Дни делались теплыми с новой луной.
Не знаю, когда мы вернемся домой? —
Теснят нас дела управленья страной.
Год пройден, проходят к концу времена:
Кувшинки сбирают, снимают бобы...
И в сердце моем безысходная боль —
Сам вызвал я эти невзгоды судьбы.
Лишь вспомню о тех, кто остался служить,
Встаю, покидаю ночлег — не уснуть.
Ужели вернуться домой не хочу? —
Пред гибелью страхом сжимается грудь.

IV

Послушайте вы, благородства мужи,
Не вечно бы жить на покое и вам!
Свершайте же мирно на службе свой долг.
На тех опирайтесь, кто честен и прям.
И светлые духи, услышав о том,
Одарят вас счастьем, одарят добром.

V

Послушайте вы, благородства мужи,
Не вечно и вам отдыхать без забот!
Свершайте же мирно на службе свой долг,
Пусть честный в любви с благородным живет!
И светлые духи, услышав о том,
Исполнят вас благ и великих щедрот.

РАЗЛИВ РЕКИ ХУАЙ

(II, VI, 4)

То колокол громко звонит у реки,
И воды Хуай высоки, высоки.
И сердце поранено болью тоски:
Я полных достоинства наших царей
Забыть не могу, хоть они далеки.

Гудит и гудит этот колокол там,
Хуай поднялась, поднялась к берегам.
И сердце тоскует, и горесть сильна:
Я помню достоинства прежних царей,
Их светлая доблесть была без пятна.

Звучит барабан там, и колокол бьет,
Три острова вышли из схлынувших вод.
И сердцу покоя тоска не дает:
Я помню достоинства прежних царей —
Им доблестью равных не видит народ.

И колокол бьет, барабаны звучат,
И цитра и гусли настроены в лад,
А шэны и цины, сливаясь, звенят,
Великие оды и песни поют,
И танцы под флейту так радуют взгляд!

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ПРЕДКАМ

(II, VI, 5)

I

Густые, густые терновники скрыли поля;
От терний колючих очищена эта земля.
Издревле трудились зачем над прополкой земли? —
Чтоб просо мое и ячмень в изобильи росли!
И просо мое всё пышней и пышней, что ни день.
Прекрасный, прекрасный на пашне густеет ячмень.
И хлеб мой в амбарах, и хлеба в амбарах полно,
В бесчисленных кучах на поле осталось зерно.
Довольно зерна для еды и питья соберу,
И жертвою предков почту на обильном пиру.
Да их заместитель, покоясь, отведает блюд,
Да счастьем великим меня награждает за труд.

II

С почтеньем, с почтеньем достойным иду, наконец,
Для жертвы чистейших избрать и быков, и овец.
Я жертвы и в осень и в зиму свершу, что ни год.
Кто шкуры сдирает, кто варит, а кто подает,
Кто мясо разложит, кто мясо подносит скорей.
Стоит прорицатель, чтоб духов встречать у дверей.
И жертва готова, и блеском наполнен мой храм,
И званые предки явились в величии к нам!
И духохранитель поел, исполняя обряд,
И я, из потомков почтительный, счастлив и рад.

И счастьем великим меня награждают за труд,
На тысячи лет долголетьем безмерным дарят.

III

С почтеньем очаг возжигают — достойно хвалы,
И с жертвенным мясом готовят большие столы.
И жарят, кто мясо, кто печень, тогда на огне —
В смирении строгом присутствовать — старшей жене;
И много сосудов расставила ныне она.
Я званым гостям наливаю в их чары вина;
Ответные чары скрестились с различных сторон,
И весь мы исполним обряд, как предпишет закон.
Улыбки и наша беседа пристойны вполне,
И духохранитель является ныне ко мне.
И счастьем великим меня награждают за труд,
На тысячи лет долголетием мне воздадут!

IV

В служеньи я силы свои истощил; говорят,
Что без упущений исполнен великий обряд.
Придет прорицатель искусный, и скажет мне он:
«Потомок сыновнепочтительный, ты награжден.
Душисты сыновние жертвы во храме твоем,
И духи довольны весьма и едой и питьем.
И сотнями благ, возвещают, тебе воздадим,
И в срок надлежащий, по правилам строгим твоим.
И в жертву ты ныне и просо принес, и зерно,
И в должном порядке разложено было оно.
Навеки ты примешь немало великих наград
И благ мириады — десятки таких мириад!»

V

Закончено всё — и великий, и малый обряд,
И в колокол бьют, наконец, барабаны звучат.
Потомок сыновнепочтительный занял престол.

И вновь прорицатель искусный к нему подошел:
Вещает, что духи упились довольно... И вот,
В величьи своем замещающий духов встает.
И бьют барабаны и колокол духам вослед —
Ушел заместитель, и духи уходят, их нет.
И слуги приходят и старшая с ними жена,
И без промедленья остатки уносит она.
И дяди одни остаются и братья со мной,
И только для родичей пир приготовлен иной.

VI

Вот входят в покой музыканты, я слышу игру —
Тогда насладись величанием здесь на пиру.
И подали яства твои, и расставили в ряд,
Здесь нет недовольных, здесь каждый и счастлив, и рад:
Он вдоволь напился, и яством насытился он.
И малый и старый встают, отдавая поклон:
«Все духи довольны весьма и едой и питьем.
Тебе, государь, долголетие в доме твоем!
Ты жертвы принес по порядку за все времена,
Сыновний свой долг, как и надо, свершил ты сполна.
Сыны за сынами, за внуками внуки подряд
Твои приношения здесь непрерывно продлят».

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ПРЕДКАМ

(II, VI, 6)

I

Древле, воистину, в этих вот южных горах
Юй управлял, проявляя заботы о них,
Вспаханы были низины и выси кругом.
Правнук — веду полевые работы на них.
Мною размерена вся на участки земля,
И на восток, и на юг протянулись поля.

II

Вышнее небо тучей закрылось одной —
Хлопьями, хлопьями падает снег над страной.
Дождиком мелким нам влаги прибавит весна —
И плодородна повсюду земля, и влажна;
Влагой напитана ныне довольно она —
Много она в этот год народит мне зерна.

III

В добром порядке участки мои; что ни день —
Просо тучнеет на пашне, тучнеет ячмень.
Правнук — с полей соберу я немало зерна,
Яств наготовлю, сварю молодого вина,
Предкам моим и гостям приготовлю обед —
Мне долголетье на тысячи, тысячи лет!

IV

Хижины там посредине меж пашен и нив;
Тыквы растут на участках везде по межам —
Их положу я в рассол, на куски изрубив,
Предкам державным соленые тыквы подам.
Правнук,— да буду тогда долголетен я сам,
Счастьем угодно меня наградить небесам.

V

Чистого сделаю для возлиянья вина,
Рыжего выберу после быка без пятна,
Предкам свой жертвенный дар приготовив сполна.
Нож с колокольчиком жертвенный — этим ножом
Шерсти клочок от ушей у быка отстрижем,
Жертву зарезав, кровь с салом его соберем.

VI

В дар приношу эти чистые жертвы одни,
Слышен повсюду густой их, густой аромат.
Блеска исполнен обряд мой и храм мой, взгляни!
Предки явились, величия полны они —
Счастьем великим в награду меня одарят,
Тысячи лет ниспошлют, бесконечные дни.

ШИРОКОЕ ПОЛЕ

(II, VI, 7)

I

Вижу вот это широкое поле, просторно ему;
Жатву в сто крат соберу я в год с каждого му.
С прошлого года оставшийся хлеб мой я сам,
Чтоб накормить их, моим земледельцам отдам.
С древних времен урожай у нас в каждом году;
Вот и теперь я на южные пашни иду.
Полет один, тот земли присыпает к корням,
Просо мое и ячмень тучным-тучные там.
Место, где больше удобства и больше земли,
Самым способнейшим людям теперь отвели.

II

В жертву чистейшего сам отберу я зерна,
Выбран уже одномастный баран без пятна —
Духов земли и сторон четырех уважай!
Если на поле, бывало, хорош урожай —
Счастье моих земледельцев являлося тут.
Бьют в барабаны, и гусли, и цитры поют —
Встречу готовлю я предку и нив и полей,
Сладостный дождь, умоляю, на землю пролей,
Чтобы ячмень уродился и просо подстать,
Чтоб земледельцев и жен их зерном напитать!

III

Правнук, пришел посмотреть я на землю отцов,
Вижу я жен, выходящих в поля, и юнцов —
С пищей на южные пашни скорее спешат...
Вот и надсмотрщик полей — подошел он и рад.
Справа и слева беру принесенный обед,
Пробую пищу: вкусна ли она или нет?
Хлеб мой возделан прекрасно вдоль каждого му —
Добрую жатву, обильную жатву сниму.
Не в чем людей упрекнуть мне, нет гнева на них.
Трудятся люди проворно на нивах моих.

IV

Вижу колосья, как в крыше солома, часты;
Точно ярмо, изогнулись они с высоты.
Кучи зерна, что на поле оставили мы,
Как острова на реке или в поле холмы.
Тысяча, верно, не меньше, амбаров нужна,
Тысяч десяток телег для отвозки зерна!
Если и просо, и сорго, и рис возрастут —
Счастье моих земледельцев проявлено тут.
Благо, наградою будь земледельцам моим,
Тысячи лет долголетья безмерного им!

БОЛЬШОЕ ПОЛЕ

(II, VI, 8)

I

Много нам сеять на поле — большое оно.
Мы приготовили все — отобрали зерно.
Все приготовили мы, за работу пора;
Каждая наша соха, как и надо, остра.
С южных полей начинаем мы землю пахать,
Всяких хлебов мы довольно посеять должны.
Княжеский правнук доволен, что всходы пышны,
Прямо они поднялись, высоки и сильны.

II

Вот уж и колос встает, наливает зерно,
Вот и окрепло, и стало добротным оно.
Травы и плевелы время выпалывать нам
И уничтожить грызущих ростки червяков,
Корни, коленца и листья грызущих жуков,
Чтоб не вредили в полях восходящим хлебам.
Предок полей, собери их, не медля ни дня,
Духом могучий, их ввергни в пучину огня!

III

Туча возникла, всё гуще и всё тяжелей.
Дождь наплывающий каплю по капле пролей!

Общее поле сначала дождем ороси,
После коснись ты и наших отдельных полей!
Вот молодые колосья не срезаны там,
Связку вот эту оставим на поле смелей;
Горсть оставляем иную на поле зерна,
Эти колосья не тронем, совсем не сожнем.
Вдовым на пользу оставлено — вдов пожалей!

IV

Правнук, пришел посмотреть он на землю отцов,
Видит он жен, выходящих в поля, и юнцов —
С пищей на южные пашни скорее спешат.
Вот и надсмотрщик полей — подошел он и рад.
Духам сторон четырех мы усердно моления шлем,
Рыжего в жертву быка да и черного также избрав,
С собранным просом моим и также с моим ячменем
В дар вам, о духи, мы жертвы свои принесем.
Счастье великое, правнук, на доме твоем!

ВСТРЕЧА ЦАРЯ, ВЫСТУПАЮЩЕГО В ПОХОД

(II, VI, 9)

На Ло поглядите, как воды реки
Разлились широко и как глубоки...
Не так ли является нам государь?
Как травы, в нем счастье и благо сплелись.
Его наколенники красным горят,
Когда он выводит шесть ратей солдат.

На Ло поглядите, как воды реки
Разлились широко и как глубоки...
Не так ли является нам государь?
Нефриты блестят, и горит самоцвет
На ножнах меча. Так да здравствует царь
И дом сохранит свой на тысячи лет!

На Ло поглядите, как воды реки
Разлились широко и как глубоки...
Не так ли является нам государь?
Все благо и счастье слилося на нем.
Да здравствует царь наш, на тысячи лет
Он царство свое сохранит и свой дом!

ПРЕКРАСНЫ, ПРЕКРАСНЫ ЦВЕТЫ

(II, VI, 10)

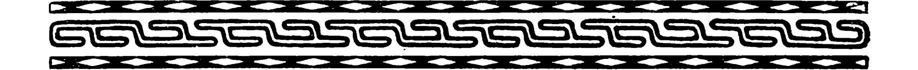
Прекрасны, прекрасны, я вижу, цветы,
И пышно листва их растет...
Я ныне на этого мужа смотрю —
И в сердце покой настает,
И в сердце покой у меня настает —
Хвала тебе, мир и почет!

Прекрасны, прекрасны, я вижу, цветы,
Собой они темно-желты...
Я ныне на этого мужа смотрю —
И тонкой он полн красоты!
Исполнен он тонкой такой красоты —
И радости будут полны и чисты!

Прекрасны, прекрасны, я вижу, цветы,
То желтый, то белый видны.
Я ныне на этого мужа смотрю,
В четверке все кони черны.
Он сам в колеснице, все кони черны,
И вожжи блестят у коней вдоль спины.

Коль слева поставишь такого у нас —
Он места достоин как раз;

Коль справа такому мы место найдем —
Достоинства многие в нем.
Достоинства признаки вижу я в нем,
Внутри и снаружи на нем.

VII

ЦАРЬ ПРИВЕТСТВУЕТ СВОИХ ГОСТЕЙ

(II, VII, 1)

То птицы порхают на тутах, взгляни:
Сверкает их перьев прекрасный узор.
Мужи благородства мне радуют взор,
И милости неба да примут они!

То птицы порхают на тутах, взгляни:
Сверкают их шеи узором. И вот,
Мужи благородства мне радуют взор —
Всех стран государства надежный оплот.

Вы — царства оплот, вы — опора и щит!
Царям с вас пример принимать надлежит!
Не вы ль бережливы, не любите ль труд,
Не вам ли обильное счастье пошлют?

Кривые возьмем носорожьи рога,
Наполним их сладким и вкусным вином,
Без гордости друг перед другом мы пьем.
Да многие сами к вам снидут блага!

ОДА ЦАРЮ

(II, VII, 2)

Селезень с уткою вместе летит —
Дайте сетей и тенет!
Тысячи лет да живет государь,
В радости тысячи лет!

Селезень с уткой на гати сидит,
Левым касаясь крылом.
Тысячи лет да живет государь,
Вечное счастье на нем!

Конь ездовой на конюшне стоит —
С сечкой зерна зададим!
Тысячи лет да живет государь,
Счастье до старости с ним!

Конь ездовой на конюшне стоит —
Резкой корми и зерном.
Тысячи лет да живет государь
В мире и счастье своем!

ПИРУ СТАРШЕГО В РОДЕ

(II, VII, 3)

I

Люди, что в кожаных шапках теперь у тебя,
Что это, верно, за люди, не скажешь ли нам?
Вкусное ныне ты им приготовил вино,
Яства прекрасны твои, что поставил гостям.
Люди какие пришли из чужой стороны? —
Братья пришли, не чужие, приюта ища;
Так и ползучий вьюнок и лианы плюща
Вьются, цепляясь вкруг туи и крепкой сосны.
Доблести муж, если долго не видим тебя,
Сердце болит и сожмется, сожмется тоской;
Только лишь доблести мужа увидели мы —
Вот уж и радость у нас, и на сердце покой.

II

Люди, что в кожаных шапках теперь у тебя,
Что это, всё же за люди, скорее скажи!
Вкусное ныне ты им приготовил вино,
Яства прекрасны, по времени года, свежи!
Разве чужие пришли из чужой стороны?
Нет, это братья все вместе явились в твой дом;
Так и ползучий вьюнок и лианы плюща
Вьются вкруг крепкой сосны, прижимаясь листком.

Доблести муж, если долго не видим тебя,
Сердце у нас заболит, заболит от тоски;
Только лишь доблести мужа увидели мы,
Вот уж и радость! — Печали от нас далеки.

III

Люди, что в кожаных шапках теперь у тебя,
Верно, с покрытой главою пришли они в дом?
Вкусное ныне ты им приготовил вино,
Яства обильны и высятся целым холмом.
Что же за люди пришли из чужой стороны?
Братья пришли и сестер твоих старших сыны!
Это подобно тому — если сыплется снег,
Прежде сгустится вода и смерзается льдом.
Смерть и погибель не знают особого дня —
Нам уж недолго сбираться для встречи в твой дом!
Будем же в нынешний вечер мы радостно пить,
Доблести муж, мы пируем — так чары нальем!

РАДОСТЬ НОВОБРАЧНОГО

(II, VII, 4)

I

Скрепы забиты в ось колесницы моей —
В думах о деве прекрасной я еду за ней.
Голод и жажду презрев, еду встретиться с той,
Чья добродетель славна,— с юной ее красотой.
Хоть мы и доброго друга себе не найдем,
Радостный пир мы устроим с тобою вдвоем.

II

Лес на равнине так пышен стоит он и густ!
Только фазаны сбираются день ото дня.
В день надлежащий ты, славная дева, пришла,
Редких достоинств полна, ты научишь меня.
Пир учинив, веселюсь, восхваляя тебя,
Буду любить тебя я, не устану, любя.

III

Хоть не имею прекрасного ныне вина,
Все же ты выпьешь со мною — надеюсь на то.
Хоть не имею отменнейших яств для тебя,
Все же ты пищу разделишь — надеюсь на то.
Хоть не имею я равных достоинств твоим,
Вместе и спеть и сплясать нам придется двоим.

IV

Вот поднимаюсь на этот высокий хребет,
Ветви рублю на дрова я у дуба, вверху он растет.
Ветви рублю на дрова я у дуба, вверху он растет;
Листья, я вижу, на ветках у дуба пышны.
Счастье редчайшее — вижу тебя с вышины —
В сердце спокойная радость при виде жены.

V

Горы высокие разом окинул мой глаз,
Путь я прошел бы великий, к супруге стремясь.
Неутомимы четыре мои скакуна,
Вожжи как струны на цитре, взял шесть их рукой,
Вижу тебя, новобрачная ныне жена,—
Радостью сердце полно, и на сердце покой!

СИНЯЯ МУХА

(II, VII, 5)

Синяя муха жужжит и жужжит,
Села она на плетень.
Знай, о любезнейший наш государь,—
Лжет клеветник, что ни день.

Синяя муха жужжит и жужжит,
Вот на колючках она.
Всякий предел клеветник потерял —
В розни и смуте страна.

Синяя муха жужжит и жужжит,
Там, где орех у плетня.
Всякий предел клеветник потерял —
Ссорит он вас и меня.

О ВИНЕ

(II, VII, 6)

I

Званые гости к циновкам подходят сперва,
Справа и слева по чину расселись едва,
Вот и блюда, и сосуды расставлены в ряд,
Тут и плоды, тут и яства в порядке стоят.
Мягкое вкусом, отменное ставят вино;
Выпили гости по чарочке все заодно.
Вот барабаны и колокол ставят потом.
Чара заздравная поднята, ходит кругом.
Вот и большую мишень натянули, и вдруг
Стрелы готовы, и каждый натягивал лук.
Парами равные силой сошлися стрелки:
«Сударь, теперь вы покажете меткость руки!» —
«Эту мишень я стрелою пронижу насквозь,
Чару вина чтобы, сударь, вам выпить пришлось!»

II

Звучат барабаны, и флейта, и шэн... Плясуны
Полны гармонии — музыки звуки слышны.
Жертвы приятны прославленным предкам твоим —
Ты по обрядам свершил приношения им.
Вот и обряды тобою исполнены все,
Лесу подобны в своей величавой красе.
Чистое счастье в награду тебе суждено,
Дети и внуки в веселье с тобой заодно.

Пусть же веселье и радость наполнят чертог —
Каждый из вас совершил по обрядам, что мог.
Руки у гостя пустые — не стало вина,
Входит слуга, и опять его чара полна.
Снова заздравные чары у всех налиты...
В сроки всегда выполняешь обычаи ты.

III

Званые гости к циновке подходят сперва,
Каждый почтителен, тонок и щедр на слова.
В каждом, пока он еще не напился вина,
Важность осанки, как это и должно, видна.
Ну, а когда уже гости напьются вина,
Важность осанки в расстройстве, и речь их бедна!
Место покинет, шатается там он и здесь,
Спляшет он несколько раз и кривляется весь.
Каждый, пока он еще не напился вина,
Важность осанки хранит — и достойна она.
Ну, а уж если напился он вдоволь вина —
Важность осанки совсем он теряет спьяна.
Тот, говорю, кто без меры упьется вином,
Тот и с порядком приличий совсем не знаком!

IV

Если уж гости напилися пьяными, тут
Спьяна без толку они и кричат, и орут.
Спутает пьяный сосуды мои без труда,
Спляшет не раз он, шатаясь туда и сюда.
Тот, кто напьется вина, говорю я, таков,
Что за собой никогда не заметит грехов.
Шапку свою набекрень нахлобучит он вкось,
Пляшет подолгу, кривляется, как ни пришлось.
Если напился да сразу оставил твой дом —
Счастье тогда и ему, и хозяину в том.
Если ж напился да дом не оставит никак —

Он своему и чужому достоинству враг.
Выпить вина — что ж, обычай сей очень хорош,
Если осанку притом и достоинство ты сбережешь.

V

Так и везде, где бывает, что выпьют вина,
Трезвый один, но упился другой допьяна.
В месте таком обязательно ставится страж,
Стражу в помощники ты наблюдателя дашь.
Пьяный бывает такой — нехороший на вид;
Трезвый, напротив,— он пьяного часто стыдит.
Только вот пьяному — скажешь ли слово по нем?
Можешь ли буйство его успокоить стыдом?
Надо от слова дурного его остеречь,
Пусть не ведет он о том, что не следует, речь.
Если ты пьяный болтать безумолку готов —
Выйдет, пожалуй, козел у тебя без рогов!
Если с трех чарок ты память сумел потерять,
Смеешь ли ты напиваться опять и опять?

ПРИВЕТСТВИЕ ЦАРЮ В СТОЛИЦЕ

(II, VII, 7)

Рыба живет между порослей водных и трав,
И голова ее стала большою давно.
Царь наш в столице, столицею Хао избрав,
Здесь и счастливый, и радостный пьет он вино.

Рыба живет между порослей водных и трав,
В травах и хвост ее сделался длинный такой.
Царь наш в столице, столицею Хао избрав,
Пьет он, счастливый, вино и вкушает покой.

Рыба живет между порослей водных и трав.
Там защищают ту рыбу кругом камыши.
Царь наш в столице, столицею Хао избрав,
В месте покойном живет он, в глубокой тиши.

ВСТРЕЧА КНЯЗЕЙ ЦАРЕМ

(II, VII, 8)

I

Сбираем бобы мы, сбираем бобы —
В корзинки и сита их надо сложить.
Пришли ко двору благородства мужи —
Не знаю: чем лучше мне их одарить?
Хоть нечем мне этих мужей одарить —
Дарю колесницы, упряжки коней...
Еще чем, не знаю, мне их одарить? —
Одеждой узорной с драконом на ней.

II

Ручья вытекает струя из земли,
В ручье мы душистые травы нашли.
Мужи благородства спешат ко двору —
Знамена с драконами видны вдали.
Знамена полощатся их на ветру,
И звоном звенит колокольчик сильней,
И тройки пришли, и четверки коней —
Мужи благородства спешат ко двору —

III

Горят наколенники красные их,
Их стянуты икры в повязках косых —
Небрежности нет на приемах моих.

Сын неба, да буду я милостив к вам,
Я радуюсь вам, благородства мужи.
Сын неба, велю возвеличить я вас,
Я радуюсь вам, благородства мужи,
Кормленье велю увеличить для вас.

IV

Вы лишь поглядите на ветви дубов,
Как листья на них и пышны, и густы!
Я радуюсь вам, благородства мужи,
Вы — сына небес государству щиты.
Я радуюсь вам, благородства мужи,
В вас тысячи благ воедино слиты.
И люди, что следом за вами пришли,
Они безупречны — и вместе просты.

V

Колеблется в зыбях из тополя челн,
Его закрепляет на месте канат.
Я радуюсь вам, благородства мужи,—
Сын неба ценить по достоинству рад.
Я радуюсь вам, благородства мужи,
И жалую много щедрот и наград.
О, как вы охотно из вашей земли
С готовностью в нашу столицу пришли!

ПОУЧЕНИЕ ЦАРЮ

(II, VI, 9)

I

Ладно сработанный лук, вделанный в рог на концах,
Если отпустишь — концы врозь разойдутся легко!
С братьями дружно живи, со всею по женам родней.
Лучше ты с ними, о царь, не расходись далеко.

II

Если ты будешь далек с всеми твоими, то вот:
Так же поступит, как ты, вместе с тобою народ.
Ты научаешь народ, ты образец и закон —
Так же, как ты поступил, так поступает и он.

III

Если и тот и другой братья друг к другу добры,
Великодушия в них хватит с избытком на всех.
Если и тот и другой между собой недобры,
Будут друг другу они точно болезнь или грех.

IV

Нет и в народе добра, если — так кажется мне —
Тянут и тот и другой каждый к своей стороне!
Чин получает иной, только в нем скромности нет,
Смотришь: и чин утерял сам, по своей же вине.

V

Старый конь хочет стать молодым жеребцом,
Но последствий сего он совсем и не ждет!
Всякий, кто ест без конца, должен насытить живот;
Чарку за чаркой пьешь?— слишком упьешься винцом!

VI

Ты обезьян не учи лазать на ветви дерев!
К грязи ли грязь прибавлять, чувство стыда одолев?
Если пойдешь, государь, сам ты стезею добра,
Люди с тобою пойдут, сгинут и злоба, и гнев.

VII

Падает хлопьями снег, густ и обилен кругом,
Тает, однако, и снег с солнечным первым лучом.
Царь не желает лжецов ни принижать, ни изгнать —
Злобная гордость растет, с каждым сгущается днем.

VIII

Падает хлопьями снег, как он обилен, смотри!
С солнечным первым лучом всё же растаял давно...
Стали как варвары мы, стали мы как дикари!
Сердце мое оттого скорбью великой полно.

ТАМ ИВА

(II. VII, 10)

Там ива, я вижу, пышна и густа,
Не сладко ль под ней отдохнуть по пути?
Верховный владыка наш грозен весьма —
Я сам не хочу к нему больше идти.
Могущество ль буду его укреплять,
Чтоб тяготы после нести и нести?

Там ива, я вижу, пышна и густа,
Не сладко ль под ней отдохнуть без забот?
Верховный владыка наш грозен весьма —
Ужели кто сам себе вред принесет?
Могущество ль буду его укреплять,
Чтоб после принять еще больше тягот?

Бывает, что птицы высоко летят,
Но выше небес им лететь не дано.
А сердце людское желаний полно —
Где ставит пределы желаньям оно?
Могущество ль буду его укреплять,
Чтоб вызвать несчастье и горе одно?

VIII

ОДА О ЗАПУСТЕНИИ В СТОЛИЦЕ ХАО

(II, VIII, I)

I

Были служивые люди в столице тогда:
Шубы из лис понаденут, их шубы желты,
Вид благородный, ему не изменят они,
Красочна речь и тонка, как в узоре цветы.
О, если б снова в столицу вернулись они —
Тысяч и тысяч народа сбылись бы мечты!

II

Были служивые люди в столице тогда:
Шапки наденут — все черная ткань да камыш!
Женщины ль выйдут домов благородных куда —
Как их прически пышны и красивы — глядишь!
Я их теперь не увижу... Ты, сердце мое,
Радости больше не знаешь и только болишь.

III

Были служивые люди в столице тогда:
Из самоцветов носили закладки в ушах...

Женщины ль выйдут домов благородных куда —
«Инь»,— говорят, или — «Цзи эта — так хороша!»
Их я теперь не увижу, и сердце мое
Связано горькою скорбью, тоскует душа...

IV

Были служивые люди в столице тогда:
Ходит, и виснут концы на его пояске.
Женщины ль выйдут домов благородных куда —
Локон лежит скорпионом на каждом виске!
Их я теперь не увижу, и сердце мое
Ноет. За ними бы вслед устремился в тоске!

V

Это не то, чтоб концы опускали они,—
Ткани избыток имели у них пояса!
Это не то, чтоб себя завивали они,—
Сами собой у красавиц вились волоса!
Их я теперь не увижу, и сердце мое
Ноет. Тебя повидать бы, былая краса!

В ОЖИДАНИИ МУЖА

(II, VIII, 2)

Целое утро рвала я, рвала тростники,
Но не наполнила ими и обе руки.
Волосы все растрепались и вкось завились;
Я возвращаюсь, омою их — будут мягки.

Целое утро рвала я индиго одна —
Даже подола собрать не сумела сполна.
Он мне сказал, что в разлуке мы будем пять дней,
Вот и шестой! — Я не вижу его и грустна.

Если, супруг, на охоту захочется вам,
Все приготовив, в чехол уложу я ваш лук;
Если с удою пойдете вы рыбу ловить,
Нить для уды заплету я вам, милый супруг!

Рыбы какой наловил мой супруг на уду?
Он наловил и лещей, говорят, и линей;
Он наловил и лещей, говорят и линей,
Я поскорей поглядеть его рыбу иду!

ОДА О ПОСТРОЙКЕ ГОРОДА В СЕ

(II, VIII, 3)

Пышные, пышные проса поднялись ростки —
Вспоены долгим они моросящим дождем.
Шаоский князь ободряет всех нас на пути,
К югу, далеко, далеко походом идем.

Тяжести носит и возит телеги солдат,
Нам выводить и быков, и повозки велят.
Только тогда лишь, когда мы закончим поход,
Нам и прикажут, чтоб мы возвращались назад.

Едут в повозках солдаты, проходят пешком,
Службу свою мы в отрядах и ратях несем.
Только тогда лишь, когда мы закончим поход,
Воина также на отдых отпустят в свой дом.

Строго прямые постройки красуются в Се,
Шаоский князь завершил начертания все.
Шаоский князь завершает творением рать —
Вот и идет она в грозной суровой красе!

Ровны низины теперь и высоты, и вот,
Мы расчищаем с истоков течения вод.
Город постройкою шаоский князь завершил —
В сердце царя и довольство, и мир настает!

ТУТ

(II, VIII, 5)

Тут меж холмами редкой стоит красоты,
Листья на туте, я вижу, пышны и густы.
Муж благородный, лишь только увижу тебя —
Радость какая на сердце, что встретился ты.

Тут меж холмами редкой стоит красоты,
Свежие листья, я вижу, сверкают на нем.
Муж благородный, лишь только увижу тебя —
Как не почувствовать радости в сердце моем?

Тут меж холмами редкой стоит красоты,
Листья темнеют зеленые день ото дня.
Муж благородный, лишь только увижу тебя,
Сладость достоинств твоих проникает в меня.

Сердце исполнено нежной любовью к нему.
Но не скажу ему этого я — почему?
Буду хранить и беречь его в сердце моем!
Будет ли время, когда я забуду о нем?

ОДА ОТВЕРГНУТОЙ ЖЕНЫ

(II, VIII, 5)

I

Годный для пряжи беленький этот цветок
С белой осокою свяжут в единую нить.
Стал мне супруг мой ныне и чужд, и далек,
Бросил, заставил меня одинокою жить.

II

Белая тучка сияет в сиянии дня,
Ровно цветок напоит и осоку она.
Он, мой супруг, не такой — он не любит меня;
Трудные ныне пришли для меня времена.

III

Воды на север текут из проточных прудов,
Рис на полях оросит животворный поток.
Горько вздыхая, с болью на сердце пою:
В мыслях моих человек, что чрезмерно высок.

IV

Тутовых дров, что годятся в очаг, собрала —
Я их в жаровне сожгла, проливающей свет.
Ты и высок, но к жене уважения нет!
Много ты делаешь сердцу и горя, и зла.

V

Бьют барабаны и в колокол здесь, во дворце,
Слышны, однако, снаружи удары и звон.
Я о супруге своем вспоминаю с тоской,
Но на супругу взирает с презрением он.

VI

Наглая цапля на нашу запруду взошла,
Скромный в дубраве журавль все страдает от бед.
Ты и высок, но к жене уважения нет —
Много ты делаешь сердцу и горя, и зла!

VII

Селезень с уткой сидят на запруде у нас,
Левым крылом прижимаясь друг к другу, смотри!
Нету, супруг мой, добра, как я вижу, у вас —
Чувство два раза меняете вы, даже три!

VIII

Низок тот камень, что он избирает для ног;
Низок и тот, кто поднялся на камень такой!
Стал мне супруг мой отныне и чужд, и далек,
Сделал больною меня он, измучив тоской!

ПЕСНЯ О ВОИНЕ, ИЗНЕМОГШЕМ В ПОХОДЕ

(II, VIII, 6)

Желтая иволга песню поет,
Села она у излучины скал:
«Путь нам далекий, далекий лежит,—
Как поступить мне — я слаб и устал?»
Дайте воды, накормите его,
Дайте совет, научите его!
Кто же обозным приказ передаст,
Скажет: «В повозку возьмите его»?

Желтая иволга песню поет,
Села у края холма на логу:
«Смею ль бояться походных трудов?
Страшно, что быстро идти не смогу».
Дайте воды, накормите его,
Дайте совет, научите его!
Кто же обозным приказ передаст,
Скажет: «В повозку возьмите его»?

Желтая иволга песню поет,
Села внизу у холма на пути:
«Смею ль бояться походных трудов?
Страшно, что мне до конца не дойти».
Дайте воды, накормите его,
Дайте совет, научите его.
Кто же обозным приказ передаст,
Скажет: «В повозку возьмите его»?

СКРОМНЫЙ ПИР

(II, VIII, 7)

Вижу, трепещут, трепещут на тыкве листы,
Ты соберешь их и сваришь, подашь их гостям.
Друг благородный, есть и вино у тебя —
В чарку его наливаешь и пробуешь сам.

Есть у хозяина заяц, да только один —
Зайца поджаришь на угольях прямо в шерсти.
Друг благородный, есть и вино у тебя,
Ты разольешь его в чарки, гостям поднести.

Есть у хозяина заяц, да только один —
Зайца изжаришь, как надо, гостям на обед.
Друг благородный, есть и вино у тебя —
Гости хозяину налили чару в ответ.

Есть у хозяина заяц, да только один —
Зайца изжаришь, как следует быть, над огнем.
Друг благородный, есть и вино у тебя —
Снова гостям наливаешь, и снова мы пьем!

ВОИН В ПОХОДЕ ВОСТОЧНОМ

(II, VIII, 8)

Камни и скалы нависли —
Кручи отвесных высот,
Дальние горы и реки —
Трудный, опасный поход!
Воин в походе восточном
Поутру не отдохнет.

Камни и скалы нависли,
Острые пики, гляди...
Дальние горы и реки
Кончатся ль там, впереди?
Воин в походе восточном,
Выбраться скоро не жди!

Белы у вепрей копытца —
Бродят в воде — и как в дом,
Месяц в созвездье стремится
Би перед буйным дождем!
Воин в походе восточном,
Думать не смей о другом!

ЦВЕТЫ НА ВЬЮНКЕ

(II, VIII, 9)

Распустились цветы на вьюнке,
И теперь темно-желтыми стали...
О, сколь сердце жестоко скорбит,
Сердце ранили больно печали.

Распустились цветы на вьюнке,
Посмотри на листву голубую...
Не родиться б мне лучше на свет,
Если б ведал судьбу я такую.

У овцы голова велика,
А мережа лишь звезды поймала;
Знаю: люди хотя и едят,
Сытых вижу так редко и мало!

В ПОХОДЕ

(II, VIII, 10)

Какая трава, не желтея, растет?
Есть день ли такой, чтоб не шли мы в поход,
И есть ли в пределах страны человек,
Свободный от бремени ратных тягот?

Какая трава не буреет в лугах?
Кто вместе с женой, что ему дорога?
О, горе нам, воинам, взятым в поход!
Не люди лишь мы, что идем на врага.

И разве я тигр или ты носорог —
По дикой пустыне шагаешь, дружок?
О, горе нам, воинам, взятым в поход!
До ночи с утра отдохнуть я не мог.

И только пушистым хвостом промелькнет
Лисица — в траве одичалой пройдет;
Да наши телеги, что грузы везут,
Идут по великой дороге вперед.

ВЕЛИКИЕ ОДЫ

I

ОДА ВЭНЬ-ВАНУ

(III, I, 1)

I

Царь Просвещенный — Вэнь-ван — пребывает теперь
в вышине,
О, как на небе пресветлый сияет Вэнь-ван!
Чжоу издревле в своей управляли стране,
Новый престол им небесною волею дан.
Или во славе своей не сияют они?
Воля небес неужели не знает времен?
Ввысь устремится Вэнь-ван или вниз низойдет,
Справа иль слева владыки небесного он!

II

Царь Просвещенный был полон усердья и сил,
Слава его бесконечной является нам.
Небо свои ниспослало на Чжоу дары —
Внукам Вэнь-вана, потомкам его и сынам,
Внукам Вэнь-вана, потомкам его и сынам —
Корню с ветвями, да жить им в веках и веках!
Людям служилым, что были у Чжоу в войсках,
Разве им также не славиться ныне в веках?

III

Разве они не преславны пребудут в веках
Тем, что с усердьем исполнили царский завет?
Полных величия, много служилых людей
Царство Вэнь-вана тогда породило на свет,
Царство Вэнь-вана их всех породило, и вот,
Чжоуский дом в них опору нашел и оплот.
Много достойнейших стало служилых людей —
Царь Просвещенный в спокойствии полном живет.

IV

Был величаво-прекрасен властитель Вэнь-ван,
Ревностным был он надолго прославлен трудом.
Воля небес, о, насколько она велика!
Шанского дома потомки порукою в том.
Шанского дома потомки порукою в том:
Многое-множество их пребывало в те дни,
Волю верховный владыка свою проявил —
Чжоу покорность свою изъявили они.

V

Чжоу они изъявили покорность свою.
Воля небес не навечно почиет на вас!
Лучшие лучших из иньских служилых людей
Предкам творят возлиянья в столице у нас.
Нашему предку творят возлиянья, одев
Платье с секирами, в прежнем убранстве главы.
Вы, из достойных достойные слуги царя,
Вашего предка ужели не помните вы?

VI

Вашего предка ужели не помните вы?
Кто совершенствует доблесть духовную, тот
Вечно достоин пребудет и воли небес,
Много от неба и сам он получит щедрот.

Инь, до того как народ и престол потерять,
Вышнего неба владыке угодна была.
Инь пред очами да будет! Хранить нелегко
Судьбы великие. И сохранившим — хвала!

VII

Судьбы и волю небес сохранить нелегко!
Трон сохраняя, от неба себя не отринь!
Славы сиянье о долге свершенном простри,
Мудро размысли, как небо отринуло Инь!
Вышнего неба деянья неведомы нам,
Воле небес не присущи ни запах, ни звук!
Примешь Вэнь-вана себе в образец и закон —
Стран мириады с доверьем сплотятся вокруг!

ОДА О ЦАРЯХ ВЭНЬ-ВАНЕ И У-ВАНЕ И О ПОКОРЕНИИ ЦАРСТВА ИНЬ-ШАН

(III, I, 2)

I

Светлая, светлая доблесть взошла на земле —
Воля державная неба сошла с вышины!
Трудно, однако, на небо одно уповать
Да и царем быть — дела управленья трудны.
Иньский наследник небесный престол занимал —
Он и утратил четыре предела страны.

II

Князем был Чжи, говорят, его средняя дочь,
Жэнь по прозванью, в Инь-Шан появилась она.
К нам она в Чжоу пришла, чтобы супругою стать,
Жить она стала в столице как Ван-цзи жена.
Ван-цзи, наш предок, совместно с супругой своей
Жили, и долг свой они соблюдали сполна.
Там величавая Жэнь от него понесла,
Там Просвещенного в мир породила она.

III

Этот Вэнь-ван был наш царь Просвещенный, и он
Сердцем внимателен был и исполнен забот.
Вышнему неба владыке со славой служил,
Много от неба он принял и благ, и щедрот.

Доблесть души и достоинство в нем без пятна!
Царство над миром он принял и с ним его род.

IV

Вышнее небо взирает на землю внизу,
Воля небес поручить ему царство — тверда.
Годы правленья Вэнь-вана едва начались —
Небо готовит подругу ему навсегда.
Там, где находится северный берег у Ся,
В этой стране, что у самого берега Вэй...
Брачного возраста царь Просвещенный достиг.
Царства великого князь был там с дочкой своей.

V

С князем великого царства и дочка его,
Чистой красою — как младшая неба сестра!
Сделав подарки, о счастье гадает Вэнь-ван —
К Вэй отправляться для встречи невесты пора!
Мост через реку из стругов готовит Вэнь-ван.
Разве не блеском сверкающим брак осиян?

VI

Воля от неба на землю тогда снизошла —
Волею неба и стал на престоле Вэнь-ван:
Стал он в столице, был в Чжоу удел ему дан.
Дева из Шэнь,— государыню-мать заменив,—
Старшая дочь из далеких явилася стран.
Милостью неба от ней и родился У-ван.
Небо тебя сохранит и поможет тебе —
Небу покорный, пойдешь на великое Шан!

VII

Иньские, шанские — всюду отряды видны,
Лесу подобные, строятся рати солдат
В полном порядке, как стрелы в пустыне Муе.

Только и наши с достоинством рати стоят.
Неба верховный владыка с тобою, У-ван,
В сердце своем да не будешь сомненьем объят!

VIII

Эта пустыня Муе широка, широка!
Блещет сандалом своим колесница — ярка;
Каждая лошадь в четверке гнедая — крепка.
Шан-фу, великий наставник, искусен в боях —
Будто орел, воспаряющий ввысь в облака!
Помощь У-вану несет эта Шан-фу рука.
Шанскую мощную рать разбивает У-ван,
В это же утро страну очищают войска.

ОДА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ПЛЕМЕН ЧЖОУ

(III, I, 3)

I

Тыквы взрастают одна за другой на стебле...
Древле народ обитал наш на Биньской земле,
Реки и Цюй там и Ци протекают, струясь.
В древности Дань-фу там правил — наш предок и князь.
Людям укрытья и норы он сделал в те дни —
И ни домов, ни строений не знали они.

II

Древний правитель однажды сбирает людей,
Утром велит он готовить в поход лошадей.
Кони вдоль западных рек устремились, бодры,—
Вот и достигли подножия Циской горы.
Он и супруга — из Цзянского рода сама —
Место искали, где следует строить дома.

III

Чжоу равнины — прекрасны и жирны они,
Горькие травы тут сладкими были в те дни...
Мы совещались сначала — потом черепах
Мы вопрошали: остаться ли в этих местах?
Здесь оставаться! — Судьба указала сама —
Здесь и постройки свои возводить, и дома.

IV

Жителей князь расселил изволеньем своим:
Тех ободрит он, участки укажет другим,
Метит границы, назначит наделы земли.
Между участками — пашен межи провели.
С запада Дань-фу проходит страну на восток...
Всюду он задал работу, всё сделал, что мог!

V

Дань-фу зовет управителя главных работ,
Также зовет уставителя общих тягот:
Здания он повелел возводить и дома,
Мерять веревкой — так будет постройка пряма;
Доски связать и набить между ними земли...
В строгом порядке храм предков сперва возвели.

VI

Рыхлую землю ссыпает в корзины народ —
Плотно ее между связанных досок кладет.
Громко удары звучат — уплотнилась стена,
Мажут, скоблят ее — только была бы ровна...
Многие тысячи футов возвысились в срок;
Рвенье большой барабан соразмерить не мог!

VII

Ставят большие ворота в ограде дворца —
Очень высокие эти ворота! С крыльца
Ставят у входа дворцовые двери теперь —
В строгом величии высится каждая дверь.
Духам земли величавый алтарь возведен —
Всем начинаниям — место священное он.

VIII

Ярость властителя неукротима была —
Слава его преуменьшиться тем не могла.

Выдернул он и дубы, и терновник с пути —
Ехать возможно теперь и свободно идти.
Варваров этих — гунь-и — разбежалася рать,
Быстро бежала, пыхтя и не смея дышать!

IX

Юйский и жуйский князья разрешили свой спор,
Быстро Вэнь-ван возрастил свою силу с тех пор.
Я же скажу: те внушали покорность другим,
Те — были первыми, эти — последними с ним;
Те, я скажу, — о царе разносили хвалу,
Эти — давали отпор и насилью и злу!

СЛАВОСЛОВИЕ ЦАРЮ ПРОСВЕЩЕННОМУ

(III, I, 4)

I

Пышные, пышные — кущею терны стоят —
Дров нарублю я и сделаю добрый запас.
Вы величавы собою, наш царь-государь,
Всюду народ ваш так тесно сплочен вокруг вас!

II

Царь величавый — творит возлияние он —
Чаши для жертвы подносятся с разных сторон.
Чаши подносят, достоинства сами полны,
Лучшие люди — служилые люди страны.

III

Вижу: ладья устремилась по Цзину-реке —
Много гребцов — опускаются весла их в ряд.
Чжоуский царь выступает, я вижу, в поход.
Вслед за царем устремились шесть ратей солдат.

IV

Как широка эта звездная в небе река,
В небе узором сияет светла и ярка.
Разве не царь вдохновляет примером людей?
Чжоуский царь — да живет он века и века!

V

Так вырезают, чеканят прекрасный убор:
Золотом с яшмой украсится тонкий узор.
Царь созидает основы, дал правила нам
В царстве обширном, что нет, не охватит твой взор!

ПОДНОЖИЕ ХАНЬСКОЙ ГОРЫ

(III, I, 5)

I

Взгляни на подножие Ханьской горы
Орешник густой и терновник на нем.
Спокоен и радостен наш государь,
Стяжает он славу в веселье своем.

II

На скипетре яшмовый кубок тяжел:
Для жертвы в нем желтое блещет вино
Спокоен и радостен наш государь —
Вот счастье — ниспослано небом оно.

III

То ястреба в небе высокий полет,
То рыба метнулась под бездною вод!
Спокоен и радостен наш государь,
Не он ли к добру подвигает народ?

IV

Пресветлое в чаше вино, и ярка
Вся рыжая, чистая шерсть у быка:
Ты в жертву дары принесешь, государь,—
Да будет награда тебе велика!

V

Дубняк низкорослый — густой он, густой! —
Его на дрова собирает народ.
Спокоен и радостен наш государь,
От духов он множество примет щедрот.

VI

Пышнеет, пышнеет вьюнок по полям,
Ползет по ветвям и древесным стволам.
Спокоен и радостен наш государь,
Он счастье снискал, непорочен и прям.

ПОЧТЕНЬЯ БЫЛА ПРЕИСПОЛНЕНА ТАЙ-ЖЭНЬ

(III, I, 6)

I

Почтенья была преисполнена Тай-жэнь,
Царя Просвещенного матерь она;
Свекровь свою — Цзян — почитала с любовью,
Достойная царского рода жена,
И Тай-сы прекрасную славу блюла;
И были потомки царя без числа.

II

Князьям, своим предкам, царь следовал строго,
И светлые духи не знали обид,
И светлые духи не знали печали.
Вэнь-ван для жены образцом предстает,
Он братьям высокий пример подает,
К добру направляет страну и народ.

III

Согласье и мир во дворце этом царском,
Царь входит с почтеньем сыновним во храм;
Один — а ведет себя, будто при людях,
В труде неустанном блюдет себя сам.

IV

Не мог отвратить он великие беды,
Но блеск и величье его без пятна.
Деянья, которым он не был научен,—
И те совершенны, в них мудрость видна.

V

И доблестью духа мужи овладели,
Стремились к ней юноши с этой поры.
Был древний наш царь неустанно прилежен,
И славные царские слуги мудры!

ВЫШНЕГО НЕБА ДЕРЖАВЕН ВЕРХОВНЫЙ ВЛАДЫКА

(III, I, 7)

I

Вышнего неба державен верховный владыка,
В грозном величии вниз он глядит и четыре
Царства предела кругом озирает и ищет
Места народ успокоить в довольстве и мире.
Так увидал он, что оба великие царства
Сбились с пути — потеряли давно управленье;
Так озирал он и стороны света, и царства:
Воли небесной достойных — искал в размышленьи
Выбрав достойного, неба верховный владыка
Царство его захотел увеличить границы
Взор обращает с любовью владыка на запад...
Земли дарует ему, чтобы там поселиться,—

II

Вот очищают там землю от мертвых деревьев —
И подгнивающих стоя, и павших на землю:
Всё подравняли, приводят в отменный порядок
В парках аллеи и буйно растущие чащи;
После всего проредили, как надо, катальпы,
Лишние прочь удалили прибрежные ивы,
Лишние ветви у всех шелковиц отрубили,
Горные туты, почистив, подстригли красиво.

Светлого доблестью ставит Тай-вана владыка.
Варвары в страхе дороги заполнили... Милость
Небо явило, царю приготовив супругу:
Воля небес над Тай-ваном тогда укрепилась...

III

Вот озирает небесный владыка и гору:
Чащи колючие он разредил и дубравы,
Сосны и туи нечастыми стали. Владыка,
Царство воздвигнув, достойного ищет державы.
Жил-был Тай-бо, а при нем младший брат его Ван-цзи,
Ван-цзи — вот этот, лишь доблестью духа богатый,
Следовал сердца влеченью — Тай-бо возлюбил он!
Нежно любил, почитая как старшего брата.
Ван-цзи свое торжество укрепил, возвеличил —
Был одарен он за это сверкающей славой,
Принял щедроты от неба, приняв, не утратил —
Так завладел он и всею обширной державой.

IV

Этому Ван-цзи великий верховный владыка
Сердце измерил — и всюду разносит незримо
Славу о доблести духа и верности Ван-цзи.
С доблестью духа всё стало тому постижимо:
Вещи он мог постигать и умел различать их,
Мог поучить он и быть государем народу.
Правя всей этой великой страною, снискал он
Всюду покорность и преданность царскому роду —
Время настало царю Просвещенному править!
Доблесть духовная в нем навсегда безупречна,
Много щедрот он от вышнего неба владыки
Принял и передал детям и внукам навечно.

V

Молвил царю Просвещенному неба владыка:
«Людям изменчивым не уподобишься ныне,
Не уподобишься алчным и сластолюбивым!
Шествуя прямо вперед, поднимайся к вершине!»
Люди из Ми непочтенье свое показали,
Дерзко осмелясь перечить великой державе,
Вторглись в пределы Юани и Гуна достигли!
Царь поднимается, грозный и в гневе и в славе,—
Царь Просвещенный отряды свои собирает,
Чтоб подавить этой рати пришедшей дерзанье,
Благо для Чжоу еще укрепить, приумножив,
И утолить Поднебесной страны упованье!

VI

Царь наш спокоен в столице, а царские рати,
Выгнав врага из Юани за наши границы,
Горы проходят высокие; войско чужое
Больше на наших холмах не осмелится биться.
Нашими стали холмы и пологие скаты,
Пить не посмейте из наших источников ныне! —
Нашими стали источники, наши — озера.
Хочет наш царь поселиться в прекрасной долине.
Циской горы избирает он южные склоны,
Там, где поблизости — вэйские чистые воды.
Тысячи стран в нем достойный пример обретают,
Снова царя обрели в Поднебесной народы.

VII

«Светлую доблесть и мудрость твою полюбил я,—
Молвил царю Просвещенному вышний владыка,—
Праведный гнев твой, глубоко в груди затаенный,
Вдруг не проявишь ты громким и яростным криком.
Не полагаясь на знанья свои и на опыт,

Ты подчинился владыкою данным заветам».
Молвил царю Просвещенному вышний владыка:
«Царства союзные все призывая к совету,
С братьями выступишь ты в единении ныне,
Лестницы ваши стенные захватишь с крюками,
Башни осадные двинув и взяв катапульты,
К городу Чун приступи со своими войсками».

VIII

Медленны, медленны так катапульты и башни,
Высятся, высятся мощные чунские стены.
Чунских людей одного за другим изловили;
Суд учинив, мы обрезали уши у пленных.
Небу и богу войны совершили мы жертвы,
Этим покорно пристать к нам всех пригласили —
Нас не обидел никто в Поднебесной отказом.
Башни по стенам осадные били и били...
Крéпко-накрéпко стоят эти чунские стены.
Царь, нападая, войска посылает, и боле
Рода их нет — он прервался, совсем уничтожен!
Нет в Поднебесной противников царственной воле.

ЧУДЕСНАЯ БАШНЯ

(III, I, 8)

Чудесную башню задумал и начал Вэнь-ван,
Задумал построить, измерил и вычертил план:
И вот весь народ принимается строить ее,
И дня не прошло — завершает, усерден и рьян.
Вэнь-ван, начиная, сказал: «Не спешите к концу!»
Приходит народ наш к Вэнь-вану, как дети к отцу.

Вот царь Просвещенный идет в свой чудеснейший сад —
Олени и лани повсюду спокойно лежат,
И шерсть на оленях лоснится, лоснится, блестит,
И птиц белоснежных сверкает чистейший наряд!
Вот царь Просвещенный выходит на берег пруда —
В нем рыбки резвятся, чиста и прозрачна вода.

Звучащие камни висят под узорным гребнем,
А мы в барабаны большие и в колокол бьем.
И стройно звучат барабаны и колокола,
И в школу средь круглого озера радость пришла!

Как стройно звучат с барабанами колокола,
И в школу средь круглого озера радость пришла!
Из кожи каймана ритмично звучит барабан:
Слепые поют свои песни, чтоб слушал Вэнь-ван.

ОДА У-ВАНУ

(III, I, 9)

I

Ныне У-ван утверждает правление Чжоу...
Мудрыми слыли цари у былых поколений:
Чжоуских три государя отныне на небе —
Их продолжатель в столице обширных владений.

II

Их продолжатель в столице обширных владений,
Хочет поднять он всю доблесть державного рода,
Вечно достоин он неба верховных велений,
Он пробуждает и веру в царя у народа.

III

Он пробуждает и веру в царя у народа,
Землям подвластным примером пребудет надолго.
Вечно сыновней любовью он полн и заботой,
Он образцом да пребудет сыновнего долга!

IV

Был он один над землею, любимый народом,
Доблесть покорная стала народа ответом.
Вечно сыновней любовью он полн и заботой,
Тем он прославлен, что следовал предков заветам.

V

Так он прославлен, что много грядущих потомков
Следовать будет примеру их предка У-вана.
Тысячи, тысячи лет от всевышнего неба
Будут щедроты они получать непрестанно.

VI

Неба щедроты да будут для них непрестанны;
С данью придут Поднебесной предела четыре!
Тысячи, тысячи лет протекут, а потомки
Разве опоры себе не найдут они в мире?

ОДА ЦАРЮ ПРОСВЕЩЕННОМУ (ВЭНЬ-ВАНУ) И ЦАРЮ ВОИНСТВЕННОМУ (У-ВАНУ)

(III, I, 10)

I

Царь Просвещенный, он славу имел:
Да, он великую славу имел!
Мира для царства искал он; удел
Мудрого — зреть торжество своих дел.
Был Просвещенный воистину царь!

II

Небо царю повеление шлет,
Он совершает свой ратный поход —
Чун покарал Просвещенный — и вот,
Город на Фынской земле создает.
Был Просвещенный воистину царь!

III

Стены возвел он по вырытым рвам,
Фын он воздвиг соответственно им.
Мелким не стал предаваться страстям,
К предкам — сыновнепочтителен сам.
Был он, державный, воистину царь!

IV

Славными были заслуги царя,
Только лишь стены он Фына воздвиг,

Стали едины пределы страны —
И точно столп царь державный велик.
Был он, державный, воистину царь!

V

Фын свои воды стремит на восток —
Подвиги Юй совершил свои встарь!
Стали едины пределы страны —
Царь наш державный им всем государь!
Он, наш державный, воистину царь!

VI

Круглый, как яшмовый скипетр, пруд
В Хао-столице. С востока идут,
С запада, севера, юга... Смотрю:
Нет уж нигде непокорных царю!
Он, наш державный, воистину царь!

VII

Судит наш царь и гадает о том,
Будут ли в Хао столица и дом.
Будет! — решил черепаховый щит.—
Царь наш Воинственный дело вершит.
Он, наш Воинственный,— истинно царь!

VIII

Травы питает река наша Фын.
Разве У-ван не трудился один?
Планы исполнил для внуков своих,
Будет доволен почтительный сын!
Царь наш Воинственный — истинно царь!

II

ОДА ГОСУДАРЮ-ЗЕРНО (ХОУ-ЦЗИ)

(III, II, 1)

I

Древен народ наш — с самых первичных времен!
Он Цзянь Юань — праматерью нашей — рожден.
Как наш народ был порожден? — Могла Цзянь Юань,
Зная обычай, для жертвы принесть свою дань,
Чтобы бесплодье минуло ее, — и в ответ
Пальца большого владыки верховного след
Видит она, на него наступает... И вот,
Вся задрожав, в тот же миг понесла она плод...
Времени мало ждала она — ей суждено
Было родить и питать Государя-Зерно.

II

Месяцы вышли — она родила первенца
Так же легко, как рождает ягненка овца.
Он ей не рвал и не резал утробу тогда,
Не было матери славной — ни мук, ни вреда.
Это ль не чудо явилось у всех на глазах?
Разве верховный владыка не рад в небесах?
Чистая жертва ему не отрадна ль была,
Что так легко Цзянь Юань первенца родила?

III

В узкий загон для скота положили его.
Овцы с быками, жалея, укрыли его.
Был он покинут потом на равнине в лесу —
Но дровосеки его подобрали в лесу.
Брошен младенец на смерзшийся лед в водоем —
Птица его, согревая, укрыла крылом!
Птица едва оставляет ребенка на миг —
Князя-Зерно раздается пронзительный крик.
Так был силен и протяжен им изданный звук,
Что все дороги собою наполнил вокруг!

IV

На четвереньках едва только ползает он,
Но, как скала, уже он и могуч и силен!
Пищу едва научился тянуть себе в рот —
А уж бобами успел засадить огород!
Пышно, как флаги, бобы в изобильи стоят,
Пышные злаки красиво посеяны в ряд,
Тучей тучнеет пшеница и с ней конопля,
Многое-множество тыкв покрывает поля!

V

В поле Зерно-Государь изо всех своих сил
Силам природы взрастить урожай пособил.
Дикие сорные травы сгоняет с земли,
Сеет хлеба, чтобы, ярко желтея, росли.
Вот в скорлупе своей всё набухает зерно,
Вот прорвалось, вот росток выпускает оно...
Вот и пробился росток, вот и колос стоит:
Зерна окрепли и стали добротны на вид.
Зернами полный склоняется колос — созрел!
Тай, как наследственный дом, получил он в удел.

VI

Много прекрасных семян раздавал он кругом:
Черное просо и просо с двойчаткой-зерном,
Красное сорго и белое! Всюду подряд
Черное просо и просо-двойчатка стоят,
Сжали и в груды сложили весь хлеб на полях.
Сорго — и красным, и белым — покрыта земля,
Носят его на плечах, на спине по домам...
Жертвы приносит народ, что взлелеял он сам!

VII

Как же нам жертву такую готовить дано? —
Тот обдирает, а тот растирает зерно,
Тот провевает, тот топчет колосья ногой,
Плещутся всплески — зерно промывает другой.
Варят зерно — уже пар над котлами поплыл.
Надо, чтоб каждый посильную лепту вложил!
Надо с полынью для жертвы размешивать жир,
Духам дорóги баранов готовить на пир.
Мясо повсюду и варит, и жарит народ,
Чтобы успешно начать наступающий год.

VIII

Мы это мясо кладем в деревянный сосуд,
Чистым отваром сосуды из глины нальют...
Стал уж вздыматься от них к небесам аромат,
Неба верховный владыка доволен и рад —
Благоуханью ль, что не запоздало оно?
Жертве ль, указанной нам Государем-Зерно,—
Той, непорочной, что, свято блюдя, как закон,
Люди приносят еще и до наших времен!

ПИР

(III, II, 2)

I

Густо тростник возле самой дороги растет,
Пусть не потопчет и пусть не примнет его скот!
Вот развернется тростник, свой наденет наряд —
Нежные листья его заблестят, заблестят.
Кровные, кровные братья теперь у меня —
Не разлучайтесь, да будет вся вместе родня!
Вот и циновки для пира подстелены вам,
Низкие столики ставят — опору гостям.

II

Столики поданы, мат на циновку кладут,
Слуги, сменяясь все время, подносят еду.
Чаши хозяин сперва наливает гостям —
Гости подносят ему, чтобы выпил он сам.
Чаши омыты, но их наполняют опять:
Каждый отставил в сторонку, не стал выпивать.
Ставят соленья и с соусом острым блюда,
Ставят жаркие и печень. Богата еда!
Лакомый самый кусочек — язык и сычуг.
Гусли поют... В барабаны ударили вдруг!

III

Лук установлен — изогнуты круто углы,
И в равновесии строгом четыре стрелы;

Спущены стрелы, в цель они метко летят...
Судя по меткости, гости поставлены в ряд.
Туго натянуты луки резные, и вот,
Каждый четыре стрелы из колчана берет:
В цель как впиваются стрелы! Закончив игру,
Тех, кто не чванился, ценят гостей на пиру.

IV

Пира хозяин — потомок преславных отцов —
Добрым, приятным вином угостить нас готов.
Вот наливает большими ковшами, а сам
Жизни до желтых волос он желает гостям,
Желтых волос и пятнистой спины, как у рыб,—
Чтобы друг другу советом всегда помогли б,
Чтоб долголетней счастливая старость была,—
Дни благоденствия множатся пусть без числа!

ОДА ХОЗЯИНУ ПИРА

(III, II, 3)

I

Ныне вином напоил допьяна,
Нас напитал от великих щедрот.
Тысячи лет да живешь, государь!
Светлое счастье твое да растет!

II

Ныне вином напоил допьяна,
Данный тобою прекрасен обед.
Тысячи лет да живешь, государь!
Да возрастет лучезарный твой свет.

III

Свет лучезарный твой блещет кругом —
Ясность высокая с добрым концом!
Добрый конец ты теперь заложил —
Мертвых наместник добро возвестил.

IV

Что возвестил он? Сосуды полны,
Яства в сосудах чисты и вкусны.
В помощь избрал ты достойных друзей —
В них величавость и строгость видны.

V

В срок величавость и строгость яви!
Сын твой почтительной полон любви,
Не оскудеет любовью твой сын,
Благо вовеки тебе, господин!

VI

Благо какое да будет тебе? —
Вечно счастливый, в покоях дворца
Тысячи лет да живешь, государь!
Будет потомство твое без конца!

VII

Будет какое потомство твое? —
Милость небес навсегда над тобой,
Тысячи лет да живешь, государь!
Ты, одаренный великой судьбой!

VIII

Как одарен ты судьбой навсегда? —
Ты удостоен преславной жены,
Ты удостоен преславной жены —
Внуков отцами да будут сыны!

ОДА
О НАМЕСТНИКЕ МЕРТВЫХ

(III, II, 4)

I

Утка и чайка на Цзине-реке — над водой.
Мертвых наместник пришел насладиться едой
С чистым вином твоим, вижу, сосуды стоят,
Яства твои издалека струят аромат.
Мертвых наместник пирует и пьет у тебя,
Счастье его совершенно, он весел и рад.

II

Утка и чайка сидят на песке у воды.
Мертвых наместник явился отведать еды.
Ты угощаешь его в изобильи вином,
Яства прекрасны на вкус на обеде твоем.
Мертвых наместник пирует и пьет у тебя,
Счастье и радость для гостя наполнили дом.

III

Утка и чайка на остров садятся средь вод.
Мертвых наместник теперь на пиру отдохнет.
Чисто отцежено, вижу, для гостя вино,
Яства твои — то крошеное мясо одно.
Мертвых наместник пирует и пьет у тебя,
Радость нисходит на гостя, и счастье полно!

IV

Утка и чайка на устье притока средь вод.
Мертвых наместнику ныне и пир и почет!
Ныне едой насладиться явился он в храм,
Счастье и радость нисходят с наместником к нам.
Мертвых наместник пирует и пьет у тебя,
Высшим блаженством и счастьем исполнен он сам!

V

Утка и чайка в стремнине потока меж скал.
Мертвых наместник, он радостным, радостным стал!
Вкусно вино твое и весе́лым-весело́,
И ароматами мясо давно изошло!
Мертвых наместник пирует и пьет у тебя,
В будущем минут тебя и несчастье и зло.

ОДА ЦАРЮ

(III, II, 5)

I

Счастли́в наш государь, прекрасен он,
Достоинством высоким одарен.
Ведя, как подобает, свой народ,
От неба принял множество щедрот,
И волей неба верно он храним,
И милость неба непрерывно с ним.

II

Несчетно и счастли́в он, и богат.
Его потомство — сотни мириад:
Почтительны державные сыны —
Князья, цари, достойные страны,—
Не умалят того, что сделал он,
Блюдя и помня древний наш закон!

III

У них величья полон строгий вид,
Их слава без ущерба прозвучит,
Чужды им будут ненависть и гнев.
Друзей своих советы рассмотрев,
Они стяжают счастье свыше мер,
Для всей страны кормило и пример!

IV

Примером кто, законом будет сам,
Тот мир дарует всем своим друзьям.
Владыка, и вельможа, и солдат
К царю с любовью взоры обратят.
Кто не ленив на троне будет, тот
В довольстве успокоит свой народ.

ОДА КНЯЗЮ ЛЮ

(III, II, 6)

I

Великодушен князь — преславный Лю!
Он отдыха не знает от работ:
Межи в полях, черты границ ведет,
С полей в амбары жатву соберет.
Зерно сложил в мешки на этот год,
В тюки припасы: думал он свой род
Во славе успокоить. «Пусть народ
Натянет луки, стрелы припасет,
Секиры, копья и щиты возьмет!»
Князь Лю тогда отправился в поход.

II

Великодушен князь — преславный Лю!
К долине этой обращает лик:
На ней народ числом уже велик.
Народ спокоен: всюду он проник —
Народ вздыхать подолгу не привык!
И вот поднялся князь на горный пик,
Спустился вновь в долину, где родник.
На поясе что было у него?
Редчайшие каменья и нефрит,
И в самоцветных ножнах меч висит.

III

Великодушен князь — преславный Лю!
Идет туда, где сто истоков вод,
Широкою долиною идет;
Поднялся он на южные хребты,
Высокий холм увидел с высоты:
Там место есть для множества жилищ,
Он жителей велел селить на нем.
Для чужеземцев он построил дом,
И здесь за словом слово будет течь,
А там пойдет за мудрой речью речь.

IV

Великодушен князь — преславный Лю!
Себе на горке прочно ставит дом.
Величья полные мужи кругом...
Велит постлать циновки в доме том,
Зовет на пир, и гости входят в дом,
Расселись — приказал он пастухам:
Свинью из хлева выбрали б,— а сам
В простые тыквы льет вино гостям.
И те едят и пьют вино его,
И как царя, как предка чтут его.

V

Великодушен князь — преславный Лю!
Его земля обширна — всех сторон
Границы очертил по тени он;
Где солнечный и где тенистый склон,
Где токи рек стремится он узнать.
Три легиона — княжеская рать...
Он знает, где возвышенность, где падь.
Межи и подати ввел с этих пор.
Узнал страну он к западу от гор.
Владений Бинь просторным стал простор!

VI

Великодушен князь — преславный Лю!
Лишь временный себе поставил дом.
Как через Вэй устроил он паром,
К себе железо стал возить на нем.
Устроив всех, межи везде ведет —
В довольстве множится его народ.
Строенья сжали весь Хуан-поток,
Достигли мест, где мчится Го-поток,—
Идут они, густы и широки,
До самых до излучин Жуй-реки!

ОДА БЛАГОСКЛОННОМУ ГОСУДАРЮ

(III, II, 7)

Там далёко вода дождевая бежит по дороге —
Почерпните ее, принесите сюда эту воду:
Можно рис отварить и, обед приготовив, подать.
Государь, и счастливый, и вместе любезный народу,—
Для народа он словно отец и родимая мать!

Там далёко вода дождевая бежит по дороге —
Почерпните ее, принесите сюда эту воду:
Пригодится она, чтобы вымыть в ней винный сосуд.
Государь, и счастливый, и вместе любезный народу,—
И народ, прибегая к нему, обретает приют!

Там далёко вода дождевая бежит по дороге —
Соберите скорей, принесите сюда эту воду:
Пригодится, чтоб вымыть сосуды водою такой!
Государь, и счастливый, и вместе любезный народу,—
И народ, прибегая к нему, обретает покой!

ОДА ЦАРЮ

(III. II. 8)

I

Где холм стоит, в излучину на нем
Донесся с юга теплый ветер вдруг.
Ты, наш счастливый, добрый государь,
Пришел гулять и песни петь вдвоем;
Услышь же песни этой стройный звук.

II

Прогулки — красят твой досуг они;
С приятностью гуляя, отдохни.
Ты, наш счастливый, добрый государь,
Да будет жизнь твоя полна, и ты,
Как прежние цари, окончишь дни!

III

Обширна и славна твоя земля,
И всё растет и крепнет день за днем.
Наш благосклонный мудрый государь,
Да будет жизнь твоя полна, и ты
Всех духов, как гостей, да вводишь в дом.

IV

По воле неба взыскан ты давно
Щедротами, и благо суждено
Тебе, счастливый, добрый государь!

Да будет жизнь твоя полна! Тебе
Навеки счастье чистое дано.

V

Да будут же помощники царя
Сыновним долгом, доблестью полны —
От них совет и помощь для царя.
Ты, наш счастливый, добрый государь,
Да будешь ты законом для страны!

VI

Величья полон твой достойный вид,
Будь духом чист, как скипетра нефрит,
Пусть слава добрая твоя звучит.
Ты, наш счастливый, добрый государь,
Для всей страны ты — правило и щит!

VII

Четою ныне фениксы летят,
В полете крылья их шумят, шумят,
И по местам своим расселись вдруг.
Есть много, много добрых царских слуг
Почтительных, готовых для услуг:
Сын неба для таких — любимый друг!

VIII

Четою ныне фениксы летят,
В полете крылья их шумят, шумят,
И неба достигает их полет.
Царь много, много добрых слуг найдет:
Коль царь приказы им дает —
Они полюбят весь его народ.

IX

И ныне фениксы поют четой,
На том хребте поют, что так высок...
Растут уту́нги на горе на той,
Чей склон глядит под солнцем на восток:
Ут нги в зелени густы, густы,
А звуки пенья так чисты, чисты!

X

Есть колесницы ныне у царя —
В его войсках так много, много их.
Есть у тебя и кони, государь,
И быстр привычный бег коней твоих!
Ты песни пел — и лишь в ответ на них
Сложил и я короткий этот стих.

НАРОД СТРАЖДЕТ

(III, II, 9)

I

Народ наш страждет ныне от трудов —
Удел его пусть будет облегчен.
Подай же милость сердцу всей страны,
Чтоб мир снискать для четырех сторон.
Льстецам бесчестным воли не давай,
Чтоб всяк недобрый был предупрежден.
Закрой пути злодеям и ворам —
Небесный ведь не страшен им закон.
Дай мир далеким, к близким добрым будь,
Да укрепится этим царский трон!

II

Народ наш страждет ныне от трудов —
Пусть он вздохнет немного от работ.
Подай же милость сердцу всей страны,
Чтоб стал единым ныне наш народ!
Льстецам бесчестным воли не давай,
Чтоб в страхе был смутьянов шумный сброд.
Закрой пути злодеям и ворам,
Избавь народ от горя и забот.
Не оставляй трудов своих — тогда
Покой и государь наш обретет.

III

Народ наш страждет ныне от трудов!
Чтоб передышку всё же он имел,
Столице нашей милость окажи,
И в мире будет каждый наш удел.
Льстецам бесчестным воли не давай,
Чтоб тот был в страхе, кто забыл предел.
Закрой пути злодеям и ворам,
Пусть зло они отныне не творят.
Блюди всегда достойный, строгий вид,
И те придут, кто доблестью богат.

IV

Народ наш страждет ныне от трудов,
Пусть он немного отдохнет пока.
Подай же милость сердцу всей страны,
Чтоб скорбь людей была не так горька.
Льстецам бесчестным воли не давай,
Зло обуздай, смири клеветника,
Закрой пути злодеям и ворам,
Чтоб истина не рушилась века!
И пусть теперь ты сам и мал, и слаб,
Твоя заслуга будет велика!

V

Народ наш страждет ныне от трудов,
Он мог бы в мире жить, но мира нет.
Подай же милость сердцу всей страны,
И царство не узнает больше бед!
Льстецам бесчестным воли не давай,
Чтоб вечно в страхе подлый был клеврет,
Закрой пути злодеям и ворам,
Чтоб истине не причиняли вред.
Как яшму, будет царь любить тебя,—
Прими же этот строгий мой совет.

ОДА В ПОУЧЕНИЕ БЕСПЕЧНОМУ ЦАРЕДВОРЦУ

(III, II, 10)

I

Милость верховный владыка сменил на грозу:
Страждет от гнева его весь народ наш внизу.
Сходное с истинным слово не выйдет из уст,
Так и расчет недалек, что ты строишь, и пуст.
«Нет мудреца и опоры!» — ты скажешь в ответ?
Правды в речах твоих только воистину нет —
Этот расчет, что построил ты, вновь недалек!
В слове моем оттого и великий упрек.

II

В дни, когда небо лишь беды нам шлет с высоты,
Не подобает быть вовсе веселым, как ты.
В дни, когда небо колеблет всю землю, — пред ним
Не подобает быть вовсе беспечным таким!
Если в согласие с истиной слово придет,
Будет и в добром согласье отныне народ.
Речь твоя доброю будет — от речи такой
Будут в народе устойчивы мир и покой.

III

Службы хотя и различны у нас, говорю:
Мы, как товарищи, оба на службе царю.
Ныне пришел я, чтоб дать тебе добрый совет,
Слушаешь ты, а к словам и внимания нет.

Ныне о важных делах я веду свою речь —
Этим с усмешкой такою нельзя пренебречь.
Древний народ говорил, что разумен лишь тот,
Кто и у сборщика сучьев советы берет!

IV

В дни, когда небо являет жестокость и гнев,
Не подобает над этим шутить, обнаглев.
Правдою правда в словах у меня, старика,—
Ты же хоть молод, а гордость твоя велика;
Так не считай же безумными сказанных слов! —
Горе в забаву себе обратить ты готов.
Видишь: пожар все сильней и опасней везде,
Только лекарства не сыщешь ты в помощь беде!

V

В дни, когда ярости неба народу не снесть,
Не подобают тебе ни зазнайство, ни лесть.
Вид и достоинство ныне теряешь ты сам!
Добрые люди подобны теперь мертвецам:
В дни, когда плач и стенанье — народа удел,
Вникнуть в причину стенанья никто не посмел!
Смута везде, разоренье и гибель, и вот:
Нет никого, кто б утешил наш бедный народ!

VI

Небо людей просветляет, им радость дарит.
С флейтою нежной согласно сюань так звучит,
Княжеский жезл так слагался из яшм — так оно
Точно вас взяло и точно ведет вас давно.
Если ведет, разве спросишь прибавки? И вот,
Так же легко небеса просветляют народ!
Много грехов у народа, и ныне при всех
Не выставляй напоказ ты и собственный грех!

VII

Доблести муж величавый — то царства оплот,
Царства ограду собою являет народ,
Сильных удел — перед входом поставленный щит
Род знаменитый — столпом и опорой стоит,
В мире любовью к добру утвердится страна,
Родичи наши — тебе крепостная стена;
Не допускай же, чтоб стены разрушились в прах,
Чтоб не осилил тебя, одинокого, страх!

VIII

Страх перед гневом небес постоянно имей
И предаваться веселью и играм не смей;
Бойся, что небо изменит все судьбы людей,
И на погибель страшись погонять лошадей!
Небо державное — это сияющий свет,
Где б ты ни шел, от него не укроешься, нет!
Небо державное — это как солнца восход —
Всюду беспутство твое озарит и найдет!

III

СЛОВО ВЭНЬ-ВАНА ПОСЛЕДНЕМУ ГОСУДАРЮ ШАН

(III, III, 1)

I

Великий, великий верховный владыка —
Владыка народов, живущих внизу.
Жестокий и грозный верховный владыка —
Дары его злом осквернились внизу!
Хоть небо рождает все толпы народа,
Нельзя уповать лишь на волю творца:
Недобрых совсем не бывает вначале,
Но мало, кто добрым дожил до конца.

II

И царь Просвещенный воскликнул: «О, горе!
О, горе великое царству Инь-Шан!
Насилие и угнетение вижу,
Одна лишь корысть и стяжанье вокруг!
Насильники эти на месте высоком,
А ты из стяжателей выбрало слуг —
Нам небо их, наглых, на муку послало,
А ты подняло их, ты силу им дало».

III

И царь Просвещенный воскликнул: «О, горе!
О, горе великое царству Инь-Шан!
Имеешь ты к долгу ревнивых людей,
Насильники ж злобу плодят между нами,
Тебе отвечают пустыми словами,
А здесь при дворе только вор и злодей:
С проклятьями злоба кругом зашумела,
И нет им границы, и нет им предела!»

IV

И царь Просвещенный воскликнул: «О, горе!
О, горе великое царству Инь-Шан!
В стране лишь твоя злая воля была,
И доблесть твоя — лишь стяжание зла,
И доблесть царя твоего не светла!
Нет помощи трону кругом, но хула
Идет, что померк твоей доблести свет,
И в царстве достойных советников нет».

V

И царь Просвещенный воскликнул: «О, горе!
О, горе великое царству Инь-Шан!
Вином разве небо поит тебя? — Нет!
Ты следуешь тем, что от долга далеки,
Ты облик достойный теряешь в пороке,
И света от полного мрака не в мочь
Тебе различить, только крики и вопли
Я слышу, и день обратило ты в ночь!»

VI

И царь Просвещенный воскликнул: «О, горе!
О, горе великое царству Инь-Шан!
Гудит, как цикады, и ропщет народ,

Бурлит, как в разливе вскипающих вод:
Великий и малый здесь гибель найдет,
Но ты продолжаешь губительный ход,
И гнев поднимается в царстве Срединном,
До демонских стран, разливаясь, идет».

VII

И царь Просвещенный воскликнул: «О, горе!
О, горе великое царству Инь-Шан!
Безвременье шлет не верховный владыка —
Ты, Инь, небрежешь стариною великой:
Хоть нет совершенных и старых людей,
Законов живет еще древнее слово,
Но ты не вникаешь в законы, и снова
Великие судьбы распасться готовы».

VIII

И царь Просвещенный воскликнул: «О, горе!
О, горе великое царству Инь-Шан!
Народ поговорку имеет такую:
Коль валятся, корни подняв, дерева,
А ветви их целы, и цела листва,
То были подрезаны корни сперва!
Для Инь недалеко и зеркало есть,
И память о Ся-государе жива!»

ПОРУЧЕНИЕ ПРАВИТЕЛЮ

(III, III, 2)

I

Прежде всего за достойной осанкой следи:
Признак она, что достоинство скрыто в груди.
Люди теперь поговорку сложили вот так:
Всякий мудрец, говорят, непременно дурак!
В глупости черни, пожалуй, сказать бы я мог,
Главное то, что она прирожденный порок;
Из мудрецов же бывают лишь те дураки,
Кто поступает природе своей вопреки.

II

Силы, мудрей человека, воистину, нет:
Вся Поднебесная слушает мудрый совет.
Если б явил он и доблести светлой дела —
Вся бы страна за таким государем пошла.
Тве́рды указы, и планы его широки,
К времени слово, и думы его далеки,
Если блюдет и осанку достойную он,
То для народа правитель — пример и закон.

III

Если же ныне блуждает правитель иной,
Сам поднимает он смуту в правленьи страной,
Доблести духа в себе ниспровергнул давно

И погрузился бездумно в одно лишь вино.
Ты хоть утехам безмерно предаться готов,
Разве не вспомнишь и ты о наследье отцов?
Не устремишься ль душою ты к древним царям,
Правилам светлым ужель не последуешь сам?

IV

Небо державное нас отвергает, и вот,
Не уподобимся ль ныне источнику вод:
В бездне исчезнуть и мы не стремимся ужель?
Раньше вставай и лишь ночью ложися в постель,
Двор свой опрыскай и вымети сор со двора:
Будешь народу примером труда и добра.
Сам же готовь и коней с колесницами ты,
Стрелы и копья готовь, и мечи, и щиты:
Будешь на страже ты против внезапной войны:
Прочь да изгонишь и варваров южной страны.

V

Да укрепишь ты народ свой на добром пути,
Княжеский долг и закон исполняй ты и чти.
Будь наготове, чтоб недруг врасплох не застиг,
Будь осторожен в словах, что пришли на язык.
Вид величавый и вместе достойный блюди:
Будет во всем и добро и покой впереди.
Если с пороком белейшая яшма жезла,
Тут бы шлифовка исправить порок помогла;
Если же в слове твоем оказался порок,
Чтоб ты ни делал, но слова б исправить не мог.

VI

Пусть легковесного слова не скажут уста,
Речь у тебя да не будет небрежно пуста:
Знай, что не держит никто языка твоего,
Слово нельзя отпустить, не обдумав его.

Знай же, что слово найдет непременно ответ,
Блага, чтоб кануло без воздаяния,— нет.
Милостив будь и к советникам — добрым друзьям,
Милостив будь и к народу, как к малым детям.
Внуков пойдет от тебя непрерывная нить:
Тысячи тысяч да будут им вечно служить.

VII

Видят, как ты с благородными дружбу ведешь:
Лик твой приятен и мягок, и сам ты хорош,
Думаешь, как бы не вышло ошибки какой.
Будь же таким и тогда, как заходишь в покой:
Перед отверстием в крыше своей не красней,
Не говори, что не видно, каков ты под ней,
И что никто за тобой не следит: и тогда
Светлые духи незримо приходят сюда.
Можно ль предвидеть и их появление здесь?
Может быть, паче у них отвращение есть.

VIII

Если, правитель, ты явишь нам доблесть души,
Если поступки добры и всегда хороши,
Если хранишь ты заботливо благостный вид,
Без упущений ведешь себя, как надлежит,
Если чужды тебе будут обида и грех.
Разве не будешь, правитель, примером для всех?
Кто мне подарит душистого персика плод,
Сливу всегда от меня в благодарность возьмет.
Кто ж от ягненка захочет рогов, не шутя,
Только обманом потешит себя, как дитя.

IX

Ствол деревца, если нежен он, гибок, упруг,
Шелковой нитью покроют и сделают лук.
В том, кто исполнен вниманья к другим и тепла,

Доблесть в таком человеке опору нашла.
Если я мудрого разумом вижу, и сам
Тут же его поучаю я добрым словам,
Будет добро он послушно творить до конца;
Если ж случится учить от природы глупца,
Скажет, напротив, такой, что я вовсе неправ:
Каждый в народе имеет свой собственный нрав.

X

Малый ребенок недавно явился на свет,
Не понимает еще, что добро и что нет;
Я же ребенка не только за ручку вожу,
Но непременно и дело ему покажу;
Кроме того, что учу его с глазу на глаз,
Уши, бывает, ему надираю не раз.
Если ж ты скажешь, что сам неразумен — то ложь.
На руки сына и сам ты порою берешь.
Кто, как не полный гордыни, постигнув с утра,
Только к закату исполнил бы дело добра.

XI

Неба державного всепроникающий свет!
В жизни моей ни веселья, ни радости нет.
Вижу я, мрак омрачил тебя, точно во сне,
Болью болеет от этого сердце во мне.
Я поучал тебя, вновь повторяя слова,
С видом небрежным меня ты прослушал едва,
Не за того меня счел ты, кто учит людей,
А за того меня счел, кто другому злодей.
Если ж ты скажешь, что разумом сам не велик,—
Вспомни, что сам ты почтенный глубокий старик!

XII

Если ж и впрямь ты как малый ребенок теперь,
Древние истины я повествую, поверь!

Слушай и следуй отныне советам моим,
Горьким раскаяньем после не будешь томим.
Небо нам беды и скорби послало пока,
Гибель, скажу я, и этому царству близка.
Мне за примером не надо далеко идти:
Небо державное, знай, не блуждает в пути.
Кто ж исказил в себе доблесть врожденную, тот
Сам навлекает великую скорбь на народ!

ОДА БЕСЧЕСТНЫМ ПРАВИТЕЛЯМ

(III, III, 3)

I

Нежная в пышной листве шелковица,
Тень ее всюду под нею ложится.
Листья сорвали, и ствол засыхает:
Люди без тени под нею страдают.
Сердце болит непрестанной тоскою,
В скорби своей я не знаю покоя.
Вышнее небо, повсюду твой свет:
Разве ко мне сострадания нет?

II

Кони в четверках могучи, могучи,
Носятся сокол и змеи, как тучи,
Мира не стало, и смута родится,
К гибели каждое царство стремится.
Черноволосых в народе не встретишь.
Всюду лишь горе и пепел заметишь.
Горе! Печалью исполнен народ:
Царство опасной дорогой идет!

III

Царство идет к своей гибели скорой,
Небо оставило нас без опоры!
Даже пристанища нам не найти.

Как мы идем, по какому пути?
Коль благородные люди на деле
В сердце охоты к вражде не имели,
Кто ж породил бесконечное зло,
Что́ нас к несчастью теперь привело?

IV

Скорбное сердце тоскою изныло:
Вспомнил о доме и родине милой.
Видно, родился в недоброе время:
Вынес я гнева небесного бремя.
С дальнего запада шел на восток я:
Места найти, где б укрыться, не мог я,
Много страданий я видел — сильней
Боль испытал у родных рубежей.

V

Держишь советы, и сам ты на страже:
Слабеешь, а смута расширилась даже!
Правду скажу вам про ваши печали —
Если б к себе мудрецов приближали,
Кто же горячее взял бы рукою,
Не омочив его прежде водою?
Как же мы можем окончить добром,
Если все вместе в пучину идем?

VI

В дни, когда ветер навстречу немалый,
Так задыхается путник усталый...
Люди в народе есть доброго нрава,
Но говорят: «Мы не справимся, право!».
Вместе с народом и до утомленья
Любят пахать они вместо кормленья.
И лишь один земледельческий труд
Вместо «кормленья» и ценят и чтут.

VII

Небо нам смуты и смерти послало:
Царь наш лишен уже мощи бывалой.
Шлет оно вредных жуков, угрожая
Хлебные нивы лишить урожая.
Царство в великой печали и в горе:
Всё в запустенье окажется вскоре.
Выпрямить силы не стало хребет,
Взор обратить на синеющий свод!

VIII

Царь справедливость проявит — и вежды
Люди, очнувшись, поднимут с надеждой..
Планы задумавши,— пусть не однажды
Царь проследит за помощником каждым!
Если ж бессмысленно всех ты неволишь,
Правым считаешь себя одного лишь,
Прихоти следуешь только — и вот,
В ярость безумья приводишь народ!

IX

В сердце лесов ты увидишь: под сенью
Дружно стадами гуляют олени...
Здесь же друзья прекословят друг другу,
Доброе дело не ставят в заслугу!
Есть поговорка: куда ни пойдешь —
Взад ли, вперед ли — всё в ров попадешь!

X

Мудрого взгляду и мудрого речи
Сразу сто ли перейти — недалече;
Если же глупого взять для примера,
Рад он безумствовать всюду без меры...
Слово дрожит у меня на устах —
Вымолвить только мешает мне страх...

XI

Добрые люди нашлись бы, но сами
Их не зовут и не дарят чинами;
Тех же, чье жесткое сердце сурово,
Ценят всё более снова и снова.
Смуты народ полюбил наш и рад
Горький точить и губительный яд!

XII

Ветер великий своими путями
Бродит — пустыми, большими долами...
Коль человек добронравен — ужели
Добрым себя не окажет на деле?!
Кто же злонравен и дерзостен, тот
Темной и грязной дорогой идет.

XIII

Ветер великий пути свои любит...
Алчный — своих же товарищей губит.
Слушали б — знали бы правду мою;
Ныне ж, как пьяный, лишь песню пою.
Добрыми царь небрежет,— и от дум
Больше и больше мутится мой ум!

XIV

Ныне же, друг ты мой милый, ужели
Песню слагал я, не ведая цели?
Песня моя — точно дротик летящий,
Мелкую мошку порою разящий...
Шел я спасти тебя, песню пропев,—
Встретил в ответ лишь угрозу и гнев.

XV

То, что народ наш теряет пределы,—
Это — его совратителей дело! —

Зло причинять ему — входит в обычай,
Только, пожалуй, не сладить с добычей!
Те, кто народ наш с пути совратил,
Спорят над ним изо всех своих сил.

XVI

Будет народ успокоен нескоро,
Грабят народ наш жестокие воры.
«Это нельзя»,— говорят лицемеры,
Лгут за спиной и поносят без меры.
«Это не мы!» — Но ответите вы,
Песню про вас я слагаю, увы!

ОДА О ЗАСУХЕ

(III, III, 4)

I

Горела ярко звездная река,
Кружа, пересекала небосвод.
И царь сказал: «Увы мне, горе нам!
Чем ныне провинился наш народ?
Послало небо смуты нам и смерть,
И год за годом снова голод шлет.
Все духам я моленья возносил,
Жертв не жалея. Яшмы и нефрит
Истощены в казне. Иль голос мой
Неслышен стал, и небом я забыт?

II

А засуха ужасна и грозна,
И зной, скопясь, поднялся к небесам.
Я жертвы непрестанно возношу,
Переходя с мольбой из храма в храм.
Давно погребены мои дары
И небу, и земле, и всем богам,
Но Князь-Зерно помочь в беде не мог,
А царь небесный не снисходит к нам.
Чем видеть мор и гибель на земле,
Я кару принял бы за царство сам!

III

А засуха ужасна и грозна!
Ее не отвратить, и смерть кругом,
И страхом я и ужасом объят,
Как будто надо мной грохочет гром.
О царство Чжоу, где же твой народ?
Калек, и тех не остается в нем!
Небес великих вышний государь,
Ужель царя ты не оставишь в нем?
О предки, как нам в трепет не прийти? —
Не станет жертв пред вашим алтарем!

IV

А засуха ужасна и грозна!
Ее не угасить, и всё в огне,
И всё кругом покрыл палящий зной,
И места нет, куда б сокрыться мне.
Надежды нет, куда ни бросишь взор —
Судеб великих близится конец!
Я помощи не вижу от князей,
Издревле правивших в моей стране...
Ужель вы не жалеете меня,
Отец и мать, и предки в вышине?

V

А засуха ужасна и грозна!
Гора иссохла, и иссяк поток,
И всюду сеет пламя и пожар
Свирепый демон — засух грозный бог.
Изнемогает сердце от жары —
Как бы огонь больное сердце сжег!
Князья, что древле правили страной,
Не слышат нас (мой голос одинок).
Небес великих вышний государь,
О, если б я уйти в изгнанье мог!

VI

А засуха ужасна и грозна!
В смятеньи я — бежать мешает страх,
И засухой, не знаю сам за что,
Наказан я, и этот край исчах!
У стран земли моля обильный год,
Я жертвы в срок вознес на алтарях.
Небес великих вышний государь,
Ужель забыл ты о моих мольбах?
Пресветлых духов чтил я — не должны
Меня их гнев и ярость ввергнуть в прах.

VII

А засуха ужасна и грозна!
Все разбрелись кругом, ослаб закон,
В беде правители моей страны,
Советник царский скорбью поражен.
Начальник стражи нашего дворца,
И конюший, и кравчий — двух сторон
Вельможи — все спешат помочь, никто
Не говорит, что неспособен он...
Я взор подъял к великим небесам:
Ужель удел мой только боль и стон?

VIII

Я взор подъял к великим небесам —
Сверкают звезды, предвещая зной!
Мужи совета, доблести мужи,
Свершили всё под светлой вышиной.
Судеб великих близится конец —
Не оставляйте труд ваш!... Я иной
Удел у неба не себе ищу,
А вам, что правите моей страной.
Я взор подъял к великим небесам:
Да будет милость их и мир со мной!»

ОДА ШЭНЬСКОМУ КНЯЗЮ

(III, III, 5)

I

Горы святые высо́ки, вели́ки:
Са́мого неба достигли их пики.
Духа сошла с них священная тень,
Фу порождает он роды и Шэнь.
Шэнь поднялися и Фу и с тех пор
Стали для Чжоу на место опор,
Царств четырех они стали стеной,
Доблесть явили пред нашей страной!

II

Трудится Шэнь-князь, по царскому слову
Подвиги предков продо́лжить готовый.
Жалован в Се был столицею он,
Южным уделом,— в пример и закон.
Шаоский князь, отряженный царем,
Строит для Шэнь и столицу, и дом,
Юг устрояет: пребудут в веках
Подвиги Шэнь у потомства в руках!

III

Шэньского князя царь чтит приказаньем:
«Южным уделам служить назиданьем;
И чтобы жители Сеской земли
Город и крепость тебе возвели».

Шао велел царь, чтоб подати все
С Шэньских земель собиралися в Се.
Домоправителю велено вдруг
В Се перевесть домочадцев и слуг.

IV

В Се началися для князя работы,
Князю из Шао тут было заботы.
Прежде воздвиг он вкруг города вал,
Храм и с пристройками после создàл;
Храм тот пространно построенный был.
Шаньскому князю наш царь подарил
Сильных-пресильных четыре коня,
Бляхи сверкают их ярче огня.

V

Царь отправляет его из столицы
В царской с четверкой коней колеснице.
«Думал о доме твоем, не нашли
Места, достойнее южной земли.
Яшмовый жезл я тебе подарю —
Знак драгоценный, что служишь царю.
Дядя царя своего ты, иди
Южные наши владенья блюди!»

VI

Вот шэньский князь отправляется, следом
В Мэй его царь угощает обедом.
Шэньскому князю на юг повернуть
Надо, он в Се направляет свой путь.
Князю из Шао приказано: все
Были бы подати собраны в Се,
Чтобы в закромах копилось зерно,
Князю в пути пригодится оно!

VII

Шэньский наш князь так воинственно, смело
В Се приезжает, и свита поспела;
Тьма колесниц, и спешит пешеход.
В царстве великом ликует народ:
«Добрый оплот ныне будет и щит!
Шэньский наш князь разве не знаменит?!
Дядя старейший царя! Наконец,
Будет для власти живой образец!»

VIII

Шэньский наш князь трех достоинств радетель:
Мягкий, прямой он, для всех благодетель.
Он успокоил уделы страны,
Славою князя все царства полны.
Цзи-фу сложил эту песню о нем,
Стих этот сложен с большим мастерством,
Следуют звуки в согласии их.
Шэньскому князю дарю я свой стих.

ОДА ЦАРСКОМУ НАСТАВНИКУ ЧЖУН ШАНЬ-ФУ

(III, III, 6)

I

Небо, рождая на свет человеческий род,
Тело и правило жизни всем людям дает.
Люди, храня этот вечный закон, хороши,
Любят и ценят прекрасную доблесть души.
Небо, державно взирая на чжоуский дом,
Землю внизу осветило горящим лучом,
И, чтобы сына небес не коснулося зло,
Небо в защиту ему Чжун Шань-фу родило.

II

Доблестью духа был наш Чжун Шань-фу одарен,
Мягок, прекрасен, всегда почитал он закон,
Видом достойный и всем выраженьем лица,
Был осторожен, внимателен был до конца.
Древних реченья, как правила жизни, любил,
Вид величавый блюдя изо всех своих сил.
Сыну небес был послушен всегда и не раз
Всем возвещал он царский пресветлый приказ.

III

Царь говорит: «Чжун Шань-фу, повеленью внемли:
Будь ты примером властителям нашей земли,
Предков своих продолжая заслуги и путь,
Царской особе ты телохранителем будь.

Царскую волю вещая и всюду творя,
Будешь ты сам языком и устами царя!
Наши решенья везде быть известны должны,
Их да исполнят четыре предела страны!»

IV

Важными, важными были приказы царя:
Чжун исполняет их, царскую волю творя.
Был ли послушен иль был непокорен удел —
Светлым умом Чжун Шань-фу это всё разумел.
Разума ясность и мудрость ему помогла
И самому оградиться от всякого зла.
Отдыха он не имеет ни в утро ни в ночь,
Чтоб одному человеку в правленьи помочь.

V

Мягкий кусочек легко принимают уста,
Твердый кусочек они изблюют изо рта —
Тоже сложил поговорку такую народ.
Но Чжун Шань-фу человек был, однако, не тот:
Мягкий кусочек его не глотали уста,
Твердый кусок не выплевывал он изо рта —
Не угнетал, как другие, он сирых и вдов,
Сильных отпора не труся, был с ними суров!

VI

Доблесть души человека легка, точно пух,
Редкий поднять ее только найдет в себе дух —
Тоже сложил поговорку такую народ.
Я поразмыслил, подумал над нею, и вот,
Только один Чжун Шань-фу и поднять ее мог,
Я, хоть люблю его, в этом ему не помог.
Царское платье с изъяном бывает, не зря
Лишь Чжун Шань-фу не боится поправить царя.

VII

Жертву приносит Чжун духам дороги: на ней
Крепких из крепких четверка могучих коней.
Быстрые, быстрые люди собрались в поход:
Думает каждый из них лишь, что он не дойдет.
Мощные, мощные кони четверкою в ряд,
Восемь на них колокольчиков звоном звенят.
Царь повеление дал Чжун Шань-фу, чтобы в срок
Крепость построить, он ехал теперь на восток.

VIII

Сильными, сильными были четыре коня,
Восемь бубенчиков брякают, звоном звеня:
В княжество Ци Чжун Шань-фу отправляется мой
О, поскорей, поскорей возвращайся домой!
Цзи-фу хотел бы, тебе эту песню сложив,
Нежную песню, как чистого ветра порыв,
Чтоб, Чжун Шань-фу, среди долгих раздумий твоих,
Сердца коснувшись, печали утешил мой стих.

ОДА ХАНЬСКОМУ КНЯЗЮ

(III, III, 7)

I

Мощные, мощные Лянские горы,
Юй лишь один их измерил просторы.
Ханьский наш князь на великом пути,
Должен к царю за указом идти.
Княжеский жезл царь вручает и званье:
«Дабы продолжил ты предков деянья.
Долг не нарушив пред нами, о князь,
Утром и ночью трудись, не ленясь.
Если ты долг свой исполнишь исправно,
Мы не изменим указ наш державный.
Дань ко двору не несущих смиря,
Будешь помощником верным царя».

II

Кони в четверке прекрасны и ровны,
Длинны тела их и ростом огромны.
Ханьский наш князь к государю спешит,
С ним его скипетр — чистый нефрит.
Принят был князь государем, потом
Сделаны были подарки царем:
Знамя узорное с перьями птицы,
Верх и резное ярмо к колеснице,
В сбруе чеканные пряжки горят,

Алые туфли и черный халат,
Тут же тигровая шкура лежала,
Вожжи из кожи с кольцом из металла.

III

Жертву приносит всех путников богу
Князь этот ханьский, пускаясь в дорогу.
В Ту ночевал князь, и там для него
Сянь-фу готовил уже торжество.
С чистым вином сто кувшинов могли бы
Всех напоить, черепахи и рыбы,
И для приправы к ним поданы лишь
В нежных побегах бамбук и камыш.
Был он одарен, пред тем как проститься,
Царской упряжкой с большой колесницей.
Блюд было множество там, на пиру
Были князья, что пришли ко двору.

IV

Князь избирает супругой желанной
Дочку сестры государя Фэнь-вана,
Гуй-фу, советника царского, дочь.
Ханьский наш князь, чтобы делу помочь
К Гуй-фу поехал за девою тою:
Сто колесниц — красота красотою,
Восемь бубенчиков звоном звенят —
Блеск этот разве не радует взгляд?
Вышла невеста и с нею сестрицы —
Словно как туча по небу стремится;
Ханьский наш князь оглядел их в упор —
Словно бы блеском наполнился двор!

V

Гуй-фу с великой отвагою, смело
Все объезжает на свете уделы,

И не находит для Хань-цзи своей
Ханьского славного царства милей.
В Ханьской земле этой радуют взоры
Реки большие, большие озера,
Жи́рны здесь окуни, жи́рны лещи,
Ланей хоть сколько угодно ищи,
Тут и медведи — большой есть и малый,
Диких котов здесь и тигров достало.
Доброму месту был Гуй-фу наш рад:
Будет для Хань-цзи премного услад.

VI

Ханьский был город велик и достоин,
Некогда яньским народом построен.
Предкам указ был торжественно дан:
Править народами варварских стран.
Снова обласкан был князь государем:
Чжуй ему дарим и Мо ему дарим.
Севера земли преемствуя, он
Станет главой для окрестных племен.
Стены да строит со рвами и башни,
Пусть собирает он подати с пашни,
В дань представляя, другим не в пример,
Бурых медведей и рыжих пантер.

ОДА ШАОСКОМУ КНЯЗЮ ХУ

(III, III, 8)

I

В Цзяне и Хань высока, высока вода...
Мощным потоком, солдаты, спешим сюда.
Отдых неведом нам вовсе и чужд покой:
Ищем мы варваров там, за Хуай рекой.
Вышли уже колесницы у нас в поход,
С соколом знамя расшитое вновь встает.
Ни отдохнуть не могу, ни замедлить шаг:
Стройное войско сразится и дикий враг.

II

Воды и в Хань, и в Цзяне кипят, кипят...
Грозный из грозных вид у моих солдат!
И, успокоив пределы своей страны,
Мы известить о победе царя должны.
«Мирны теперь пределы твоей земли,
Царским владеньям твердый оплот нашли».
Нынче у нас надолго окончен спор...
В сердце царя нисходит покой с тех пор.

III

...Там возле Хань и Цзяна, где рать у нас,
Вновь Шао Ху получает царя приказ:
«Наши расширить земли мы слали рать,

Здесь, на границах, по́дать с земли собрать.
Мы не тесним с обидою наш народ,
Пусть, как у нас,— и всюду налог идет!
Земли межуйте, делите поля скорей,
Так поступайте, делите поля скорей,
Так поступайте до самых южных морей!

IV

Вновь Шао Ху получает приказ царя:
«Так поступайте всюду, указ творя.
В дни, когда Просвещенный престол снискал,
Шаоский князь для Чжоу опорой стал.
Нас ты теперь дитятей считать забудь!
Шаоский князь, ты предку подобен будь.
Славны твои заслуги, и по трудам
Счастьем великим ныне тебе воздам!

V

Дам я скипетр из яшмы и кубок в нем,
Для возлияний предкам кувшин с вином.
В храме, где Просвещенный,— его спросив,—
Много я дам тебе горя, земель и нив!
Ныне от Чжоу получишь мой указ,
Примешь, как предок Шао, свой сан от нас».
Ху поклонился в землю, сказав в ответ:
«Царь да живет наш вечно тысячи лет!».

VI

Ху поклонился в землю, обряд творя
И восхваляя милость и дар царя.
Запечатлел князь Шао свои дела —
Тысячи лет сыну неба, царю — хвала!
Светлый-пресветлый принял владыка вид,
Добрая слава о нем без конца гремит,
Доблести дух высокий он нам несет,
Благом исполнив царства и свой народ!

ОДА ПОДВИГАМ ЦАРЯ СЮАНЬ-ВАНА

(III, III, 9)

I

Грозный из грозных и светлый-пресветлый у нас
Царь Сюань-ван!— Он советнику отдал приказ —
То Хуан-фу, достославного Нань-чжуна внук,
Царского дома великий наставник и друг.
«В строй расположишь ты ныне шесть ратей моих.
Наше оружье сперва приготовив для них,
С должной опаской (дабы не узнали враги)
Южным уделам скорее в беде помоги».

II

Инь-господину наш царь говорит, торопясь:
«Сю-фу, приказ напиши, чтобы чэнский тот князь
Войско и справа и слева расставил в ряды,
Рати свои остерег бы в пути от беды.
Следуя вдоль по Хуай, по ее берегам,
Сюйские земли, как надо, разведал бы сам;
Чтобы не ставил солдат, не держал их в пути,
Дабы три рода работ продолжали идти».

III

Грозный из грозных, великий, великий был царь —
Полный величия, истинный наш государь!
Рати царя, мы неспешно, спокойно идем,

В ком не сжимаясь и не разбредаясь кругом.
Сюйскую землю тревога объемлет — и вот,
Страхом объятый трепещет весь сюйский народ,
В молниях будто, обрушился грома раскат,
Сюйский народ весь трепещет — он страхом объят!

IV

Наш государь проявил свой воинственный пыл:
Весь встрепенулся — так гнев его яростен был.
Двинул он воинов, храбрых, как тигры, вперед,
Тигру подобный, что в ярости гневной ревет!
Густо отряды усеяли берег реки,
Пленных хватают — их толпы уже велики.
В добром порядке отныне Хуай берега,
Царские рати здесь встали на место врага.

V

Царские рати спешат за отрядом отряд —
Словно на крыльях, вперед устремляясь, летят,
Точно как Цзян и как Хань, велики́ и быстры́,
Несокрушимые, будто подножье горы,
Будто струит свои воды могучий поток!
Строй их порвать и нарушить никто бы не мог.
Неизмеримы и непобедимы никем! —
Сюйское царство они покорили совсем.

VI

Были стремленья царя и честны и ясны —
Вот и склонился народ этой Сюйской страны.
Сюйские земли едины становятся вдруг —
Это плоды государевых были заслуг!
Мирны уже все четыре предела с тех пор;
Сюйские люди теперь посещают наш двор.
Сюйские страны уже не изменят свой путь!
Царь приказал по домам наши рати вернуть.

ЦАРЮ Ю-ВАНУ

(III, III, 10)

I

Я взор подъемлю к небесам,
Но нет в них сожаленья к нам.
Давно уже покоя нет,
И непосильно бремя бед!
Где родины моей оплот?
Мы страждем, гибнет наш народ:
Как червь, его грызете вы,
Мученьям нет конца, увы!
Законов сеть и день, и ночь
Ждет жертв — и нечем им помочь!

II

Имел сосед твой много нив —
Но ты их отнял, захватив;
Другой имел людей и слуг —
Ты силой их похитил вдруг;
Кто был безвинен, чист и прав,
Того схватил ты, в узы взяв;
А кто и впрямь закон попрал,
Того простил и обласкал.

III

Мужчина град возвел — умен,
Да женщиной разрушен он!

В жене прекрасной есть, увы,
Коварство злобное совы.
Коль с длинным языком жена,
Все беды к нам влечет она.
Не в небесах источник смут,
А в женщине причина тут.
Ни поучений, ни бесед
Для евнухов и женщин нет.

IV

Пред ложью жен молчат мужи:
Лгут, отрекаяся от лжи!
Как скажешь: «Вам преграды нет!»,—
«Что ж тут плохого?»,— их ответ.
Как благородным на базар
Сбывать за три цены товар,—
Так не к лицу жене твоей
Оставить кросна и червей!

V

Зачем же неба грозный глас
И духи — благ лишили нас?
Презрев набеги диких орд,
Ты лишь со мной гневлив и горд,
Перед несчастьем не скорбя!
И нет величья у тебя,
И верных нет людей — и вот,
Всё царство к гибели идет!

VI

Нам небо ныне беды шлет:
Увы, уж им потерян счет.
Нет праведных людей в стране —
Скорбь раздирает сердце мне.
А небеса нам беды шлют,

Они близки, они грядут.
Нет, нет людей, день ото дня
Печальней сердце у меня!

VII

Коль бьет и брыжжет водный ток —
Тогда исток его глубок.
Коль в сердце горечь так сильна —
Сейчас ли началась она?
Зачем пришел не раньше нас,
Не позже этот скорбный час?
О небо! Так ли сильно зло,
Чтоб ты исправить не могло?!
На предков стыд не навлекай —
Своих потомков, царь, спасай!

ОДА БЕСЧЕСТНЫМ СОВЕТНИКАМ ЦАРЯ

(III, III, 11)

I

Небо благое взъярилось и гнева полнó —
Щедро нам смерти теперь посылает оно,
Нас удручая, послало нам голод и мор.
Весь наш народ, погибая, разбрелся кругом,
В царстве до самых границ запустенье с тех пор.

II

Карами небо как неводом нас облекло!
Черви, грызущие нивы! Вы сеете зло.
Долга не помня, и мрак и насилье творя,
Злые смутьяны, вы призваны править страной,
Нашу страну успокоить, по воле царя!

III

Горды-прегорды, клевещут, клевещут на всех —
Царь и не знает, каков их губительный грех!
Мы же, хоть совесть имеем,— томителен страх...
Очень давно мы покоя совсем лишены:
Нас понижают, однако, все время в чинах.

IV

Это подобно тому, как в засушливый год
Пышно-зеленой трава никогда не растет;

В птичьем гнезде засыхает цветок водяной...
Как посмотрю я на нашу родную страну —
Смуты повсюду, повсюду над этой страной!

V

Были богаты мы в древние те времена...
Что же, богата,— но только несчастьем страна!
Горя такого, как ныне скопилося в ней,
Горя такого еще не бывало сильней!
Вы — будто в рисе отборном плохое зерно! —
Сами от службы зачем не откажетесь вы,
Чтобы не длилось несчастье, не крепло оно?

VI

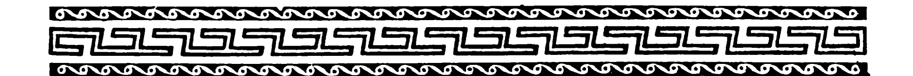
Если иссохнет вода, наполнявшая пруд,
Не говорят ли, что берег причиною тут?
Если источник живой высыхает — тогда
Не говорят ли, что в нем иссякает вода?
Ширится этот от вас истекающий вред,
Горе растет — и беда за бедою вослед!
Разве я сам не страдаю от тяжести бед?

VII

В дни, когда Чжоу престол приняла, воцарясь,
Люди такие бывали, как шаоский князь:
За день тогда возрастала земля на сто ли,—
Ныне же за день по скольку теряем земли?
Тоже сто ли ежедневно теряет страна.
Горе нам, горе! Какие пришли времена!
Или среди появившихся ныне на свет
Древним подобных людей на земле нашей нет?

ГИМНЫ

I

ГИМНЫ ДОМА ЧЖОУ

В ХРАМЕ

(IV, I, 1)

О этот храм величественный и чистый!
Помощники светлые в полном согласьи, почтенья исполнясь,
И множество служек тóлпами, тóлпами к храму явившись,
Доблесть царя Просвещенного ныне храня
И отвечая ему, отошедшему в небо,—
Быстро большими шагами шествуют в храм.
Не светел ли он, не чтится ли вечно?!
И люди ему не наскучат!

ГИМН ЦАРЮ ПРОСВЕЩЕННОМУ

(IV, I, 2)

Неба веленья и путь
Сколь в тайне своей бесконечны!
Разве не блещет в чистом единстве своем
Царя Просвещенного доблесть?!

Если же снидут на нас великие милости неба,
Мы их приемлем! Царю Просвещенному, нашему предку,
Будем из всех наших сил подражать;
Отдаленные наши потомки к тому же да будут стремиться
усердно.

ГИМН ЗАКОНАМ
ЦАРЯ ПРОСВЕЩЕННОГО

(IV, I, 3)

Ясны законы царя Просвещенного,
Вечно да будут блистать!
С времени первого жертвоприношенья доныне
Дали они совершенство стране,
Счастье для Чжоу.

ВЫ, КНЯЗЬЯ ПРОСВЕЩЕННЫЕ

(IV, I, 4)

Вы, князья просвещенные, славные, нас одарили
Благом и счастьем вот этим —
Милостью этою к нам бесконечной.
Дети и внуки пусть вечно ее сохраняют!

Не вымогали и не расточали вы в княжествах ваших!
Мы, наш владыка, вам почести жалуем ныне за это,
Помня о ваших вот этих высоких заслугах.
Ваши потомки, наследуя, их увеличат!

В мире ничто не бывает сильней человека:
Царства природы учиться к нему прибегают.
Нет и светлей ничего, чем душевная доблесть,—
Сотни владык подражают ей вечно.
Прежние наши цари да не будут забыты!

ГИМН ТАЙ-ВАНУ И ВЭНЬ-ВАНУ

(IV, I, 5)

Создало небо высокую гору.
Земли вокруг нее — предок Тай-ван обработал,
Дело нача́вши.
Царь наш, Вэнь-ван, в мире страну успокоил.
Были обрывисты горы — однако
Ровные к Циской горе протянулись дороги!
Дети и внуки их да сохраняют!

ГИМН ЦАРЮ ЧЭН-ВАНУ

(IV, I, 6)

Небо великое определило волю свою возложить:
Два государя приняли небесную волю.
Царь наш Чэн-ван, в покое остаться не смея,
С утра и до ночи волю небес укреплял, умудренный
и мирный,
Светлую славу отцов он продолжил,
Все сердце свое отдавая державе
И ей покой обеспечив.

ГИМН ВЕРХОВНОМУ ВЛАДЫКЕ НЕБА И ЦАРЮ ПРОСВЕЩЕННОМУ

(IV, I, 7)

В жертву, как дар, принесли мы овцу и быка.
Неба владыка! Направо от них снизойди —
На почетное место!

Приняв их за правило,— следуем и подражаем законам
царя Просвещенного,
Царства четыре предела вседневно покоя.
Он, одаривший нас благом, царь Просвещенный,
Направо — на месте почетном — радостно жертву приемлет.

Мы утром и ночью
Чтим благоговейно величие неба,
Навечно дары его сохраняя.

ГИМН ЦАРЮ ВОИНСТВЕННОМУ

(IV, I, 8)

Мы в должное время объехали княжества наши.
Небо благое нас сыном признало своим.

Небо поставило Чжоу на месте почетном, преемственность дав,
И немного мы всех всколебали князей —
Так всколебали, что каждый затрясся от страха!
Духов же светлых мы всех смягчили, к себе привлекая,
Также и духов рек и священных обрывистых гор.
Истинно стали царем и державным владыкой!

Светлая в блеске своем стала преславною Чжоу.
Мы по закону на должности ставим советников наших;
Копья, а также щиты повелели собрать,
Луки и стрелы вложить обратно в колчаны.
К доблести мудрой мы тогда устремились,
Распространяя ее по древнему Ся.
Истинный царь,— мы будем все это хранить!

ГИМН ЦАРЯМ У-ВАНУ, ЧЭН-ВАНУ И КАН-ВАНУ

(IV, I, 9)

Силой и мощью владеет наш предок У-ван:
В славе заслуг с ним поспорить никто бы не мог.
Разве не светлы цари и Чэн-ван, и Кан-ван?!
Был им престол их верховным владыкою дан.

Только Чэн-ван и Кан-ван — эти оба царя
Царства четыре приемлют, так ярко горя,
Светлый их свет разливается, все озаря!

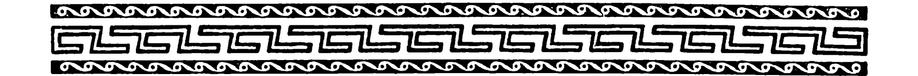
Бьют в барабаны и колокол в лад они, в лад;
Цины с гуанем в согласьи звучат и звучат.
Небо послало нам много обильных наград.

Небо нам счастье огромным-огромное шлет,
В нашей осанке торжественный виден почет.
Вот и упились вином и отведали яств.
Счастье и радость великие небо нам шлет.

ГИМН ГОСУДАРЮ-ЗЕРНО

(IV, I, 10)

О просвещенный Зерно-Государь!
Смогший быть небу подобным,
Зерном одарил ты народ наш.
Такого, чего не достиг бы ты,— нет ничего!
Нам подарил ты ячмень и пшеницу,
По повеленью владыки небес, всюду народ наш питая.
Не зная границ и пределов,
Всюду по древнему Ся вечные распространил ты законы!

II

ГИМНЫ ДОМА ЧЖОУ

ПОВЕЛЕНИЕ ЦАРЯ СОВЕТНИКАМ, ВЕДАЮЩИМ ПОЛЕВЫМИ РАБОТАМИ

(IV, II, 1)

О вы, советники наши и слуги,
Ревностны будьте, свой долг исполняя!
Царь дал вам правила эти,
Чтобы над ними размыслить вам и подумать.
О вы — надсмотрщики пашен!
Конец весны наступает.
К чему еще нам стремиться? —
Как обработать новые пашни?
О, сколь прекрасны ячмень и пшеница!
Мы соберем этот светлый дар неба.
Светлый, в блеске своем, верховный владыка
Ныне подаст нам год изобильный.
Прикажите всем нашим людям:
Лопаты с мотыгами пусть приготовят.
Скоро увидим: серпы срезают нам жатву!

ПОВЕЛЕНИЕ ЦАРЯ НАДСМОТРЩИКАМ ЗА ПОЛЕВЫМИ РАБОТАМИ

(IV, II, 2)

О, государь наш, покойный Чэн-ван,
В блеске своем присутствует с вами.
Ведите своих земледельцев
Сеять различные виды хлебов.
Личные пашни свои да возделают ныне усердно
На протяжении всех тридцати ли.
Пусть будут на пашне прилежны,
Чтобы стократную жатву собрать на каждую
дружную пару!

ПРИВЕТСТВИЕ ГОСТЯМ

(IV, II, 3)

Мы любовались над западным озером, как
Стаей над водами белые цапли летят.
Гости явились к нам ныне, и думаем мы:
Точно у цапель, прекрасен их вид и наряд.

Гнева и там да не будет на них и стыда,
Здесь не наскучат они никому никогда.
Мы бы желали, чтоб ночи и дни им была
Вечной за это высокая честь и хвала.

БЛАГОДАРЕНИЕ ЗА УРОЖАЙ

(IV, II, 4)

Риса довольно и много теперь ячменя
В год урожайный — и полон высокий амбар!
Мер мириад мириады зерна у меня.
Сварим хмельное мы и молодое вино:
В жертву да будет всем дедам и бабкам оно.
Все мы исполним обряды — в избытке зерно!
Счастье великое будет нам небом дано.

СЛЕПЫЕ ЯВИЛИСЬ

(IV, II, 5)

Слепые явились, слепые явились
На чжоуский храмовый двор!

Гребень зубчатый ставят на пару опор,
Зубья и перья цветные нам радуют взор,
Вешают малый, а с ним и большой барабан,
Чжу деревянный и юй, цинов звонкий набор.
Музыка на́чалась: вот ударяют в тимпан,
Флейта с гуанем в общий вплетаются хор.

Звуки раздались торжественно, в лад они, в лад —
С должною важностью стройные звуки звучат.
Слушают музыку предки: приятна она!
Гости, что ныне явились к нам ко двору,
Долго внимают звучанью: их радость сильна!

ГИМН ПРИ ПРИНЕСЕНИИ В ЖЕРТВУ РЫБ

(IV, II, 6)

В Цюй, как и в Ци, в каждой этой реке
Рыбы помногу бывает в садке.
Жирная стерлядь плывет с осетром.
Карпы, угри и голавль с лещом.
В дар мы приносим их предкам своим —
Счастье великое снидет в наш дом!

ГИМН УСОПШИМ РОДИТЕЛЯМ ЦАРЯ

(IV, II, 7)

В полном согласьи явились к нам ныне друзья,
Ныне пришли вы, почтительность важную нам показав,
Здесь помогают в служении предку князья.
Ныне сын неба и царь величав, величав.

В жертву приносят большого быка, наконец,
Нам помогают дары разложить... Господин,
О наш усопший великий, державный отец!
Будет тобой успокоен почтительный сын.

Ты, человек проницательной мудрости сам,
Царь Просвещенный, ты был и отважен и смел!
Радость и мир ты державным принес небесам,
В славе своей возвеличить потомство сумел.

Дай долголетье до белых бровей, без конца,
Пусть наше счастье великое также растет!
Ныне почет воздавая заслугам отца,
Матери мудрой мы также окажем почет.

БЛАГОДАРЕНИЕ КНЯЗЬЯМ, ПРИНИМАВШИМ УЧАСТИЕ В ЦАРСКОМ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИИ

(IV, II, 8)

Ныне князья предстают пред царем, говоря:
Ищем законы свои утвердить у царя.
Вижу: знамена с драконами так и горят,
В сбруе коней колокольчики звоном звенят.
Кольцами звонко бряцают в упряжке ремни:
В блеске прекрасном и светлом явились они.

В храм пред таблицу усопшего их привели,
Сами сыновнепочтительно дар принесли.

К нам долголетье до белых бровей снизойдет,
Многое-множество будет прекрасных щедрот,
Вечно их будем хранить, мы обязаны вам,
Славным заслугами и просвещенным князьям,
Тем, что благами обильно осыпан наш дом.
Блеск их продолжим навек в чистом счастье своем!

ПРИЕМ ДОРОГОГО ГОСТЯ

(IV, II, 9)

Гость к нам явился, гость к нам явился:
Белые кони его!
Полны почтенья,— яшме точеной
Люди подобны из свиты его.

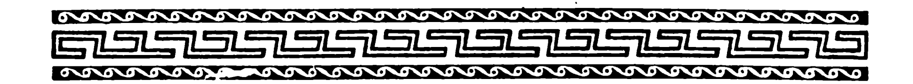
Гость к нам явился — он только ночует;
Гость к нам явился — он будет две ночи.
Дать ему надо побольше веревок,
Чтобы коней он своих привязал.

Ах, уезжает! Его мы проводим —
Будет обласкан со всех он сторон.
Он удостоен почета большого,
Счастье нисходит так просто к нему!

ГИМН ЦАРЮ ВОИНСТВЕННОМУ

(IV. II. 10)

О державный Воинственный царь,
Равных нет преславным твоим деяньям!
Царь Просвещенный воистину был просвещенным:
Смог он подвиг начать, что завершили потомки;
Ты же, Воинственный царь, наследуя, принял его,
Инь победил, прекращая повсюду убийства,—
Тем утвердил ты свой подвиг.

III

ГИМНЫ ДОМА ЧЖОУ

ГИМН УСОПШЕМУ ОТЦУ

(IV, III, 1)

Я, исполненный горя, как малый ребенок,
Принял дом наш, а он неустроен; один
Сирота-сиротою в глубокой печали.
О усопший отец мой и наш господин,
Ты всегда был и будешь почтительный сын.

В мыслях ты, о державный, преславный наш предок,—
Воспаришь ты и снидешь на храмовый двор!
Только сам я теперь, словно малый ребенок,
Дни и ночи чтить буду тебя с этих пор.

Нет забвения предкам державным моим! —
Мы, наследуя предкам, их труд завершим!

ГИМН УСОПШЕМУ ОТЦУ

(IV, III, 2)

Посовещавшись, свое начинаем правленье.
Следовать будем отцу, чья таблица на озаренной стене.
Ах, далеко, далеко он ушел!
Нам весь его путь не закончить,
Мы бы хотели приблизиться только к нему:
Путь продолжая, еще от него отклонимся!
Мы подобны теперь малому только дитяти:
Трудностей много у нас — нет еще сил побороть.
Но духи всегда во дворе, поднимаясь и вновь опускаясь,
То воспарят они ввысь, то вновь в этот дом снизойдут.
Знаем: в своей доброте державный отец наш усопший
Нас сохранит навсегда и светом своим просветит.

ОБРАЩЕНИЕ ЦАРЯ К СОВЕТНИКАМ

(IV, III, 3)

Будьте вниманья, будьте почтенья полны:
Небо нам свет свой являет теперь с вышины!
Волю и милость его сохранить нелегко.
Не говорите: оно высоко́, высоко́.
С высей всегда снисходя, оно около нас —
Наши деянья зрит проникающий глаз!

Мы, как дитя, что недавно явилось на свет,—
Силы ума и усердия в нас еще нет.
Но, поучаясь, вседневно идем мы вперед:
Путь наш яснеет — он к яркому блеску ведет.
Тяжесть умерьте для нас, что на плечи легла,
И покажите нам доблести светлой дела.

ПОУЧЕНИЕ ЦАРЯ

(IV, III, 4)

Опыт нас учит стараться, чтоб всякое зло
В будущем горьких забот причинить не могло.
Мы никогда не тревожили ос или пчел,
Чтоб не навлечь на себя ядовитый укол.
Был поначалу на персике слабый птенец,
Порх! Улетел он и хищником стал, наконец.
Трудностей всех побороть не смогли мы, увы!
Вот и сидим, как среди ядовитой травы.

УРОЖАЙ

(IV, III, 5)

I

Прежде сгоняют траву и корчуются пни,
Землю кругом раздробят и распашут они.

II

Тысячи пар на прополку явилися вдруг;
С пашен траву вырывают, с обочин вокруг.

III

Вместе с отцами тут старшие их сыновья,
Средние братья и вся остальная семья,
Тут и чужие на помощь сегодня пришли.
Громко жуют они: жены обед принесли.
Мужу милее становится ныне жена,
Мужа сильнее сегодня полюбит она.
Сохи наточат, чтоб каждая стала остра:
Ныне за южные пашни приняться пора.

IV

Всякого хлеба посеется ныне зерно,
Жизни зародыш в себе заключает оно.

V

Пышные, пышные всходы взошли из земли;
Вдоволь набравшие соков — всех выше росли.

VI

Каждый росток теперь землю сосет и сосет.
Всходы пропалывать вышел рядами народ.

VII

То́лпами, то́лпами вышли жнецы на поля,
Грудами хлеба покрылась повсюду земля.
Груд мириад-мириады! Скопилось зерно —
Будет и крепкое, и молодое вино.
Жертвами дедов и бабок своих одарят:
Хватит вина, чтобы выполнить каждый обряд

VIII

Запах приятный исходит у нас от вина,
Этим прославлена издавна наша страна.
С перцем вино аромат источает такой,
Что старики обретают в нем мир и покой.

IX

Это не только у нас урожай, как у нас,
Это не только сей год — изобильнейший год:
С древности самой глубокой так это идет.

БЛАГОДАРЕНИЕ ЗА УРОЖАЙ

(IV, III, 6)

I

Соху наточим — она и добра и остра:
Ныне на южные пашни сбираться пора.

II

Всякого хлеба посеется ныне зерно,
Жизни зародыш в себе заключает оно.

III

Вас повидать мы на южные пашни придем,
Круглых корзин и прямых мы с собой принесем,
Мы вас накормим сегодня отборным пшеном.

IV

Вот бамбуковые шапки в движенье пришли,
Вот их мотыги врезаются в землю, в пыли,—
Горькие травы повыдерут все из земли.

V

Горькие травы погнили на месте — и вот,
Просо метелками пышно и буйно растет.

VI

Режут и режут серпами они заодно,
В плотные, плотные груды ссыпают зерно;

В груды высокие, как крепостная стена,
Гребню густому как будто подобна она.
Двери раскрыты у сотен домов для зерна.

VII

Полными хлеба стали в селеньи дома:
Дети ликуют, ликует хозяйка сама!

VIII

Ныне зарежем мы с черною мордой быка,
Кривы рога его будут и рыжи бока;
В жертву, как прежде бывало, его принесем,
Нашим отцам подражая всегда и во всем.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЮ

(IV, III, 7)

Шелк их одежд чистотою достойной блистал,
Шапки одели, как должно, почтенья полны;
Входят они в переходы из храмовых зал.
После овец осмотрели, как надо, быков...
В малые смотрят, а также в большие котлы,
Кубки поставили из носорожьих рогов.
Доброго, мягкого вкусом налили вина.
Тихо: ни крика, в манерах надменности нет.
Будет в награду им долгая старость дана.

О, КАК ПРЕКРАСНЫ БЫЛИ РАТИ

(IV, III, 8)

О, как прекрасны были рати царя!
Он соответственно их воспитал — времена были темные,
Вот в чистом блеске время настало,
И вот одевает он латы из кожи большие.
Мы по милости неба приняли это
Отважным, отважным царем совершенное дело.
    И, чтобы его продолжать,
Воистину искренно мы подражаем деяньям твоим.

ГИМН ЦАРЮ ВОИНСТВЕННОМУ

(IV, III, 9)

В мире покоятся тысячи царств,
Часто бывает год изобильный:
Небо волю свою не отрешило от нас.
Отважный, отважный Воинственный царь,
Воинов своих сохранил ты;
Поставив их по четырем рубежам страны,
Смог укрепить ты свой дом.
Сколь ты блистаешь на небе,
Наш государь, сменивший иньских царей!

ГИМН ЦАРЮ ПРОСВЕЩЕННОМУ

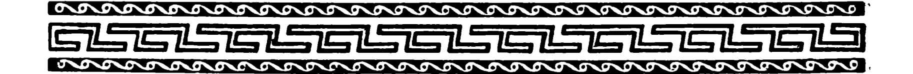
(IV, III, 10)

Царь Просвещенный прославлен своими трудами.
Эти труды, как и должно, приемлются нами;
Мы их продолжим везде, поучаясь и помня.
Царству идем мы отныне искать укрепленья,
Волею Чжоу свои получая владенья,
Этим трудам всегда поучаясь, их помня.

О ДЕРЖАВНЫЙ ДОМ ЧЖОУ

(IV, III, 11)

О державный дом Чжоу!
Мы перешли высокие горы,
Узкие эти хребты и священные пики крутые;
Следуя Желтой реке, теперь успокоенной,
Повсюду в стране Поднебесной
Всех собрали, ответили всем.
Такова воля Чжоу.

IV

ГИМНЫ КНЯЗЕЙ ЛУ

МОЩНЫЕ БЫЛИ У НАС СКАКУНЫ

(IV, IV, 1)

I

Мощные, рослые были у нас скакуны
В диких степях, там, где наши границы видны,
Мощные там у границы паслись скакуны.
Черные лошади с белым на бедрах пятном,
Серые, желтые и вороные паслись:
С топотом мчат колесницу, и слышится гром.
Кони такие не знают предела,— и что ж?
Только подумал о конях — и каждый хорош!

II

Мощные, рослые были у нас скакуны
В диких степях, там, где наши границы видны,
Мощные там у границы паслись скакуны.
Белые с желтым есть кони и серые есть,
Есть красно-рыжие кони и черные есть:
Мчат колесницу они и добры и сильны.
Скачут без срока и устали кони — легки.
Только подумал о конях — а кони крепки.

III

Мощные, рослые были у нас скакуны
В диких степях, там, где наши границы видны,
Мощные там у границы паслись скакуны.
Как в чешуе, в черно-синий окрашены цвет,
Рыжие, белые с черными гривами есть:
Мчат колесницу они — точно у́стали нет.
Верно, усталость уж этих коней не берет!
Только подумал — и кони рванулись вперед.

IV

Мощные, рослые были у нас скакуны
В диких степях, там, где наши границы видны,
Мощные там у границы паслись скакуны.
Серые кони и пегие кони, взгляни:
В белых чулках и с глазами там есть, как у рыб:
Мчат колесницу сильны и могучи они.
Смотрят на этих — порока ни в чем не найдут,
Только подумал о конях — и кони идут!

НА ПИРУ У КНЯЗЯ

(IV, IV, 2)

I

Мощные кони, мощные кони,
Пегие кони в четверках стоят.
Утром и ночью в покоях у князя
Светлые гости рассажены в ряд.
Цапель слетается белая стая;
Белые цапли на землю слетают;
А барабаны звучат и звучат.
Гости пьяны: они пляшут, играя.
Вместе они веселятся.

II

Мощные кони, мощные кони!
Каждая лошадь в четверке сильна.
Утром и ночью в покоях у князя
Гости сегодня за чашей вина.
Цапель слетается белая стая,
Белые цапли слетаются к нам,
А барабаны звучат и звучат.
Гости пьяны — и пора по домам.
Вместе они веселятся.

III

Мощные кони, мощные кони!
Кони в четверках — как серый металл.

Утром и ночью в дворцовых покоях
Князь, угощая гостей, пировал.
«Чтобы отныне всегда наперед
Был бы у нас урожай, что ни год!
Неба щедроты прими, государь,
И передай их в свой княжеский род!» —
Вместе они веселятся.

ПОСЕЩЕНИЕ ШКОЛЫ

(IV, IV, 3)

I

Здесь в полукруглом пруду так приятна вода,
Травы душистые ныне в пруду этом рвем.
Луский наш князь прибывает сегодня сюда,
Вижу расшитое знамя с драконом на нем.
Знамя с драконом колышется так на ветру,
Звонкую слышу бубенчиков в сбруе игру.
Не разбирая большого и малого тут,
Люди, стремяся за князем, толпою идут.

II

Здесь в полукруглом пруду так приятна вода,
Травы мы рвем из поросших растеньями вод.
Луский наш князь прибывает сегодня сюда,
Кони могучи, могучи и рвутся вперед.
Кони могучи, могучи и рвутся вперед;
Слава его в светозарном сиянье растет.
Све́тло лицо его, и улыбается рот:
Без нетерпения он поучает народ.

III

Здесь в полукруглом пруду так приятна вода,
Травы сбираем: травою богата она.
Луский наш князь прибывает сегодня сюда,
В школе у нас он отведает ныне вина.

Если отведает доброго в школе вина,
Позднею старостью будет тогда награжден,
Долгим путем и великим последует он,
Будет покорен народ, почитая закон.

IV

Полный достоинств, достоинств высоких наш князь,
К доблести светлой своей неизменно ревнив,
Вид величаво достойный он всюду хранит,
Вечный собою пример для народа явив.
Сколь просвещен он, и сколь он воинственно смел:
Предков преславных возрадовать блеском сумел,
Был он почтительным сыном везде и всегда.
Счастье от неба снискал себе прочно в удел.

V

Светлого, светлого разума — луский наш князь! —
Может сиять нам достоинством светлым своим:
Ныне устроил для школы и пруд, и дворец.
Варваров этих — с Хуай — мы ему покорим.
Тиграм подобны отважные люди его!
Уши врагов в этой школе кладут перед ним!
Пленников — судьи премудрые, как Гао-яо,
В школе представят ему как добычу свою.

VI

Множество храбрых толпится, и каждый из них
Доблести сердца широко развить в себе мог:
Смелыми, смелыми будут в походе они,
Варваров вновь отодвинут на юго-восток!
И многолюдная, грозная, грозная рать
Больше не станет без толку шуметь и кричать,
С жалобой больше не станут являться на суд —
В школу дела боевые свои понесут!

VII

Туго натянут рогами украшенный лук —
Сотнями стрелы со свистом взвиваются вдруг;
Сколько имеешь больших боевых колесниц,
Воинов множество крепких и крепких возниц!
Варваров ты за рекою Хуай покоришь,
Больше не встанут они из-под нашей руки!
Тверды да будут предначертанья твои —
И овладеешь народом у этой реки.

VIII

Птицы крикливые к нам залетают сюда —
Сядут они на деревья у школы, и вдруг,
Тутовых ягод лишь только они поедят,
Нас услаждает приятного пения звук.
В разум придут эти варвары — там на Хуай,
В дар понесут драгоценности с этой поры:
Кости слоновой и местных больших черепах...
С золотом юга великие будут дары!

ПОСЕЩЕНИЕ ХРАМА

(IV, IV, 4)

I

В месте и скрытом, и тихом мы создали храм;
Был он прекрасной постройки и крепок и прям.
Нету нигде Цзян-юани — почтенней жены:
Доблесть ее не имела ни в чем кривизны.
Неба верховный владыка послал благодать:
Месяцы вышли, и срок не замедлил настать.
Небом без боли и муки ей было дано
Нашего предка родить — Государя-Зерно.
Небо ему ниспослало премного щедрот:
Просо и злак, что позднее всех прочих растет,
Рожь и бобы и тот злак, что всех ранее зрел,
Скоро Зерно-Государь получает удел.
Людям велит он возделывать землю вокруг:
Сорго и желтое просо явилися вдруг,
Черное просо и рис появились. Была
Вся Поднебесная скоро научена им.
Так он продолжил преславные Юя дела.

II

Внука оставил преславный Зерно-Государь —
Это Тай-ван был, великий наш предок и царь.

Он поселился на юге от Циской горы,
Шанское царство он стал подрывать в те поры.
Позже Вэнь-ван воцарился, за ним и У-ван,
Подвиг они продолжали, что начал Тай-ван.
Гнева и воли небес завершился предел,
И на равнине Муе этот бой закипел.
«Царь, не смущаясь сомненьем, начни этот бой:
Неба верховный владыка пребудет с тобой!»
Шанскую рать он карает, разбив ее вдруг;
Были другие участники царских заслуг.
«Дядя! — наш царь говорит тогда,— я бы хотел
Вашему старшему сыну назначить удел.
Княжить над Луской землею ему надлежит:
Да возвеличит он ваши владенья и дом,
Будет весь род ваш для Чжоу опора и щит».

III

Лускому князю пожалован царский указ:
Княжить и править ему на востоке у нас,
Гор ему дал царь, земель, и потоков, и нив,
Царства окрестные князю навек подчинив.
Тот, чьим прославленным предком был чжоуский князь,
Сын Чжуан-гуна, теперь в этот храм соберясь,
Жертвы приносит. На знамени шитый дракон,
Вожжи мягки у его колесницы, и он
Ревностно каждую осень и каждой весной
Жертвы приносит, не пропустив ни одной,
Славному неба владыке и с ним заодно
Предку, великому столь Государю-Зерно.
Бык красно-рыжий приносится в дар в эти дни —
Жертву приемлют, ее одобряя, они.
Много пошлют они князю за это щедрот.
Чжоуский князь и державные предки твои
Счастьем тебя одаряют, о князь, что ни год.

IV

В осень ты предкам приносишь могучих быков,
С лета им брус деревянный кладут вдоль рогов:
Белый один, красно-рыжая шерсть на другом.
Жертвенный кубок прекрасен, налитый вином.
Тут поросенок, и мясо, и чистый отвар,
Стол в деревянных сосудах, назначенных в дар.
Танцы, все время меняяся, радуют взгляд.
Внукам почтительным предки награду дарят.
В блеске своем ты, всегда процветая, живешь,
Да долголетен ты будешь и будешь хорош!
Будет хранима восточная эта страна,
Луская наша держава да будет вечна!
Нет ей ущерба, утесы ее не падут,
Не задрожит, не падет она в ужасе смут!
Три долголетия князю, да вечно живет,
Точно возвышенный холм или горный хребет!

V

Тысяча, князь, у тебя колесниц боевых,
Красными лентами копья украшены в них,
Шелком зеленым обвиты два лука стоят:
Ты тридцать тысяч имеешь пехотных солдат —
Раковин шлемы украсила красная нить —
Рать велика, велика, и ее не сломить.
Варварам севера дав надлежащий отпор,
Цзинские орды и Шу остановим, с тех пор
С нами никто не посмеет столкнуться в борьбе.
Пусть же расцвет лучезарный да будет тебе!
Будь же богат, долголетен, да правишь страной
С желтою космой волос и дельфиньей спиной.
Старцев почтенных и мудрых на помощь избрав,
В славе своей да пребудешь ты, князь, величав!
Старости ты не достигнешь и будешь ты сед!

Князь наш да здравствует тысячи, тысячи лет,
Старость до белых бровей, без болезней и бед!

VI

Тайская эта гора высока и крута —
Луские люди глядят на святые места.
Чуйская наша и Мынская наша гора —
Дальним востоком владеть нам настала пора,
Будет достигнут с морями граничащий край.
К нам за союзом придут и народы с Хуай:
Больше не будет страны, чтоб за нами не шла.
Луского князя да будут преславны дела!

VII

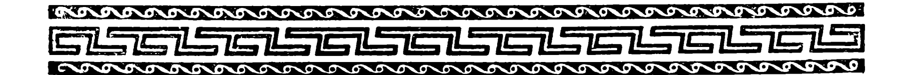
Фуские горы и Иские мы сохраним,
Сюйские земли да будут владеньем твоим,
Будет достигнут с морями граничащий край,
Мань покорятся, и мо, и народы с Хуай.
Станут покорными варвары южной земли —
Стран да не будет таких, чтоб за нами не шли.
Ныне никто не посмеет оспаривать нас —
Луского князя послушно исполнит приказ.

VIII

Чистое счастье князю от неба дано,
Князю до старости Лу сохранять суждено.
Чан и Сюй-тянь возвратив в их родимый удел,
Он восстановит все то, чем князь Чжоу владел.
Счастье и радость да примешь ты, луский наш князь,
С доброй супругой и матерью старой делясь;
С ним и вельможи и все остальные чины
Вечно владеют пределами нашей страны.
Милостей много от неба принять будь готов,
Старость до желтых волос и до детских зубов.

IX

Сосны на горных отрогах Цулая росли,
Горные туи мы взяли с Синьфуской земли.
Мы их срубили и точно измерили тут:
Мерой служили шнурок в восемь футов и фут.
Балки сосновые были собой велики —
К храму пристройки вышли весьма широки:
Новый прекрасный, прекрасный отстроился храм —
Си-сы строительный мастер создал его сам.
Длинен весьма и пространен храм видом своим —
Тысячи разных людей любуются им.

V

ГИМНЫ ДОМА ШАН

ГИМН ЦАРЮ ЧЭН-ТАНУ

(IV, V, 1)

О, сколь прекрасно, сколь изобильно:
И барабаны, и бубны мы расставляем, как надо;
Громко, так громко в согласьи звучат барабаны.
Нашим прославленным предкам да будет отрада!

Правнук твой с музыкой ныне пришел к тебе, Тан;
Думы мои успокой, их исполнивши вдруг.
Пусть барабаны звучат далеко, далеко;
Чисто, так чисто гуаня разносится звук.
Стройная музыка в полном согласьи звучит,
С нею подвешенных цинов сливается звук;

Правнук Чэн-тана, ныне он сколь величав!
Каждый прекрасен, прекрасен той музыки звук.
Мы в барабаны и колокол бьем и гремим;
Танцы прекрасны — следом один за другим.
Ныне прекрасные гости собрались у нас:
Разве не радостно, разве не весело им?

Некогда раньше и с самых древнейших времен
Подал благие примеры нам прежний народ:
Был так приветлив и утром и вечером он,
Дело свершая, был ревностных полон забот.

Предок Чэн-тан, благосклонно на жертвы взгляни:
Правнуком Тана приносятся ныне они!

ГИМН ЦАРЮ ЧЭН-ТАНУ

(IV, V, 2)

Царь, сколь преславны дела твоего праотца —
Милости правнуку шлет неизменные он.
Снова и снова щедроты он шлет без конца —
Ими осыпан тобой занимаемый трон.

Чистым вином моим чаши уже налиты;
Мыслей моих исполнение даруешь ты!
Вкусом приятен мясной этот чистый отвар,
Мы осторожно и мирно приносим свой дар.
К жертве явись: мы безмолвны, молчанье храним.
Споров не будет перед приходом твоим.
Белые брови — да будет мне дар праотца,
Желтые волосы — вечная жизнь без конца.

Втулки их в коже, узорные ярма в ремнях...
Восемь бубенчиков звоном звонят в удилах,
Съехались жертву принесть тебе вместе со мной:
Принял я власть над обширной и мощной страной.
Шлет на страну благоденствие небо с высот;
Жатвы обильны, обильны у нас, что ни год.
Жертвы вкушает — приблизился дух праотца —
Счастье пошлет он потомкам своим без конца.

Предок Чэн-тан, благосклонно на жертвы взгляни:
Правнуком Тана приносятся ныне они.

ГИМН ЦАРЯМ ЧЭН-ТАНУ И У-ДИНУ

(IV, V, 3)

Ласточка, волей небес опустившись с высот,
Шанских царей порождает прославленный род.
В Иньской земле поселясь, возвеличился Шан:
В древности волей владыки воинственный Тан
Правил и ставил границы в пределах всех стран.

Жаловать стал он указы на царства князьям,
Над девятью областями он царствовал сам.
Это был первый из шанских царей властелин,
Твердо владел он властью от неба один —
Ею владеет потомок Чэн-тана У-дин.

Правнук Чэн-тана, У-дин наш, воинственно смел:
Нету страны, чтобы он победить не сумел.
С тканным драконом десятки упряжек в наш дом
Ныне привозят дары драгоценным пшеном.

Где наш народ поселился, на тысячу ли
Тянутся площади собственной царской земли,
Вплоть до морей рубежи его царства дошли.

Многое-множество к нам с побережий морей
Ныне является чтить своих шанских царей.
Цзинский наш холм лишь Река обтекает кругом.
Инь справедливо приял от неба свой дом:
Милости неба безмерные будут на нем!

ГИМН ЦАРЯМ ЧЭН-ТАНУ И ЕГО ПРЕДКАМ

(IV, IV, 4)

I

Шанские предки были глубоко мудры,
Знаки величья являя нам с давней поры.
Воды потопа широко, широко пошли —
Юй приводить стал в порядок пределы земли.
Царства большие, что прежде лежали вовне,
Взяты в границы — в нашей возросшей стране.
Суны сильны — и владыка их сына берет,
Ставит на царство. Шанский так начался род.

II

Черный наш царь в управленьи страною был смел:
Малый удел ему дали — он в малом успел;
Дали большой — он успел и в большом, говорят.
Без упущений он выполнил каждый обряд;
Только покажет — и всё в соответствии вдруг!
Сян-ту прославился славой великих заслуг:
Добрый порядок царил за морями вокруг.

III

Воля владыки была нерушима для Шан:
Время пришло — сочетался с ней царь на Чэн-тан.

Тан народился не поздно, не рано, а в срок;
Мудр и усерден вперед подвигался, как мог,
Долго сиял благочестием блеск его дел,
Чтимый Чэн-таном верховный владыка — ему
Быть образцом девяти областей повелел.

IV

Яшмы держал и большие, и малые он:
Стали уделы кистями у царских знамен.
Счастье он принял от неба — и славен с тех пор:
Слабым не быв,— не решал он и силою спор;
Твердым не быв,— был изнеженной мягкости враг;
Правя повсюду, любезен, любезен был всем!
Небо его осчастливило множеством благ.

V

Дани большие и малые принял от царств —
Силу и мощь подчиненных ему государств!
Милость от неба ему неизменно была:
Всюду отважные он совершает дела.
Не задрожал он от ужаса, неколебим,
Страха не ведал, боязни не знал он совсем —
Множеством благ осчастливленный небом самим.

VI

Царь наш воинственный стяг тогда выставил свой;
Тигру подобный,— он взял свой топор боевой;
Точно огонь в нем пылает воинственный жар —
Нет никого, кто б ответить посмел на удар:
Отпрыска три еще выпустил гибнущий ствол,
Но ни один не развился и в рост не пошел.
В девять пределов свой добрый порядок неся,
Княжество Вэй покарал он и княжество Гу,
После Гунь-у покарал и последнего Ся.

VII

Ряд поколений прошел уже в те времена...
Вся колебалась, в опасности близкой, страна.
Только явился сын неба воистину — вдруг
Шлет ему небо в советники преданных слуг! —
В помощь Чэн-тану державший кормило был дан —
Верный помощник царю — основателю Шан.

ГИМН ПРЕДКУ

(IV, V, 5)

Иньский наш царь, проявив свой воинственный пыл,
В путь устремился и скоро Цзин-чу покорил,
В глубь этих горных ущелий проник он,— и вот,
Разом себе подчиняет весь цзинский народ,
В добрый порядок приводит страну до конца:
Тана потомок, идет он путем праотца.

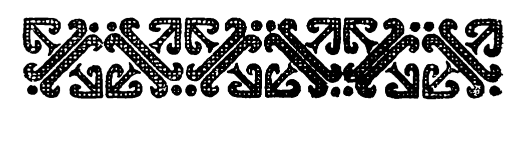
«Вы, обитатели этого царства Цзин-Чу,
К югу от нас вы живете. Сказать вам хочу:
Древле, с тех пор как у нас воцарился Чэн-тан,—
К нам — из вождей отдаленных народов ди-цян
С данью никто не посмел не явиться пока,
К нашим царям не посмел не придти, говоря:
«Этот обычай от Шан учрежден на века!»

Каждый из многих поставленных небом владык
В странах, устроенных Юем, столицу воздвиг,
И что ни год к государю является князь:
«Ты не карай, не кори меня, царь! — говорит,—
Об урожае я пекся своем, не ленясь».

Небо следит неустанно, спускаясь с высот,—
Царь да страшится и свой почитает народ!
В милостях царь был умерен, и в карах не строг.

Вечно трудясь, отдыхать он не смел и не мог.
Воля владыки небес снизошла на царя,
Крепкое счастье ему неизменно даря.
Добрый порядок в столице, устроенной Шан:
Царь образцом ее сделал для множества стран.
Всюду великий, великий идет о нем слух —
Светом пресветлый блистает усопшего дух.
Царь долголетен был, в мире покоил народ,
Нас, что за ним родились, навсегда соблюдет!

Ныне по склонам на гору Цзин-шань поднялись:
Сосны и туи на ней устремилися ввысь.
Мы их срубили, сюда привезли, а потом,
Их окорив, обтесали стволы топором.
Толстые балки длины оказались такой,
Как надлежало. Со множеством мощных колонн.
Храм завершили. Да будет в нем вечный покой!

ПРИЛОЖЕНИЯ

Н. Т. ФЕДОРЕНКО

«КНИГА ПЕСЕН»

I

В многовековом историческом и культурном наследии художественное творчество великого китайского народа занимает особое место и является бесценным национальным сокровищем Китая.

Древнейшим китайским литературным памятником и одним из наиболее ранних памятников мировой литературы, сохранившимся до наших дней, является «Шицзин» — «Книга песен». В этот сборник входят многочисленные древние народные песни и культовые гимны, исполнявшиеся во время совершения различных обрядов. Этот поэтический памятник исторически относится приблизительно к начальному периоду Западного Чжоу (1122—770 гг. до н. э.) и концу эпохи «Весны и осени» (772—481 гг. до н. э.). Однако время не обесцветило неповторимые поэтические образы и краски, не притупило остроты мысли, не уничтожило его художественного обаяния.

С древнейших времен в китайском народе не переставала жить мечта о равенстве и свободе, мире и справедливых социальных отношениях. Эти извечные стремления великого народа находили свое выражение в песенно-поэтическом творчестве, в литературных памятниках, истоки которых теряются в глубокой древно-

сти. К числу таких произведений относится «Книга песен». Эта вечно живая поэтическая летопись дает представление о жизни и духовных интересах людей столь далекой эпохи; в этом памятнике отразилось все то, что характерно для китайского художественного творчества уже с наиболее ранних времен.

К. Маркс писал, что при изучении греческого искусства и эпоса «трудность состоит в понимании того, что они еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном смысле сохраняют значение нормы и недосягаемого образца»[1]. Маркс при этом подчеркивает, что обаяние греческого искусства не стоит в противоречии с той неразвитой общественной ступенью, на которой оно выросло. Напротив, отмечает Маркс, это искусство является ее результатом и неразрывно связано с тем, что незрелые общественные отношения, при которых оно возникло, и только и могло возникнуть, никогда не могут повториться снова. В связи с этим Маркс делает такое заключение: «Почему детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень?»[2].

Приведенные слова Маркса в определенной мере можно отнести и к древнему китайскому искусству и литературе — источнику художественного и эстетического наслаждения.

Китайский народ значительно ранее других народов достиг высокого уровня развития духовной и материальной культуры, общественной жизни.

«За долгий период существования феодального общества,— отмечает Мао Цзэ-дун,— в Китае была создана замечательная культура»[3]. Характеризуя древнюю культуру своей страны, Мао Цзэ-дун в работе «Китайская революция и китайская компартия» указывает, что Китай уже в отдаленные времена имел развитое хозяйство и ремесло, на его земле выросли многие великие мыс-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. I, стр. 203.

[2] Там же, стр. 204.

[3] Мао Цзе-дун. Избранные произведения, т. 3. 1953, стр. 271.

лители, ученые, изобретатели, политические деятели, полководцы, литераторы и деятели искусства, были созданы большие культурные сокровища. В Китае был изобретен компас. Тысяча восемьсот лет назад там научились изготовлять бумагу; тысяча триста лет назад было изобретено печатанье с деревянных досок, а восемьсот лет назад — подвижное печатанье. Порох китайцами стал применяться также задолго до европейцев.

Еще в эпоху Шан-Инь (1966—1122 гг. до н. э.) древними учеными Китая был создан лунно-солнечный календарь, определявший длительность года в 366 дней. Для установления летнего и зимнего солнцестояния в VII веке до н. э. в Китае начали применять солнечные часы, а в IV веке китайские астрономы составили первый в мире звездный каталог.

Усилиями китайских писателей, публицистов, философов, ученых была создана огромная литература во всех отраслях знания и художественного творчества, созданы энциклопедии, насчитывающие до несколько тысяч томов: «Сань тун» (VIII—XIII вв.), «Юнлэ дадянь» (XIV в.), «Тушу цзичэн» (XVIII в.) и др. В XVIII в. в Китае была составлена грандиозная, в десять с лишним тысяч томов, «Генеральная библиография всех книг во всех четырех разделах» («Сыку цюаньшу цзунму»).

За свою многовековую историю китайский народ создал изумительные произведения архитектуры, живописи, скульптуры и прикладного искусства. Они очень своеобразны, в них отразились эстетические принципы, характерные именно для китайской культуры. Эти произведения явились тем вкладом, который внесла китайская нация в сокровищницу мировой культуры. Свидетельством блестящего развития литературы и искусства Китая могут служить поэтические строки великого Алишера Навои:

Китай все страны мира превзошел,
Во всех искусствах до вершин дошел.

Огромно было влияние китайской цивилизации, всегда выделявшейся своим величием и самобытностью, на материальную и

духовную культуру народов Азии, особенно народов Японии, Кореи, Индо-Китая.

Среди современных стран мира Китай является одним из наиболее древних государств. Обширные материалы археологических раскопок, а также гадательные надписи на костях жертвенных животных, черепашьих щитах, бронзовой утвари и керамических изделиях свидетельствуют о глубокой древности китайской культуры. Около пяти тысяч лет назад в бассейне Хуанхэ уже существовала высокоразвитая культура Яншао, названная по месту раскопок, а к эпохе Шан-Инь в Китае сложилась культура бронзового века.

В рабовладельческом обществе Шан-Инь получили развитие ритуальные пляски, музыка и песни, соединенные в одно синкретическое целое. Археологические раскопки и расшифровка надписей на гадательных костях позволяют предполагать наличие в тот период устного песенно-поэтического творчества, хотя памятников литературы и искусства того периода обнаружить пока не удалось. Поэтическое творчество у китайского народа, как и у других народов в доклассовом обществе, возникло намного ранее появления у него письменности. Подобное художественное творчество, рожденное в недрах народной жизни и имеющее фольклорный характер, передается из поколения в поколение изустным путем. Известно также, что народно-поэтическое творчество не прекращается и после появления письменности, возникающей обычно в процессе образования классового общества. Имеющиеся исторические и археологические сведения дают основание сделать вывод, что устное творчество древних китайцев явилось источником письменной литературы как прозаической, так и песенно-поэтической. Именно поэтому в древних памятниках китайской письменной литературы особенно сильна живая струя фольклорного творчества. Неповторимое своеобразие китайской литературы свидетельствует о том, что она берет свое начало от фольклорного творчества и на протяжении веков питалась его жизнетворными соками, находилась с ним в тесной, органической взаимосвязи. Так, например, корни народных пре-

даний, передававшихся из поколения в поколение, и записанных в виде литературных произведений значительно позже, в частности, рассказ о легендарной Нюй-ва, заплатавшей разверзнувшееся небо расплавленным камнем, или предание о прославленном Хуан-ди (Желтом императоре), расправившемся с мятежником Чи Юем, или о мудром государе Юе, поборовшем великий потоп в Китае, уходят в незапамятные времена.

В китайском фольклорном творчестве, как и в любом другом, личность творца еще не играет определяющей роли. Главное здесь — коллектив, его деятельность, его творческий труд, его духовные и эстетические запросы. Этим объясняется то, что многие древнейшие произведения китайской литературы не имеют автора.

В древнем китайском фольклоре сложились такие жанры, как песня, гимн, сказание, пословица, сказка, притча.

Исторические памятники и данные археологических раскопок свидетельствуют также о том, что в древние времена китайским народом была создана богатая, многообразная мифология, оказавшая значительное влияние на развитие его духовной жизни, становление литературы и искусства, формирование его эстетических воззрений.

«Миф — это вымысел,— писал А. М. Горький: — Вымыслить — значит извлечь из суммы реально данного основной его смысл и воплотить в образ — так мы получили реализм. Но если к смыслу извлечений из реально данного добавить — домыслить, по логике гипотезы,— желаемое, возможное и этим еще дополнить образ,— получим тот романтизм, который лежит в основе мифа и высоко полезен тем, что способствует возбуждению революционного отношения к действительности,— отношения, практически изменяющего мир» [4].

Доказано, что первые художественные образы китайской литературы взяты из древних китайских мифов. Именно благодаря мифам мы узнаем, какими путями развивалось художест-

---

[4] А. М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 27, стр. 312.

венное мышление китайского народа, складывались поэтические образы и типы, формировалась древняя народная поэтика. Сквозь тысячелетия мифы донесли до наших дней древнейшие образы и своеобразную символику китайского фольклора, в котором, например, молния уподобляется удару плети, млечный путь — течению реки и т. д. Без знания китайской мифологии не только трудно понять характер, самую природу древней китайской поэзии и прозы, но едва ли можно правильно судить и о средневековой китайской литературе. Китайские мифы свидетельствуют о неисчерпаемой фантазии, пытливости ума и силе образного художественного мышления китайского народа уже в дни глубокой старины.

Мы знаем, что древняя китайская мифология оказала воздействие на творчество первых великих художников слова Китая, поэтов и мудрецов IV—III вв. до н. э.— Цюй Юаня, Чжуан-цзы, Хань Фэй-цзы, Хуай Нань-цзы и многих других, в значительной степени предопределила содержание древней живописи и художественного ремесла китайских мастеров. Однако в отличие от мифологии античной Греции и древней Индии, которая дошла до нас в сравнительно полном виде, китайская мифология сохранилась фрагментарно — в виде отдельных, не сложившихся в мифологические циклы преданий или их отрывков, рассеянных по многим книгам. Одной из причин этого явления, по мнению Лу Синя, которому принадлежат ценные исследования по этому вопросу, заключается, в частности, в том, что созданию больших мифологических циклов препятствовало усилившееся в средние века влияние конфуцианства. Древнее конфуцианство было прежде всего политическим учением об управлении государством, уделявшим огромное внимание вопросам морального подчинения общественных классов и прослоек власти правителя. Конфуцианцы сознательно отворачивались от всего, что стояло вне пределов их политической борьбы. Они отрицали художественный вымысел и фантазию. Все, что, по их мнению, не являлось достоянием истории, не заслуживало внимания. Поэтому большинство наиболее художественных мифов китайской древности просто

третировалось ими и таким образом со временем оказалось вытесненным из народной памяти. Это отметил еще в 90-х годах прошлого века русский китаевед Георгиевский, который в своей книге «Мифические воззрения и мифы китайцев» (1892 г.) писал: «Вырабатывая этико-политические идеалы, конфуцианство не было склонно покровительствовать мифо-поэтической фантазии китайского народа».

Одним из наиболее ценных источников изучения древней китайской мифологии является знаменитый литературный памятник «Шань хай цзин» («Книга о горах и морях»). Первое упоминание о нем относится к I в. до н. э., но содержание памятника свидетельствует о том, что он сложился гораздо раньше, в период VIII—II вв. до н. э.

Фрагментарный характер сохранившихся источников значительно затрудняет изучение и систематизацию древних китайских мифов и преданий, однако китайские историки и филологи в последнее время добились определенных успехов в разработке проблем китайской мифологии. Исследовательская деятельность китайских ученых развертывается главным образом вокруг таких тем, как происхождение вселенной, земли и человека и т. д.

Древние китайские мифы, представляющие собой зачатки художественной прозы, особенно важны для изучения истории древней китайской литературы, как один из ее важных истоков, уходящих в глубины народного творчества. Своей животворной фантазией мифы питали ее развитие на протяжении многих столетий. Как итог творчества нескольких поколений китайские мифы являются важным элементом древней китайской культуры. Нередко в мифах и народных сказках находили воплощение и глубокое отображение материалистические идеи, претворенные в дальнейшем в реальную жизнь, в творческие процессы и усилия человека.

«По линии интересов и целей литературы — а также и всех иных искусств,— отмечает А. М. Горький,— миф и сказка говорят нам о праве и полезности преувеличивать созданное реальное в целях достижения идеального, желаемого, а также говорят о

положительном и актуальном значении гипотезы в науке и в литературном творчестве...»[5].

Огромную роль в формировании и развитии китайской литературы играл язык китайского народа, непрестанно обогащавшийся и совершенствовавшийся на протяжении тысячелетий. Непрерывное развитие китайского языка, на котором создана китайская литература, уходит далеко в глубь веков.

Известно, что в эпоху Шан-Инь в Китае уже существовала довольно развитая письменность, представление о которой дают нам иероглифические знаки на археологических находках (фрагментах черепашьих панцырей, костях жертвенных животных с гадательными надписями, бронзовых и керамических изделиях и т. п.), обнаруженных при раскопках в районе Аньяна. Уже тогда число различных по значению и графическому изображению иероглифов достигало около трех тысяч, а с веками оно возросло до многих десятков тысяч. Иероглифическое письмо, которым пользуются и в современном Китае, обладает приблизительно четырехтысячелетней историей, а китайская литература, созданная на ее основе, охватывает, таким образом, еще больший исторический период, поскольку письменной литературе предшествовало устное, фольклорное творчество.

На протяжении этого периода в Китае сменилось несколько социально-экономических формаций. В связи с общественными сдвигами менялась историческая обстановка и условия существования различных китайских племен и образовавшегося из них впоследствии китайского народа. Изменения в области общественной и духовной жизни китайского народа отразились и на процессе становления и развития литературного творчества, на его социальном, классовом характере, и способствовали появлению и расцвету различных направлений, художественных жанров и стилей.

Одновременно шел непрерывный процесс развития китайского языка, его обогащения и совершенствования. Характерной чер-

[5] А. М. Горький. По поводу плана хрестоматии. «Правда», 18 июня 1939 г.

той китайской литературы является строгая преемственность в ее развитии, сила традиции. Эта особенность предопределялась самой системой литературного образования, при которой от ученого сословия требовалось обязательное знание всех основных литературных памятников прошлого, умение писать сочинения прозаического и поэтического характера в подражательном стиле, воспроизводить по памяти фрагменты и целые произведения китайских классиков. Этим, по-видимому, объясняется и то, что в китайском языке, возможно, больше, чем в каком-либо другом, архаических элементов, силен консерватизм, заметно влияние литературной речи как в области лексики, так и в стилистическом отношении.

Однако, несмотря на это, усилиями великих мастеров, художников слова, создателей поэтических, философских и драматических произведений,— Чжуанцзы, Сюньцзы, Цюй Юаня, Сыма Цяня, Тао Юань-мина, Хань Юя, Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюй-и, Гуань Хань-цина, Ло Гуань-чжуна, У Чэнь-эня, У Цзин-цзы, Цао Сюэ-циня и многих сотен и тысяч других — к началу XX в. было накоплено огромное языковое богатство, которое вместе с бесценной сокровищницей языкового творчества народа явилось основой для дальнейшей работы над языком китайской литературы, предпринятой Лу Синем, Го Мо-жо, Мао Дунем, Лао Шэ и многими другими современными прозаиками, поэтами, драматургами.

II

«Шицзин» [6] представляет собой подлинную сокровищницу древнейшей китайской поэзии. В этой уникальной книге песен и гимнов полно и ярко отражена разносторонняя и богатая древняя культура китайского народа, запечатлены его благородные

[6] Иероглиф и слово «ши» в древнем китайском языке означают: стихотворение, песня, ритмическое, озвученное рифмами произведение, исполнявшееся обычно под аккомпанемент музыкального инструмента. Иероглифический знак и слово «цзин» в древнем китайском языке означают: стихотворение, песня, ритмическое, озвученное рифмами произведение, исполнявше-

думы, прекрасные целомудренные чувства. «Книга песен» — это сама душа китайского народа, воплотившаяся в поэтическом слове. По своей значимости и художественным достоинствам «Шицзин» может быть поставлен в один ряд с такими шедеврами мировой литературы, как «Илиада» и «Одиссея», «Рамаяна» и «Махабхарата», «Слово о полку Игореве».

«Эта книга,— говорит китайский литературовед Гао Хэн в статье «Введение к «Шицзину»,— занимает чрезвычайно важное место в культурном наследии нашей родины. Она свидетельствует о том, что китайская нация в начальный период феодального общества обладала великими творческими силами в области литературы, заложившими прочную основу блестящих традиций реализма, в частности в устном творчестве трудового люда; особого же внимания в «Книге песен» заслуживает высокая степень народности и художественности ее поэтических произведений» [7].

«Книга песен» является ценнейшим поэтическим памятником. Она свидетельство того, что китайский народ первым в истории человечества открыл рифмованный стих и тем самым внес бесценный вклад в развитие поэтического творчества. В основе этого исключительного по своей самобытности литературного памятника лежит устное народное творчество, подвергшееся последующей литературной обработке, которая, однако, не стерла его народную, фольклорную основу.

Точное время появления «Книги песен» как литературного, письменно зафиксированного памятника до настоящего времени не установлено. Возникновение поэтических произведений, составивших «Шицзин», относится к древней эпохе, о которой мы имеем пока лишь весьма неполное представление, и самый процесс

ееся обычно под аккомпанемент музыкального инструмента. Иероглифический знак и слово «цзин» первоначально означали «основу ткани»; впоследствии отсюда возникли производные понятия: основополагающие, канонические книги конфуцианской школы. «Шицзин» переводится по-разному: «Книга песен», «Книга поэзии», «Книга песен и гимнов» и др.

[7] Гао Хэн. Журнал «Вэнь ши чжэ» («Литература, история, философия»), изд. Шаньдунского университета, 1956, № 5.

их рождения в конкретных деталях и подробностях, видимо, останется неизвестным еще в течение довольно длительного периода. К этому нужно также добавить, что появлению песенно-поэтических произведений «Шицзина» в том виде, в каком они дошли до нашего времени, естественно предшествовал длительный период развития поэтического творчества. Мы знаем, что поэтическое творчество «Шицзина» развивалось на основе литературы Иньской эпохи (XVIII—XII вв. до н. э.). Однако каково конкретно было это литературное творчество, что это была за эпоха — нам пока еще неизвестно в той мере, в какой это необходимо, чтобы придти к научно обоснованным выводам.

Некоторые китайские исследователи, особенно историки и филологи прежних эпох, связывают с происхождением «Шицзина» имя китайского древнего философа Конфуция, жившего приблизительно в 551—479 гг. до н. э., основоположника крупнейшей в Китае школы философов и литераторов, сыгравшей огромную роль в становлении и развитии китайской древней и средневековой культуры.

По свидетельству китайской исторической традиции, Конфуций, создавая теорию управления государством, черпал свои представления об идеальных порядках в глубокой древности, которая, по мнению многочисленных его современников, представляла собой «золотой век» Китая. Как отмечается в некоторых литературных источниках, Конфуций обосновывал свои этико-моральные принципы не простой ссылкой на старину, но документальными свидетельствами в виде литературных памятников. При этом указывается, что Конфуция особенно привлекали императорские архивы династии Чжоу, где будто бы хранились бамбуковые анналы древних сказаний, а также обрядовых гимнов, од и песен. Преследуя свои морально-дидактические цели, Конфуций якобы произвел соответствующий отбор произведений для «Шицзина», включив в эту книгу лишь одну десятую хранившихся записей, вырезанных на бамбуковых пластинах.

В этой связи заслуживает внимания свидетельство основоположника китайской исторической науки Сыма Цяня, жившего на

рубеже II—I вв. до н. э., которое мы находим в его труде «Исторические записки». В главе, посвященной Конфуцию, говорится: «Песен, од и гимнов насчитывалось в древности более трех тысяч. Конфуций отбросил те из них, которые являлись повторениями, и избрал те, которые могли быть полезны для торжества идеального порядка вещей, правления, обрядов и долга. Начав с древности, он отдал предпочтение [произведениям о] Се и Хоу-цзи (двух сподвижниках легендарного царя Шуня, предках династии Шан и Чжоу.— *Н. Ф.*), из времен последующих он поведал нам о расцвете династий Инь и Чжоу, и так подошел он к эпохе упадка времен царей Ю (781—770 гг. до н. э.— *Н. Ф.*) и Ли (878—827 гг. до н. э.— *Н. Ф.*). Всего он избрал 305 произведений. Конфуций пел их, играя на цине, стремясь привести их в согласие с тонами совершенных древних песен, воинственных песен, од и гимнов».

Стихи и песни «Шицзина» интересовали Конфуция прежде всего как исторический и философский материал, фиксировавший идеальные, с его точки зрения, порядки глубокой древности, возродить которые он стремился. Но Конфуций высоко оценивал и художественные достоинства «Шицзина». Хотя вопрос о редактировании Конфуцием текста «Книги песен» остается до сих пор спорным, несомненно, что Конфуций прекрасно знал стихи и песни «Шицзина», любил их слушать и часто цитировал сам. В «Беседах и рассуждениях» («Лунь юй») Конфуция и его учеников «Книга песен» упоминается восемнадцать раз, а «Лунь юй», как известно, является наиболее достоверным источником наших знаний о Конфуции. Много столетий спустя после смерти Конфуция, когда началась канонизация его учения, «Шицзин» был включен в конфуцианский классический канон, известный под названием «Уцзин» («Пятикнижие»)[8].

---

[8] Другими четырьмя каноническими книгами являются: «Ицзин» («Книга перемен»), лежащая в основе многих китайских философских систем; «Шуцзин» («Книга исторических преданий»), содержащая исключительно интересный материал по китайской древней истории; «Лицзи» («Книга установлений»), предписывающая необходимость неукоснительно блюсти определенные

Канонизировались конфуцианские тексты (в том числе и «Шицзин») лишь с превращением конфуцианства в господствовавшую идеологию.

Конфуцианство стало господствующей идеологией в Китае уже при династии Хань (конец III в. до н. э.— III в. н. э.). При династии Цинь, которая предшествовала Хань, конфуцианство подвергалось жестоким преследованиям.

По свидетельству «Исторических записок» Сыма Цяня, в III в. до н. э. (213 г.), когда Китай впервые в своей истории был объединен в централизованную империю под эгидой «августейшего правителя» Цинь Ши-хуанди, «Шицзин» вместе с другими конфуцианскими книгами по указу императора был предан сожжению на костре, а конфуцианцев закапывали живыми в землю. Восстановление «Книги песен» относится приблизительно к началу II в. до н. э. (205 г.), когда на смену династии Цинь, свергнутой в результате крестьянского восстания, в 202 г. до н. э. пришла новая династия — Хань. К этому времени относится появление нескольких списков «Шицзина», однако лишь один из них — текст древнего китайского ученого Мао — получает признание как самый достоверный, становится наиболее авторитетным, и вокруг него постепенно создается колоссальная справочная и комментаторская литература. «Книга песен» начинает пользоваться широкой известностью, она передается из поколения в поколение и постепенно обрастает толкованиями различных ученых и исследователей. В качестве одного из убедительных доказательств достоверности текста Мао китайские ученые приводят сведения о «Шицзине», содержащиеся в известном комментарии «Цзочжуань» к летописи «Чунь цю», созданном значительно ранее появления варианта текста Мао. В этом комментарии под двадцать девятым годом правления князя Сяна (543 г. до н. э.) в царстве Лу отмечается следующее:

взаимоотношения между людьми, воплощающие якобы «волю неба»; «Чунь цю» («Весна и осень») — летопись древнего царства Лу, родины Конфуция, рассказывающая о событиях между 722 и 481 гг. до н. э. и положившая начало китайской традиционной историографии.

«Гун-цзы Чжа из царства У посетил Луское царство в качестве посла уского князя... и просил ознакомить его с музыкой дома Чжоу. Повелели мастерам спеть для него «Песни царства Чжоу и юга», «Песни царства Шао и юга». Он сказал: «Сколь они прекрасны! Здесь начало и основание [дома Чжоу] и хотя оно еще не завершено, но [в песнях выражена] ревность к трудам и нет в них жалобы». Спели для него «Песни царства Бэй, Юн и Вэй», и он сказал: «И они прекрасны! В них скорбь, не переходящая в бессилие отчаянья. Я слышал, что такова была духовная доблесть Вэйского Кан-шу и князя У, и вот таковы и нравы Вэй [отраженные в песнях]. Спели для него «Песни владений царя», и он сказал: «Прекрасны и эти! В них мысли без страха. Таково было движение Чжоу на восток». Спели ему «Песни царства Чжэн», и он сказал: «Прекрасно, но слишком уж мелко, народ не может этого вынести — вот почему [царство Чжэн] погибло прежде других!». Спели для него «Песни царства Ци», и он сказал: «Они прекрасны! Сколь мощны эти великие песни! Это князь Тэй был примером [для побережья] Восточного моря, и царство его нельзя измерить!» Спели ему «Песни царства Бинь», и он сказал: «Сколь они прекрасны и как они величавы! В них радость без низменной грязи. Таков был поход князя Чжоу на восток?» Спели ему «Песни царства Цинь», и он сказал: «Здесь то, что мы зовем звуками Си, и если Цинь смогло стать одним из царства Ся, то велико оно, и величавость его достигла предела! Не оттого ли это, что [им заняты] прежние [земли] царства Чжоу». Спели ему «Песни царства Вэй», и он сказал: «И они прекрасны! Сколь они стройны и величавы и в то же время приятны,— как будто кто-то с легкостью проходит сквозь горную теснину. И тот, кто укрепит их доблестью духа, тот будет светлый владыка [царства]!» Спели ему «Песни царства Тан», и он сказал: «О, глубина мысли! И разве не здесь народ, оставшийся [с времен совершенного царя Яо, правившего] царствами Тао и Тан?

И если бы это не было так, почему бы печаль в них простиралась так далеко? И если бы то было не влияние благородной доблести царя, кто бы смог создать такие [песни]?» Спели для него «Песни царства Чэнь», и он сказал: «Если в стране нет господина, сможет ли она просуществовать долго?» О «Песнях царства Гуй» и последующих он ничего не сказал. Спели ему «Малые оды», и он воскликнул: «Прекрасны они, и полны мысли, и проникнуты единым духом, и негодование в них не выражено словом. Здесь [ощущается уже] упадок духовной доблести дома Чжоу»... Спели ему «Великие оды», и он воскликнул: «Какая ширь! Какая гармония! В изгибах смен напева ощущаю прямоту всего целого. Разве в них не доблесть духа царя Вэня!» Спели для него «Гимны»...

Приведенный отрывок из комментария «Цзочжуань» свидетельствует о том, что состав «Шицзина» — его главы «Нравы царств», «Малые оды», «Великие оды» и «Гимны» — был хорошо известен намного ранее появления и признания текста Мао «Книги песен».

Изучению замечательного стихотворного памятника «Шицзин», анализу содержащихся в нем песен и гимнов, их толкованию и переводу на различные языки посвящено громадное число исследований, монографий, комментариев.

На протяжении веков вокруг «Шицзина» создавалась специальная отрасль китайской филологии, накопилось огромное количество напечатанных и рукописных литературных источников, среди ученых, занимавшихся изучением «Книги песен», возникали различные школы и направления. Однако толкования и комментарии старых ученых, особенно приверженцев официальной конфуцианской традиции, из-за различных схоластических напластований нередко не только не способствовали правильному пониманию произведений «Шицзина», но, напротив, лишь затрудняли их понимание, а нередко и чудовищно извращали содержание и смысл этих бесценных творений китайского народа. В сущности только теперь, в условиях народного Китая.

начинается подлинно научное изучение великих национальных литературных сокровищ Китая. Перед учеными стоит задача очистить и освободить народное по своей природе песенно-поэтическое творчество «Шицзина» от позднейших наслоений в виде толкований и комментариев старых конфуцианских ученых.

Конфуцианские начетчики стремились снабдить текст «Шицзина» своими комментариями, которые могли бы удовлетворить официальным требованиям правящих кругов. Примером таких толкований может служить «Предисловие» к «Книге песен»; некоторые древние китайские ученые приписывают это предисловие ученику Конфуция Цзы-ся, хотя многие авторитетные исследователи доказывают, что оно в значительной степени переработано конфуцианскими учеными Ханьской династии.

Ниже приводятся фрагменты из указанного предисловия, в которых комментируются тексты «Песен царства Чжоу и стран, лежащих к югу от него»:

> «1. «Встреча невесты» [9] — здесь доблесть духа государыни. Это начало песен о нравах с тем, чтобы дать пример поднебесной, правду ввести между мужем и женою, вот почему в ходу их встречаем и среди жителей сельских и средь [правителей] царств и уделов. Нравы [10] здесь означают дух и наше учение; дух (ветер) движет народом, наше учение его изменяет. Но если так, то влияние доброе — «Встречи невесты» и «Линя-единорога» — это и есть дух совершенных царей, вот почему их связали с именем [совершенного] князя Чжоу. «Страны, лежащие к югу» здесь значат, что изменение нравов к добру, с севера начавшись, на юг простиралось. Духовная доблесть песен «Выезд невесты» и «Цзоу юн» (белый тигр) являет нам нравы удельных князей,— то, чему цари древности их поучали. Вот почему эти песни связали с именем князя Шао.

[9] Здесь даются названия песен в русском переводе. В китайском оригинале названиями служат два или четыре слова первой строки.

[10] Непереводимая игра слов. Слово «фын» значит и ветер, и нравы, и дух, и влияние на нравы.

«Песни царства Чжоу и юга», «Песни царства Шао и юга» — это истинный путь, прямой в своем начале, это основа влияния доброго [совершенных] царей.

Вот почему во «Встрече невесты» радость о том, что добыли деву, достойную в пару благородному мужу, печаль же о том, чтобы выдвинуть мудрую, не стремясь непристойно к одной ее красоте, скорбь же о деве скромной и чистой, дума о ней достойной и мудрой, и нет [в этой песне] ничего вредящего стремлениям сердца к добру. Таковы смысл и долг во «Встрече невесты».

2. В песне о том, что «Жена собирается посетить своих родителей», видим мы основы природы государыни (супруги царя Вэня). Если государыня находится в доме своих родителей, то все помыслы ее обращены на приличные женщине занятия. Она подает личный пример в умеренности и бережливости, она одевает омытые ею платья и почтительно обращается к своей наставнице в женской половине, и тогда она может вернуться в дом своих родителей, посетить и успокоить их. Она распространяет свое благотворное влияние на всю поднебесную страну, являя истинный путь женской добродетели.

3. В песне «Мышиные ушки» [мы узнаем] помыслы государыни. Она должна также быть опорой и помогать своему благородному супругу находить мудрых людей, проверять занимающих должности, узнавать об усердии и трудах его подданных. В душе у нее стремление возвысить мудрых людей и нет желания, прибегая к лжи и уловкам, выдвинуть перед царем своих собственных родственников. Она размышляет об этом и утром и вечером, являя крайнюю заботу и усердие.

4. В песне «На юге у дерева...» [мы видим] снисходительность государыни к низшим.

Речь здесь идет о том, что она умеет быть снисходительной к низшим и что нет в ней чувства зависти и ревности.

5. Песнь «Саранча» об изобилии потомства государыни. Речь идет о том, что, как у саранчи [в стае], у нее нет зависти и ревности — значит и потомство ее будет изобильно.

6. В «Песне о невесте» — успехи государыни.

В ней нет ревности и зависти, и вот обретена прямота и правда в отношениях между мужчиной и женщиной, и браки совершаются в установленное время, и в стране нет одиноких людей.

7. В песне «Охотник» [мы видим] благотворное влияние государыни.

Благотворное влияние, выраженное во «Встрече невесты», распространилось повсюду и нет никого, кто не возлюбил бы духовную доблесть, и вот изобилие людей мудрых.

8. В песне «Подорожник» — красота государыни.

Всюду гармония и мир, и женщины рады иметь детей.

9. В песне «Река Хань широка» [мы видим], как широко распространилась духовная доблесть.

Истинный путь (путь древних правителей, легендарных царей Яо и Шунь.— *Н. Ф.*) царя Вэня распространился на южные царства, и влияние его духовной красоты разлилось по стране на реках Цзян и Хань, и нет теперь думы, что сможет быть нарушен совершенный порядок вещей, правления и обрядов, если бы кто и стремился к этому — своего не добьется.

10. «Скорбь жены о муже» [показывает, что] влияние истинного пути распространилось.

Влияние царя Вэня распространилось на царства по берегам реки Жу, и женщины могут, печалясь о своих супругах, все же подвигать к прямой правде.

11. «Линь-единорог» отвечает по духу «Встрече невесты». Благотворное влияние, выраженное во «Встрече невесты», распространилось, и нет в поднебесной стране нарушений совершенного порядка вещей (существовавшего в древней империи Яо и Шуня.— *Н. Ф.*), правления и обрядов, и даже

в век упадка сыновья князя верны и обладают благородным великодушием, как и во времена «Линя-единорога».

Таковы комментарии к песням первой главы «Шицзина», содержавшиеся в «Предисловии». Ознакомление с текстами соответствующих произведений «Книги песен» показывает, однако, что подобные толкования и объяснения часто произвольны и не соответствуют действительному смыслу этих поэтических произведений. Здесь объективный анализ поэтических произведений древней китайской любовной лирики конфуцианскими схоластами подменяется явно тенденциозной схемой, призванной придать феодальной деспотии облик монархии, покоящейся на патриархальных началах. При всем этом надо принять во внимание и то, что в самой конфуцианской среде — ни тогда, ни позже — не было полного единства во взглядах и суждениях, поэтому противоречия и внутренняя борьба между различными течениями и ориентациями в конфуцианском мире порождали различные толкования и версии в отношении «Книги песен».

Знаменитый философ и филолог XII в. Чжу Си, комментарий которого был избран переводчиком как наиболее ценное пособие для подготовки русского перевода «Шицзина», нередко признает необъективность толкований «Книги песен». Их тенденциозным и неверным толкованиям Чжу Си противопоставляет свои объяснения, которые часто представляются обоснованными. Однако и сам Чжу Си, подвергая справедливой критике наивные для его времени, явно затемняющие текст толкования конфуцианских комментаторов, исходил не из необходимости опровержения конфуцианских концепций, но из целесообразности перестройки конфуцианских суждений в соответствии с потребностями своего времени. Таким образом, Чжу Си, оставаясь, в свою очередь, схоластом конфуцианского толка, не мог быть до конца последовательным в своей критике прежних комментаторов «Книги песен». Поэтому при переводе на русский язык текста «Шицзина» переводчик должен был отклонить схоластические и необоснованные толкования Чжу Си, используя, однако, его прекрасный глоссарий (иероглифический и лексический комментарий) и опреде-

ляя иногда значение слова путем сопоставления различных фрагментов текста, в которых данное слово встречалось. Русский переводчик также отбросил тот претенциозный историзм, которым конфуцианская традиция пыталась окружить текст «Шицзина». И в этом отношении переводчик пошел несколько дальше Чжу Си, который также в ряде случаев считал тенденциозными объяснения своих предшественников, связывавших произведения «Книги песен» с определенными историческими событиями и лицами. Но и здесь Чжу Си не мог остаться последовательным до конца, так как этот псевдоисторизм вытекал из конфуцианской теории об отражении в «Шицзине» воззрений, нравов и событий времени правления древних мудрых царей Китая. Едва ли можно отрицать сюжетную связь многих произведений, вошедших в «Шицзин», с известными историческими событиями и лицами, однако связь, несомненно, была значительно слабее, чем это стремились показать средневековые конфуцианские комментаторы. Поэтому в русском тексте переводчик стремился отразить присущий некоторым песням и одам (в большей степени) историзм лишь там, где он подтверждается самим «Шицзином», довольствуясь в остальных случаях возможно более точной для стихотворного перевода передачей текста.

Освобождая, таким образом, «Книгу песен» от различных конфуцианских напластований, автор русского перевода, естественно, рассматривал «Шицзин» не как составную часть конфуцианского канона, но как наиболее ранний памятник китайской поэзии, запечатлевший гений великого народа, который сумел сберечь в течение тысячелетий свои неисчислимые культурные ценности.

История изучения и толкования «Шицзина» в известном смысле представляет собой целый комплекс проблем общественного и идеологического характера в историческом развитии Китая в эпоху древности и средневековья.

«Шицзин» неизменно привлекал внимание и русских ученых. Среди них необходимо упомянуть имя крупнейшего русского

китаеведа академика В. П. Васильева[11], который одним из первых приступил к изучению «Шицзина», переводу его на русский язык и смог еще в XIX в. по достоинству оценить этот замечательный поэтический памятник. Он, в частности, отмечал, что в песнях «Шицзина» отражаются общественные и политические идеи, мысли и думы народа. При этом В. П. Васильев подчеркивал, что по содержащимся в «Шицзине» песням и стихам лучше всяких диссертаций можно судить о быте народа, потому что они дают нам живое и ясное выражение мыслей и чувств народа, всего того, что занимало народ в столь отдаленный от нас век китайской древности.

Значительная работа по изучению и популяризации «Книги песен» в нашей стране была проделана академиком В. М. Алексеевым[12], который особенно подчеркивал высокую художественность и оригинальность этой книги древней поэзии.

Стихи и песни «Шицзина» вызывали живой интерес передовых русских людей, писателей и переводчиков. Перевод одного из стихотворений «Шицзина» был опубликован в России в начале шестидесятых годов. Он принадлежит перу революционного демократа М. Михайлова. Стихотворение отличается необыкновенной непосредственностью, безыскусственностью, лирической задушевностью, характерной для многих произведений «Книги песен»:

Мой хороший, мой пригожий
Носит смушковый кафтан;
Опоясан стройный стан
        Барсовою кожей.
Игры — скучны без него́;
        В битву ль понесется —
Не страшится ничего,
        «Много их таких найдется!»
Да́, найдется!

---

[11] В. П. Васильев. Перевод и толкование «Шицзина» (ч. I, Гофын). Китайская хрестоматия, вып. III. СПб., 1882.

[12] В. М. Алексеев. Китайская литература. Сб. «Китай». М.-Л., Изд-во АН СССР, 1940.

Только мне не надо никого!
Мой хороший, мой пригожий
Носит смушковый кафтан;
Опоясан стройный стан
    Барсовою кожей.
Все мечты об нем одном —
    Денные, ночные...
Кротость в нем, отвага в нем...
«Есть такие и другие!»
    Есть другие!
Только мне не думать о другом!

Многие произведения «Книги песен» переводились на иностранные языки: английский, французский, немецкий. Однако большая часть переводов скорее представляет собой либо дословную прозаическую передачу текста, либо весьма упрощенное и неточное стихотворное переложение, не передающее самобытного, неповторимого поэтического обаяния «Шицзина».

III

«Шицзин», содержащий 305 различных поэтических произведений, состоит из четырех разделов или частей: «Нравы царств» («Гофын»), «Малые оды» («Сяо я»), «Великие оды» («Да я») и «Гимны» («Сун»). Обладая неповторимым своеобразием и спецификой, каждый из разделов «Шицзина» в сущности представляет собой самостоятельную книгу со своими темами, своими средствами художественного изображения, особой атмосферой и поэтикой.

Песенно-поэтические произведения «Шицзина» охватывают весьма значительный исторический период развития китайского народа, начиная примерно с раннего этапа Западного Чжоу и вплоть до конца эпохи «Весны и осени».

Первая часть «Книги песен» — «Нравы царств», содержащая в себе сто шестьдесят песенно-поэтических произведений пятнадцати различных царств Китая того времени, представляет собой сборник древнейшей китайской лирики периода Чжоу.

Основоположником племени Чжоу, согласно китайской тра-

диции и преданиям, считается легендарный Хоу Цзи («Государь-Зерно»), живший якобы в глубокой древности в пределах нынешней провинции Шэньси. С именем Хоу Цзи связывается происхождение и развитие земледелия, которое у племени чжоу являлось одной из главных отраслей их хозяйства. В «Гимне Государю-Зерно» говорится:

О, просвещенный Зерно-Государь!
Смогший быть небу подобным,
Зерном одарил ты народ наш.
Такого, чего не достиг бы ты,— нет ничего!
Нам подарил ты ячмень и пшеницу,
По повеленью владыки небес, всюду народ наш питая.
Не зная границ и пределов,
Всюду по древнему Ся вечные распространил ты законы!

(IV, I, 10)

Упоминания о Хоу Цзи встречаются и во многих других песнях «Шицзина». Так, например, в большой поэме «Ода Государю-Зерно» повествуется о его легендарной родословной, прославляются его необыкновенные добродетели, гуманность, сказочная щедрость:

Много прекрасных семян раздавал он кругом:
Черное просо и просо с двойчаткой-зерном,
Красное сорго и белое! Всюду подряд
Черное просо и просо-двойчатка стоят...

(III, II, 1)

По свидетельству китайской традиции, примерно до XII в. до н. э. в чжоуском племени существовал родовой строй. В дальнейшем появилась личная собственность (в отличие от общинно-родовой), расширению которой, в частности, способствовали непрестанные войны с многочисленными, особенно кочевыми племенами, поскольку чжоуские полководцы и их дружины присваивали богатые военные трофеи. Победа племени чжоу над племенем инь в 1122 г. до н. э., когда большая часть иньцев была порабощена, и утверждение династии Чжоу (1122—249 гг. до н. э.) ускорили разложение первобытно-общинного строя племени Чжоу и переход к классовому обществу.

Противопоставления в песнях «Шицзина» «простолюдинов» — «шужэнь» (к которым относились свободные крестьяне и рабы) господствовавшей знати в лице царей — ванов, удельных князей — чжухоу, служилого сословия — дафу, ши и т. п. свидетельствуют о наличии у чжоусцев антагонистических классов.

История государства Чжоу делится на два больших этапа: эпоха Западного Чжоу (1122—770 гг. до н. э.) и эпоха Восточного Чжоу (770—249 гг. до н. э.). В период Западного Чжоу существовало вполне сложившееся классовое, рабовладельческое общество с крупной земельной собственностью и сложной иерархической структурой. Государственная организация Западного Чжоу представляла собой древнюю восточную деспотию. «Древние общины там, где они продолжали существовать,— писал Энгельс,— составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы, восточного деспотизма...» [13].

Период «Восточного Чжоу» характеризуется многочисленными походами чжоуских полководцев против варваров, не всегда, однако, удачными, и постепенным ослаблением чжоуской деспотической монархии, которая в период VII — V вв. до н. э., известный как «Множество царств», переживает свой окончательный развал.

В ряде произведений «Шицзина» упоминается об ослаблении власти династии Чжоу, потере ею былого могущества. Об этом говорится в стихотворении «Не ветер порывист» из главы «Песни царства Гуй»:

Не ветер порывист и буря дика,
Не мчит колесница как вихрь седока —
Смотрю на дорогу, что в Чжоу вела,
И в сердце вздымаются скорбь и тоска.
Не ветра порыв и не вихря полет,
Не мчит колесница и в беге трясет —
Взглянул на дорогу, что в Чжоу вела,
На сердце легли мне печали и гнет.

(I, XIII, 4)

---

[13] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1953, стр. 170.

Об упадке царства Чжоу и ослаблении власти его царей говорится также в песне «Течет на поля ледяная вода...» из главы «Песни царства Цао»:

Течет на поля ледяная вода родника,
Густой чернобыльник она залила на лугу.
Восстану от сна и вздыхаю, и скорбь велика,
Столичного города Чжоу забыть не могу...

(I, XIV, 4)

В разделе «Нравы царств» создана в высшей степени яркая и колоритная картина общественной жизни и быта китайского народа в эпоху его раннего развития. Здесь народ предстает перед нами не только как вдохновитель художественного творчества поэтов, но и как творец поэтических произведений, являясь великим и бессмертным коллективным художником.

Китайской классической литературе присущи принципы реалистического творчества, она одухотворена высокими идеями патриотизма, народности, гуманизма. Эти прекрасные традиции бережно хранятся современными писателями Китая, опирающимися в своем творчестве на опыт своих славных предшественников.

Известный китайский критик и литературовед Чжоу Ян отмечает, что современная китайская литература должна унаследовать замечательные традиции древней китайской литературы, показывающей борьбу и раскрывающей характер ее участников. Новая литература, литература социалистического реализма, может стать подлинно народной лишь в том случае, если она будет сознательно и, конечно, критически воспитывать в себе замечательные традиции национального классического наследия [14].

В богатейшей литературной традиции Китая особую важность представляет основная линия развития этой традиции — линия реализма. Именно эта линия в истории китайской литературы

---

[14] См. Чжоу Ян. Социалистический реализм — путь развития китайской литературы. «Знамя», 1952, № 12, стр. 172.

была наиболее плодотворной и живой, и именно эта линия проходит через творчество всех истинно великих мастеров китайской литературы. Китайская литература была очень сложной и многогранной, ее развитие, особенно в отдельных жанрах, не всегда шло по восходящей, и тем не менее в любую историческую эпоху прошлого мы видим как неуклонно, через самые различные напластования, наперекор художественным вкусам и взглядам господствовавшей верхушки, эта реалистическая линия китайской литературной традиции продолжала свое развитие. Это был путь, который, вероятно, не прошел реализм ни одной литературы в мире. Истоки этой традиции восходят к древнейшим мифам и народным преданиям, а также и к «Книге песен», где сквозь сказочную, порою мрачную фантастику пробиваются первые лучи правдивого отображения жизни человека, его труда и борьбы.

Многие песенно-поэтические произведения «Книги песен» правдиво, реалистически отражали жизнь.

«В песнях крестьян,— отмечает Гао Хэн в статье «Введение к «Шицзину»,— описывается главным образом их трудовая деятельность, эксплуатация и угнетение их землевладельцами, описывается их многотрудная жизнь, их мысли и чувства против эксплуатации и гнета, их классовая ненависть; в этих песнях находит свое выражение их активность и боевой характер, субъективные чаяния, выражающие их стремление к счастью и преобразованию общества; проявляются их прекрасные качества — горячая любовь к труду, патриотизм, любовь к справедливости и миру... Это — произведения в высшей степени реалистические и народные» [15].

Характерной чертой полных поэзии и вдохновения песенно-поэтических произведений в разделе «Нравы царств» является их глубокая связь с жизнью, с окружающим человека миром, их подлинная реалистичность. Именно эта замечательная особенность служит основанием для того, чтобы начинать историю реалисти-

---

[15] Гао Хэн. Журнал «Вэнь ши чжэ», 1956, № 5.

ческих традиций китайской литературы с народных песен раздела «Нравы царств» в «Шицзине». Реалистические песни и оды «Шицзина», правдиво отображающие дух своей эпохи, помогают нам ознакомиться с жизнью древнего Китая.

Для многих песен «Шицзина», особенно раздела «Нравы царств», характерны мотивы гневного социального протеста, острая критика общественных отношений, ненависть к жестоким правителям и тиранам. Гневно осуждаются богачи, придворная знать, грабящие трудовой люд и земледельцев, удельные князья и правители, рвущие страну на части.

Интересна в этом отношении «Песнь о трудолюбивом дровосеке и советнике князя», в которой с большой силой обличается паразитизм эксплуататоров и тунеядцев:

Удары звучат далеки, далеки...
То рубит сандал дровосек у реки
И там, где река омывает пески,
Он сложит деревья свои...
И тихие волны струятся — легки,
Прозрачна речная вода...
Вы ж, сударь, в посев не трудили руки
И в жатву не знали труда —
Откуда ж зерно с трехсот полей
В амбарах ваших тогда?
С облавою вы не смыкались в круг,
Стрела не летела из ваших рук —
Откуда ж висит не один барсук
На вашем дворе тогда?
Мы вас благодарным могли б считать
Но долго ли будете вы поедать
Хлеб, собранный без труда?

(I, IX, 6)

Остро обличительный характер многих песен «Шицзина», суровое осуждение паразитического образа жизни господствующих классов, грабивших трудовой люд, несомненно, служат доказательством фольклорного происхождения песен раздела «Нравы царств» и убедительно свидетельствуют о том, что в этих произведениях безвестных авторов нашли свое отображение подлин-

ные чувства простого народа, его тревожные мысли, затаенные надежды и чаяния.

Выдающееся место в этой книге принадлежит песне «Большая мышь», в которой, вероятно впервые в китайском поэтическом творчестве, применяется иносказание. В этой глубоко обличительной песне ненавистные народу силы, его жестокие угнетатели и эксплуататоры изображаются в аллегорической форме — в виде «большой мыши», жадно пожирающей все плоды труда землепашцев. Замечательно, однако, что лейтмотивом исполненной оптимистической веры в торжество народной справедливости песни является жизнеутверждающая мечта тружеников о «счастливой стране», в которой не будет «жадных мышей» и в которой «мы найдем свой новый дом», «правду мы свою найдем»:

Ты, большая мышь, жадна,
Моего не ешь пшена.
Мы трудились — ты хоть раз
Бросить взгляд могла б на нас.
Кинем мы твои поля —
Есть счастливая земля.
Да, счастливая земля,
Да, счастливая земля!
В той земле, в краю другом
Мы найдем свой новый дом.

* * *

Ты, большая мышь, жадна,
Моего не ешь зерна.
Мы трудились третий год —
Нет твоих о нас забот!
Оставайся ты одна —
Есть счастливая страна,
Да, счастливая страна,
Да, счастливая страна!
В той стране, в краю чужом,
Правду мы свою найдем.
На корню не съешь, услышь,
Весь наш хлеб, большая мышь!
Мы трудились столько лет —
От тебя пощады нет.

Мы теперь уходим, знай,
От тебя в счастливый край,
Да, уйдем в счастливый край,
Да, уйдем в счастливый край!
Кто же в том краю опять
Нас заставит так стонать?

(I, IX, 7)

Ряду песен раздела «Нравы царств» свойственна определенная сатирическая направленность. Как и во многих других песнях «Шицзина», здесь прославляется труд простых людей и осуждается знать, противопоставляется жизнь общественных классов того периода, выражается недовольство судьбой бесправных и зависимых. Характерна в этом отношении песня «Вышел я из северных ворот»:

Вышел я из северных ворот,
В сердце боль от скорби и забот —
Беден я, нужда меня гнетет —
Никому неведом этот гнет!
Это так, и этот жребий мой
Создан небом и судьбой самой,—
Что скажу, коль это жребий мой?
Службою царя томят меня,
Многие дела теснят меня,
А приду к себе домой — опять
Все наперебой корят меня.
Это так, и этот жребий мой
Создан небом и судьбой самой —
Что скажу, коль это жребий мой?

(I, III, 15)

Суровая правда о бедствиях и страданиях простого люда, горесть и невзгоды в тяжком подневольном труде и на военной службе, тревожные думы тружеников и солдат нашли свое выражение во многих песнях и одах «Шицзина», например, в песнях «Думы солдат о доме», «Взбираюсь ли я на высокий хребет», «Лишь барабанов бой услыхал».

Среди этих песен мы находим подлинные жемчужины. Прекрасна, например, по мысли и глубине поэтического выражения печальная песня, воплотившая безысходную тоску и благородст-

во чувства угнанного на войну землепашца. Народные творцы песенно-поэтических произведений умели придать простейшим жизненным фактам глубокое значение и смысл, сочетать наивную непосредственность и лирику чувств с суровой правдой жизни:

Жизнь или смерть нам разлука несет,
Слово мы дали, сбираясь в поход.
Думал, что, руку сжимая твою,
Встречу с тобой я старость свою.
    Горько мне, горько в разлуке с тобой,
    Знаю: назад не вернусь я живой.
    Горько, что клятву свою берегу,
    Только исполнить ее не могу.

(I, III, 6)

Значительное место в разделе «Нравы царств» принадлежит песням труда, посвященным теме земледельческих работ, являвшихся главным занятием древних китайцев. Среди этих произведений особое внимание привлекает глубоко содержательная поэма о сельском труде — «Песня о седьмой луне» из цикла «Песни царства Бинь». В этом интереснейшем поэтическом творении воссоздается широкая картина тяжелого рабского труда крестьян, описан годовой комплекс полевых работ, в которых занят весь простой народ, все земледельцы «и стар и млад»:

В дни первой луны пахнёт холодок,
В луну вторую мороз жесток,
Без теплой одежды из шерсти овцы,
Кто год бы закончить мог?
    За сохи беремся мы в третьей луне,
    В четвертую в поле пора выходить —
    А детям теперь и каждой жене
    Нам пищу на южные пашни носить.
Надсмотрщик полей пришел и рад,
Что вышли в поле и стар и млад.
...В четвертой луне трава зацветет,
О пятой луне цикада поет.
В восьмую луну мы сберем урожай,
В десятую — падают листья, кружа.
...Мы рис собираем десятой луной —
К весне приготовим хмельное вино.

Чтоб старцев почтенных с седыми бровями
На долгие годы бодрило оно.
...Сбираем мы травы осенние днем,
А ночью глубокой — веревки совьем.
Лишь кровлю поправить успел я — опять
Пора и весенний посев начинать!

Финалом «Песни о седьмой луне» является описание крестьянского праздника урожая, венчающего труд землепашцев:

У нас на пиру два кувшина с вином,
Овцу и барашка мы князю снесем.
Рога носорога полны вина,
Поднимем их выше и выпьем до дна,
Чтоб жизнь ваша, князь, длилась тысячи лет
И чтоб никогда не кончалась она.

(I, XV, 1)

Образцом трудовой песни из цикла «Нравы царств» может служить песня «Подорожник», покоряющая своей неподдельной простотой, безыскусственностью:

Рву да рву подорожник,
Все срываю его.
Рву да рву подорожник —
Собираю его.
Рву да рву подорожник —
Рву все время его.
Рву да рву подорожник —
Чищу семя его.

(I, I, 8)

Внимательное изучение стихотворений, входящих в «Шицзин», особенно в цикл «Нравы царств», дает основание полагать, что первые народные песенно-поэтические произведения берут свое начало в трудовых процессах, представляют собой фактор, которым работа, в частности полевая, земледельческая, в какой-то мере облегчается, быть может, организуется или стимулируется.

История «Книги песен» свидетельствует также о том, что в ходе дальнейшего развития этого народного песенно-поэтического

творчества и на его основе рождается, а затем выделяется в самостоятельное направление обрядовое и культовое поэтическое творчество, основная цель которого — воздействовать на человека и которое уходит своими корнями в область магических актов, тотемических заклинаний, религиозно-мистического ритуала и т. д.

Песни, вошедшие в цикл «Нравы царств», по своей стихотворной форме представляют собой, главным образом, короткие, в три-четыре строфы, поэтические произведения с характерной системой рифм: а, а, б, а или а, б, в, б. Следует отметить, что, как и всем почти произведениям, народным по форме, этим песням свойственно наличие зачинов, запевов, рефренов, повторов и т. д. Показательна в этом отношении, в частности, «Песня о девушке, собирающей сливы» (из главы «Песни царства Шао и стран, лежащих к югу от него»):

Слива уже опадает в саду,
Стали плоды ее реже теперь.
Ах, для того, кто так ищет меня,
Мига счастливей не будет, поверь.

Сливы уже опадают в саду,
Их не осталось и трети одной.
Ах, для того, кто так ищет меня,
Время настало для встречи со мной.

Сливы опали в саду у меня,
Бережно я их в корзинку кладу.
Тот, кто так ищет и любит меня,
Пусть мне об этом скажет в саду.

(I, II, 9)

К числу наиболее характерных песенно-поэтических произведений из цикла «Нравы царств» подлинно фольклорного происхождения следует отнести песню «На горе растут кусты» из главы «Песни царства Чжэн». Здесь мы видим, как в сердцах людей возникает чувство любви, которое являлось и является предметом вдохновения поэтов всех народов и эпох:

На горе растут кусты,
В топях — лотоса цветы...
Не видала красоты —
Повстречался, глупый, ты.
Сосны на горах растут,
В топях ирисы цветут...
Не нашла красавца тут,
Повстречался мальчик-плут.

(I, VII, 10)

В «Книге песен», особенно в разделе «Нравы царств», многообразна и самобытна поэзия дружбы, целомудренная любовная лирика как фольклорного, так и придворно-литературного происхождения.

Истоки китайской лирической песни уходят далеко в глубь веков, как и истоки всего песенно-поэтического творчества. В основе китайской лирики лежит народное творчество, фольклорная песня. Лирическая песня в древнем Китае, развивавшаяся в самой тесной связи с жизнью народа, с народным бытом, характеризуется широким тематическим многообразием, выражает думы и чаяния народа, самые сокровенные человеческие чувства и мысли. «Самые прекрасные стихи самых великих поэтов в истории нашей жизни,— отмечает известный современный китайский поэт Ли Цзи,— были голосом души народа, ибо они выражали народные чаяния и идеалы. И потому эти стихи дошли до настоящего времени и будут жить вечно. Время не в состоянии ослабить их ослепительный блеск.

Поэты нашего времени также должны быть представителями народа, и если в их поэзии не будет народных мотивов, то они будут походить на богато одетую женщину с бедной душой» [16].

Лирика откликалась не только и, быть может, не столько на темы выдающихся событий. Для лирических произведений, пожалуй, и не требовалось каких-либо исключительных обстоятельств и явлений. Лирические песни, как форма поэтического творчества, несомненно, были очень отзывчивы к повседневным

---

[16] Ли Цзи. Мир и счастье. «Литературная газета», 21 июня 1956 г.

бытовым явлениям, к внутреннему настроению человека, его переживаниям. В них нашли отражение многовековая духовная жизнь народа, его художественные идеалы, его эстетические чувства. Они несут в себе жизнь с ее радостями и наслаждениями: сильной и сердечной дружбой, сладостными мечтами о возлюбленном, о счастливом супружестве, глубоких и верных чувствах. Им свойственна необыкновенная любовь к человеческой жизни в любых ее проявлениях, в том числе и в форме невзгод, мук и страданий. Тесные и многообразные формы связи китайской лирики с жизнью придавали ей огромную силу и обусловливали ее популярность в народе.

«Лирические песни «Шицзина», содержащиеся в них мысли, чувства и ожидания,— отмечает современный литературовед Чжань Ань-тай в статье «Народность и дух реализма в произведениях «Шицзина»,— носят достаточно здоровый характер. Благодаря здоровым мыслям, чувствам и надеждам, выраженным простым, безыскусственным и живым художественным языком, эти песни смогли стать любимыми народными произведениями. Указанные традиции в фольклорной литературе непрерывно наследовались и развивались вплоть до свержения феодального режима; подобные лирические песни все еще занимают важное место в народной литературе» [17].

В песне «Стала я Чжуна просить» из главы «Песни царства Чжэн» волнующе звучит вечно живая тема любви девушки и юноши. Непреодолимым препятствием встали на пути юных сердец беспощадные традиции семейного уклада. Любовь девушки может нарушить волю родителей — «Страшно прогневать отца мне и мать!». Движимая чувством тревоги и страха, она вынуждена склониться перед жестокостью кодекса чести, боясь «суровых родительских слов», осуждения со стороны братьев, «недоброй в народе молвы». В песне «Стала я Чжуна просить», исполненной глубокой печали и безысходности, обличается жестокость

---

[17] Чжань Ань-тай. Журнал «Жэньминь вэньсюэ», Пекин, 1953, № 7—8.

феодальных семейных канонов, которые нередко были причиной гибели влюбленных молодых людей:

Чжуна просила я слово мне дать
Не приходить к нам в деревню опять,
Веток на ивах моих не ломать.
Как я посмею его полюбить?
Страшно прогневать отца мне и мать!
Чжуна могла б я любить и теперь,
Только суровых родительских слов
Девушке нужно бояться, поверь!..

(I, VII, 2)

Безыскусственной простоты и непосредственности полны строки из песни «Коль обо мне ты с любовью подумал»:

Коль обо мне ты с любовью подумал —
Подол приподняв, через Чжэнь перейду.
Если совсем обо мне ты не думал —
Нет ли другого на эту беду?
Самый ты глупый мальчишка из всех!

(I, VII, 13)

Замечательны своей задушевностью такие произведения из глав песен царств Чжэн и Чжоу, как «В третью луну в праздник сбора орхидей», «Вдоль дороги большой я пришла», «Уйду ли, мой милый, на сбор конопли» и многие другие.

Той порой Чжэнь и Вэй
Разольются валами,
И на сбор орхидей
Выйдут девы с дружками.
Молвит дева дружку:
Мы увидимся ль, милый?».
Он в ответ: «Я с тобой,
Разве ты позабыла?»
«Нет, опять у реки
Мы увидимся ль, милый?
На другом берегу
Знаю место за Вэй я —
На широком лугу

Будет нам веселее!»
С ней он бродит над Вэй,
С ней резвится по склонам,
И подруге своей
В дар приносит пионы...

(I, VII, 21)

В разделе «Нравы царств» содержатся также песни, посвященные темам замужества, свадебных торжеств, брачных обрядов. Одной из таких песен является величальная невесте — «Выезд невесты» из главы «Песни царства Шао и стран, лежащих к югу от него».

Интересна по настроению, по грустной интонации песня под названием «Радуга» — о невесте, уходящей к своему супругу и покидающей родительский дом, «братьев своих и отца и мать»:

Радуга встала в небе с востока —
Никто не смеет рукой указать...
Девушка к мужу идет, покидает
Братьев своих, и отца, и мать.
Радуга утром на западе всходит,—
Будет все утро дождь без конца.
Девушка к мужу идет, покидает
Братьев своих, и мать, и отца.

(I, IV, 7)

Нередко в скупых отточенных строфах воспевается счастливое супружество — радостный союз преданных до конца своих дней сердец. Одно из таких произведений — «Лист пожелтелый» из главы «Песни царства Чжэн»:

Лист пожелтелый, лист пожелтелый
Ветер несет в дуновенье своем.
Песню, родной мой, начни,— я хотела
Песню продолжить, мы вместе споем.
Лист пожелтелый, лист пожелтелый
Ветер кружит и уносит с собой...
Песню продолжи, родной,— я хотела
Песню окончить с тобой.

(I, VII, 11)

Искренней радостью и счастьем полны строфы песни «Ветер с дождем», в которой устами жены рассказывается о волнующем чувстве, верной супружеской любви... Чтобы контрастнее оттенить глубоко интимную обстановку под кровлей счастливых супругов, автор рисует картину ненастья:

Ветер с дождем холодны, словно лед...
Где-то петух непрерывно поет.
Только, я вижу, супруг мой со мной —
Разве тревога в душе не замрет?
Ветер бушует — он резок и дик...
Вновь петушиный доносится крик.
Только, я вижу, супруг мой со мной —
Разве мне в сердце целящий покой не проник?

(I, VII, 16)

Весьма значительное место в разделе «Нравы царств» занимают песни, в которых звучит нерадостный, печальный тон, ноты безысходной тоски и драматизма.

Здесь выражена горечь разлуки с родимым очагом, вдали от «милых братьев», как, например, в песне «На чужбине» из главы «Песни царства Чжоу»:

Сплелись кругом побеги конопли
По берегу речному возле гор...
От милых братьев я навек вдали,
Чужого я зову отцом с тех пор...
Чужого я зову отцом с тех пор —
А он ко мне поднять не хочет взор.

(I, VI, 7)

Здесь и жгучие страдания и гневная обида в сердце брошенной супруги на неверного мужа, которому «Верная стала отравой жена», как об этом повествуется в «Песне оставленной жены» из главы «Песни царства Бэй»:

Тихо иду по дороге... Гляди,
Гнев и печаль я сокрыла в груди.
Недалеко ты со мною прошел,
Лишь до порога меня проводил.

Горьким растет, говорят, молочай,—
Стал он мне слаще пастушьей травы.
Будто бы братья, друг другу верны,
С новой женою пируете вы.

(I, III, 10)

Здесь и тягостное одиночество печального скитальца, покинувшего родимый край, оторванного от родного дома, лишенного «братьев и близких», о чем, например, рассказывается в «Песне об одиноком дереве»:

Груша растет от деревьев других в стороне,
Ветви раскинулись в разные стороны, врозь,
Так же и я одиноко брожу по стране.
В спутники разве чужого не мог бы я взять?
Но не заменит он брата родимого мне!
Вы, что проходите здесь по тому же пути,
Разве не жаль вам того, кто совсем одинок?
Близких и братьев лишен человек, почему
В горе ему на дороге никто не помог?

(I, X, 6)

О скорби в сердце тоскующей жены, охваченной тревогой и страхом, забытой своим мужем, говорится в песне царства Цинь «Тоска о муже»:

Ветвистые вижу дубы над горой,
Шесть вязов я вижу в долине сырой
Давно уж супруга не видела я,
И боль безысходная в сердце порой.
О, как это стало? Ужель я одна,
Надолго забытой остаться должна?

(I, XI, 7)

Или в таких песнях, как «В траве ли цикада звенит» и «Мышиные ушки»:

Еду ль на гору я — за горою мой милый.
Но коней обессилила горная даль,
И возница теряет последние силы,
И на сердце такая печаль.

(I, I, 3)

Глубокой скорбью полны многие песни, в которых рассказывается о мучительной тоске по супругу, ушедшему в боевой поход, на битву с вражескими полчищами, на царскую службу. Тосклu-вы эти чувства и горестны такие песни, как «Тоска о муже, посланном в поход», из главы «Песен царства Вэй»:

Часто мы просим у неба дождя —
Солнце ж все ярче блестит в синеве.
Мыслями вечно к супругу стремлюсь,
В сердце усталость, и боль в голове!
Где бы добыть мне забвенья траву?
Я посажу ее к северу, в тень.
Мыслями вечно к супругу стремлюсь,
Сердце тоскует больней, что ни день.

(I, V, 8)

Те же чувства выражены в песне «Грохочет гром» из главы «Песен царства Шао»:

Гулко грохочет гром —
Там, от Наньшаня на юг.
Как ты ушел? Ведь гроза кругом!
Ты отдохнуть не посмел, супруг!
Милый супруг мой, прошу об одном:
О возвратись же скорей в наш дом!

(I, II, 8)

Безмерно чувство радости, искреннего ликования в песнях, посвященных возвращению воина с поля брани целым и невредимым, желанной встрече истосковавшихся в разлуке влюбленных. Вот как это выражено в песне «Радость возвращения с похода» из главы «Песни царства Чжоу»:

Весел супруг мой — нет ни тревог, ни забот.
Вижу: он в левую руку шэн свой берет,
Машет мне правой — в дом за собою зовет.
Как наша радость, моя и его, велика!
Весел супруг мой — он мирную радость хранит.
Вижу: для пляски в левой руке его щит,
Машет мне правой — взойти на площадку велит.
Как наша радость, моя и его, велика!

(I, VI, 3)

В песнях цикла «Нравы царств», в которых в поэтической форме отражен дух времени, в значительной степени запечатлены специфика и оттенки живой речи людей далекой эпохи. Лексическая особенность песен состоит также и в том, что в них применяются многие слова и идиоматические выражения, взятые из свободного и вечно меняющегося живого народного языка. Но, быть может, именно благодаря этой нерасторжимой связи с живым разговорным языком народа песенно-поэтические произведения «Шицзина» приобретают особую яркость и самобытность, потому что живая речь с ее специфической лексикой, самобытными идиоматическими оборотами дает лучшее представление о своеобразии жизни, быта и образе мыслей народа, чем многие литературно приглаженные и отшлифованные произведения прозы и поэзии.

IV

Вторая часть «Книги песен» — «Малые оды», которых насчитывается в «Шицзине» восемьдесят, представляет собой по большей части образцы поэтических произведений придворных стихотворцев, воспевающих добродетели и подвиги старинных правителей. «Малые оды» — это своеобразное поэтическое полотно, на котором изумительно вытканы картины древней жизни китайского общества.

Помимо произведений, созданных при дворах правителей, в книге «Малые оды» содержатся также образцы поэтического творчества народного происхождения.

Среди произведений придворной поэзии значительное место занимают оды на тему о преданной службе царю, о верноподданнических чувствах приближенных царя, славословия царю вроде —

Небо навеки храни тебя, царь!
Сила твоя да пребудет тверда,
Благо и счастье да будет тебе,
Да не иссякнут они никогда!

(II, I, 6)

— о ратных подвигах в походах против гуннов; о царской охоте, на которой также господствовали чопорная обрядность, иерархический церемониал:

По четверке коней в колесницы князей впряжены,
И одна за другою четверки приходят на стан.
Наколенники алые, в золоте туфель сафьян,
Собираются гости, блюдя и порядок, и сан.

(II, III, 5)

Здесь и оды радушному хозяину, не поскупившемуся на яства и вино:

Всякой-то рыбы мережа полна:
Карпов, форели не счесть!
Доблестный муж наготовил вина —
Вина прекрасные есть.

(II, II, 3)

Или знаменитая ода «Встреча гостей», в которой мы кстати встречаем древний поэтический образ «криков оленей», ставший в китайском языке символом веселья, торжественной трапезы, пиршества:

Согласие слышу я в криках оленей,
Что сочные травы на поле едят.
Прекрасных гостей я сегодня встречаю —
И слышу я цитры и гуслей игру,
Я слышу и цитры и гуслей игру,
Согласье и радость в удел изберу.
Отменным их ныне вином угощаю —
Прекрасных гостей веселю на пиру.

(II, I, 1)

Здесь и славословие «достойным гостям», которым хозяин желает «жизни на века и века»:

На южной горе вижу поросли ив,
На северной — рощи обильные слив.
Достойные, милые гости мои
Народу заменят и мать, и отца,
Достойные, милые гости мои,
Их доблестной славе не будет конца!

(II, II, 7)

Здесь и ода царственному пиршеству:

Густая, густая повсюду роса
Без солнца не высохнут росы кругом...
Мы длим свою радость, мы пьем в эту ночь,
Никто не уйдет, не упившись вином.

(II, II, 10)

Здесь и произведения придворных стихотворцев, отразившие характерное отношение к женщине, в известной мере сохранявшееся в китайском обществе на протяжении многих веков, особенно в среде аристократии. Вот как это выражено в придворной оде «Новый дворец»:

Коль сыновья народятся, то спать
Пусть их с почетом кладут на кровать,
Каждого в пышный оденут наряд,
Яшмовый жезл как игрушку дарят.
Громок их плач... Заблестит, наконец,
Их наколенников яркий багрец —
Примут уделы и царский дворец!
Если ж тебе народят дочерей,
Спать на земле уложи их скорей,
Пусть их в пеленки закутает мать,
В руки им даст черепицу играть!
Зла и добра им вершить не дано,
Пищу варить им, да квасить вино,
Мать и отца не заставить страдать.

(II, IV, 5)

Есть и произведения, содержащие критику господствующего режима, в которых звучит открытое недовольство, как, например, «Ода благородного Цзя Фу, обличающая царя и царского советника Иня»:

Неба великого гнев над страною!
Смута, предела не зная, растет,
И умножается с каждой луною,
Благостей мира лишая народ.
Сердце как будто пьяно от печали..
Кто у нас держит кормило страны?
Править страной вы давно перестали.—

Скорбь и страданья народа страшны!..
Небо великое в гневе сурово!
Царь наш покоя не ведает снова —
Сердце смирить он не хочет и только
Гневом встречает правдивое слово.

(II, IV, 7)

Аналогичные мысли выражаются и в «Оде ушедшим от смуты в иные земли»:

Велик ты, неба вышний свод!
Но ты немилостив и шлешь
И смерть, и глад на наш народ,
Везде в стране чинишь грабеж!
Ты, небо в высях, сеешь страх,
В жестоком гневе мысли нет;
Пусть те, кто злое совершил,
За зло свое несут ответ,
Но кто ни в чем не виноват —
За что они в пучине бед?

(II, IV, 10)

Близка по содержанию этим произведениям и прославленная «Ода о клеветниках», в которой поэт гневно обличает «лживые слова» льстецов и «мастеров клеветы»:

Причудливо вьется прекрасный узор —
Раку́шками тканная выйдет парча.
Смотрю я на вас, мастера клеветы!
Давно превзошли вы искусство ткача...
Лжецов клеветавших схватил бы я сам
И бросил бы тиграм их всех и волкам;
Коль тигры б и волки их жрать не смогли,
На север их кинул бы к краю земли;
Коль в мрачные север не примет края,
К великому небу их кинул бы я!

(II, V, 6)

Следует, однако, иметь в виду, что господствующие классы, знать, а также их идеологи,— в частности, представители конфуцианства,— нередко стремились использовать в своих корыстных

интересах как памятники фольклорного поэтического творчества, так и деятельность художников слова, живших в различные исторические периоды. Недовольство и критика исходили нередко от тех представителей аристократии, которые стремились к захвату государственной власти. Именно в этой связи и должна рассматриваться критика правящих кругов, содержащаяся в разделе придворной поэзии «Шицзина», в отличие от критики и жалоб, звучащих в произведениях чисто народных.

Помимо произведений придворной поэзии, в разделе «Малые оды» есть прекрасные поэтические образцы, которые трудно в полной мере отнести к литературной или фольклорной поэзии, но которые, однако, строятся в значительной степени в соответствии с принципами народного песенно-поэтического творчества. Это, в частности, можно видеть на примере «Оды о дружбе», отрывки из которой Мао Цзэ-дун цитирует в одной из своих работ:

Согласно стучит по деревьям топор,
И птичий исполнен согласия хор,
Их стая, из темной долины взлетев,
Расселась в вершинах высоких дерев.
Их песни звучат голосисто средь гор —
Подруга с подругой ведет разговор.
Смотри: если птица подругу зовет,
Подруга с подругой ведет разговор,
То как человеку друзей не искать,
Не к другу ль его устремляется взор?
И светлые духи, услышав о сем,
Даруют согласье, и сгинет раздор.

(II, I, 5)

Наконец, в разделе «Малые оды» мы находим также поэтические произведения фольклорного происхождения, близкие по своему характеру и тематике к песням из книги «Нравы царств». Тут и оды, посвященные земледельческому труду, например, ода «Большое поле», в которой не только рассказывается о полевых работах, но и ставятся вопросы общественных отношений:

Много нам сеять на поле — большое оно.
Мы приготовили все — отобрали зерно.
Все приготовили мы, за работу пора;
Каждая наша соха, как и надо, остра.
С южных полей начинаем мы землю пахать,
Всяких хлебов мы довольно посеять должны.
Княжеский правнук доволен, что всходы пышны.
Прямо они поднялись, высоки и сильны...
Общее поле сначала дождем ороси,
После коснись ты и наших отдельных полей!
Вот молодые колосья остались не срезаны там,
Связку вот эту оставим на поле смелей;
Горсть оставляем иную на поле зерна,
Эти колосья не тронем, совсем не сожнем.
Вдовым на пользу оставлено,— вдов пожалей!

(II, VI, 8)

Тут и печальные строфы, рассказывающие о труде простого народа, о походе через пустыню, как, например, в чудесной оде «То гуси летят»:

То гуси летят, то летят журавли,
И свищут, и свищут крылами вдали...
То люди далеким походом идут,
И тяжек, и труден в пустыне поход,
Достойные жалости люди идут,
О, горе вам, сирый и вдовый народ!

(II, III, 7)

Тут и скорбная поэма о воине, в ожидании которого «тоскою поражено сердце жены». Полна грусти и ода «В ожидании мужа, ушедшего в поход»:

Стоит одинокая груша, смотрю:
Прекрасны плоды, что созрели на ней.
Нельзя быть небрежным на службе царю —
И тянется нить бесконечная дней.
Дни быстро склонились к десятой луне,
И сердце тоска разрывает жене —
Солдат отдохнуть не вернется ль ко мне?

(II, I, 9)

Во многих произведениях звучат мотивы социального протеста, протеста против бездельников, жадно толпящихся у царского трона. Таково стихотворение «О несправедливости»:

Одни, отдыхая, живут, веселясь на пирах,
Другие же служат стране, изнывая в трудах,
Одни отдыхают, в постелях своих развалясь,
Другие в пути бесконечном и в холод, и в грязь...
Предавшись утехам, вино попивают одни,
Другие в тревоге — упрека боятся они.
Одни в пересудах вне дома и дома — везде,
А всякое дело другие свершают в труде.

(II, VI, 1)

Аналогично содержание и песни «Жалобы воинов, слишком долго задержанных на службе царю»:

О ратей отец!
Мы — когти и зубы царям!
Зачем ты ввергаешь нас в горькую скорбь?
Нет дома, нет крова нам.

(II, IV, 1)

При изучении поэтических произведений «Книги песен» нельзя, конечно, забывать того, что художественно-поэтическое творчество всякой исторической эпохи обусловливалось конкретной исторической обстановкой, характером общественных отношений, национальными особенностями народа, уровнем его материального и духовного развития. Именно поэтому многим безвестным творцам поэтических произведений были свойственны ограниченные представления о жизни общества, о социальных идеалах, хотя некоторым все же удавалось подниматься до уровня передовых идей своего времени, до уровня возможных для него социальных обобщений.

* * *

Третья часть «Книги песен» — «Великие оды», которых насчитывается в «Шицзине» тридцать одна, представляет собой

главным образом сборник поэтических произведений племени чжоу.

Существует разделяемое многими исследователями мнение, что древняя китайская литература не знала эпоса (или, возможно, он до нас не дошел); однако вопрос о наличии эпоса в древнекитайской литературе все еще нельзя считать выясненным, и он требует дальнейшей разработки. В связи с этим необходимо обратить внимание, в частности, на содержащиеся в разделе «Великие оды» произведения, которые, на наш взгляд, можно рассматривать как памятник древней китайской эпической поэзии. Так, например, среди «Великих од» имеется сравнительно большое эпическое по своему характеру произведение, повествующее об истории племени чжоу, переселившегося с запада в район басейна реки Хуанхэ. Ода начинается следующим историческим введением:

Тыквы взрастают одна за другой на стебле...
Древле народ обитал наш на Биньской земле,
Реки и Цюй там и Ци протекают, струясь.
В древности Дань-фу там правил — наш предок и князь.
Людям укрытья и норы он сделал в те дни —
И ни домов, ни строений не знали они.

В весьма сжатой, лаконичной форме рассказывается далее о подготовке к походу, о переселении племен, о том, как «кони вдоль западных рек устремились» и «достигли подножия Циской горы», как искали место, где следует расположиться и «строить дома»:

Чжоу равнины — прекрасны и жи́рны они,
Горькие травы тут сладкими были в те дни...
Мы совещались сначала — потом черепах
Мы вопрошали: остаться ли в этих местах?
Здесь оставаться! — Судьба указала сама —
Здесь и постройки свои возводить, и дома.

(III, I, 3)

Значительное число произведений, включенных в раздел «Великие оды», посвящено, как и в цикле «Малых од», прослав-

лению правителей глубокой старины — особенно основоположника династии Чжоу — У-вана (царя Воинственного), под чьим водительством чжоуское племя в 1122 г. до н. э. одержало победу над иньским племенем и положило конец «династии» Инь, и его отца Вэнь-вана (царя Просвещенного) (III, I, I); восхвалению государя Хоу-цзи (государь Зерно) и «Благосклонного государя» (III, II, 7); песнопению «доброму царю» (III, VI, 8) и т. д. и т. п.

Значительный интерес представляют произведения в разделе «Великие оды», в которых поднимаются вопросы социального характера, осуждается бездарность правителей и их приближенных. Внимания заслуживает в этом отношении ода «Народ страждет»:

Народ наш страждет ныне от трудов —
Удел его пусть будет облегчен.
Подай же милость сердцу всей страны,
Чтоб мир снискать для четырех сторон.
Льстецам бесчестным воли не давай,
Чтоб всяк недобрый был предупрежден.
Закрой пути злодеям и ворам —
Небесный ведь не страшен им закон.
Дай мир далеким, к близким добрым будь,
Да укрепится этим царский трон!

(III, II, 9)

Не менее энергичные выражения содержатся и в другом произведении — «Ода в поучение беспечному царедворцу»:

В дни, когда небо лишь беды нам шлет с высоты,
Не подобает быть вовсе веселым, как ты.
...Вид и достоинство ныне теряешь ты сам!
Добрые люди подобны теперь мертвецам:
В дни, когда плач и стенанье — народа удел,
Вникнуть в причину стенанья никто не посмел!
Смута везде, разоренье и гибель и вот:
Нет никого, кто б утешил наш бедный народ!

(III, II, 10)

Грозное предупреждение о том. что в стране «мира не стало, и смута родится» и «всюду лишь горе и пепел заметишь!» звучит в оде «Бесчестным правителям»:

Царство идет к своей гибели скорой,
Небо оставило нас без опоры!
Даже пристанища нам не найти.
Как мы идем, по какому пути?
Коль благородные люди на деле
В сердце охоты к вражде не имели,
Кто ж породил бесконечное зло,
Что́ нас к несчастью теперь привело?

(III, III, 3)

Самый суровый приговор выносится приближенным сановникам царя, которые должны ответить за свои тяжкие преступления. Характерна в этом отношении «Ода бесчестным советникам царя», завершающая цикл «Великих од»:

Небо благое взъярилось и гнева полно́ —
Щедро нам смерти теперь посылает оно,
Нас удручая, послало нам голод и мор.
Весь наш народ, погибая, разбрелся кругом,
В царстве до самых границ запустенье с тех пор.
Карами небо, как сетью всех нас облекло!
Черви, грызущие нивы! Вы сеете зло.
Долга не помня, и мрак и насилье творя,
Злые смутьяны, вы призваны править страной,
Нашу страну успокоить, по воле царя!

(III, III, 11)

Среди поэм книги «Великие оды», как и в других разделах, мы находим и такие произведения, в которых рассказано о полевых работах, о земледельческом труде и связанных с ним явлениях природы и стихийных бедствиях. Здесь обращает на себя внимание «Ода о засухе», в которой повествование ведется от имени самого царя. Характерно, что царь как бы принимает на себя ответственность за страшные несчастья, обрушившиеся на страну и народ. Он считает, что всему виной было его неумение править, хотя признание вины носит скорее условный, оправда-

тельный характер — «Всем духам я моленья возносил, жертв не жалея».

А засуха ужасна и грозна,
И зной, скопясь, поднялся к небесам.
Я жертвы непрестанно возношу,
Переходя с мольбой из храма в храм.
Давно погребены мои дары
И небу, и земле, и всем богам,
Но Князь-Зерно помочь в беде не мог,
А царь небесный не снисходит к нам.
Чем видеть мор и гибель на земле,
Я кару принял бы за царство сам!

(III, III, 4)

Четвертая часть «Книги песен»,— «Гимны». Они представляют собой собрание древних храмовых песнопений и культовых гимнов в честь духов, предков и мудрых царей китайской древности. Гимнов в «Шицзине» насчитывается сорок, из них «Гимнов дома Чжоу» — тридцать один, «Гимнов князей Лу» — четыре и «Гимнов дома Шан» — пять.

Среди гимнов дома Чжоу основное место занимают хвалебные песнопения, несомненно, сложенные придворными стихотворцами в честь «доблести царя Просвещенного» (Вэнь-вана — IV, I, 2, IV, I, 3, IV, I, 5 и т. д.), а также прославляющие заслуги царя Воинственного (У-вана, наследника Вэнь-вана — IV, I, 9 и т. д.). Допускаемая в этих стихотворениях явная поэтическая гиперболизация не является, однако, в полной мере беспочвенной. Она в известной степени находит подтверждение в исторических фактах.

Помимо песнопений в честь древних царей, среди чжоуских гимнов есть несколько произведений, посвященных таким темам, как повеление царя надсмотрщикам над земледельческими работами (IV, VI, 2); как приветствие гостям (IV, VI, 3); как благодарение за урожай (IV, II, 4); как приготовление к жертвоприношению (IV, III, 7) и т. д.

Встречаются среди гимнов и произведения на тему о трудовых процессах, главным образом полевых, земледельческих.

В отличие от песнопений и хвалебных гимнов, сложенных придворными поэтами, произведения о труде «простого люда», по всей вероятности, являлись в своей основе фольклорными, но впоследствии подверглись литературной обработке. Автор статьи «Народность и дух реализма в произведениях «Шицзина» Чжань Ань-тай[1] отмечает, в частности, что, по его мнению, произведения о трудовых процессах, содержащиеся в разделах од и гимнов, в основе своей созданы авторами из среды трудящихся или близких к людям труда, поскольку произведения, отображающие реальную действительность, могли быть созданы только самими людьми труда или близкими к ним лицами, сумевшими в процессе длительной жизненной практики приобрести конкретный опыт подобной деятельности. В указанной статье отмечается далее, что представители господствующих классов, в свою очередь, могли, в своекорыстных целях, стремясь еще более упрочить и усилить эксплуатацию земледельцев, сочинять произведения, в которых поощряются земледелие и животноводство, однако описывая трудовые процессы, создавая конкретные живые образы, они не могли не опираться на образцы художественного творчества народных или близких трудовому народу авторов. Они, как можно предполагать, литературно обрабатывали первоначальный фольклорный материал и приспосабливали его к своим взглядам, своим классовым интересам.

Обращает на себя внимание с этой точки зрения гимн «Благодарение за урожай», в котором воссоздается широкая картина труда земледельцев. Он заслуживает того, чтобы привести его полностью. Примечательно, что основная тема дана в очень сжатых и выразительных формах и образах:

I

Соху — наточим — она и добра и остра:
Ныне на южные пашни сбираться пора.

---

1 Чжань Ань-тай. Журнал «Жэньминь вэньсюэ», №№ 7, 8. Пекин, 1953 г.

II

Всякого хлеба посеется ныне зерно,
Жизни зародыш в себе заключает оно.

III

Вас повидать мы на южные пашни придем,
Круглых корзин и прямых мы с собой принесем,
Мы вас накормим сегодня отборным пшеном.

IV

Вот бамбуковые шапки в движенье пришли,
Вот их мотыги врезаются в землю, в пыли,—
Горькие травы повыдернут все из земли.

V

Горькие травы погнили на месте — и вот,
Просо метелками пышно и буйно растет.

VI

Режут и режут серпами они заодно,
В плотные, плотные груды ссыпают зерно;
В груды высокие, как крепостная стена,
Гребню густому как будто подобна она.
Двери раскрыты у сотен домов для зерна.

VII

Полными хлеба стали в селенье дома:
Дети ликуют, ликует хозяйка сама!

VIII

Ныне зарежем мы с черною мордой быка,
Кривы рога его будут и рыжи бока;
В жертву, как прежде бывало, его принесем,
Нашим отцам подражая всегда и во всем.

(IV, III, 6)

Автор указанной статьи Чжань Ань-тай отмечает, что в этом небольшом поэтическом произведении каждая строка, каждая фраза посвящена теме труда, земледелия и связанным с ними явлениям в сельской жизни,— начиная с первых слов «Соху на-

точили — она и добра и остра» и кончая заключительными строками о древнем обычае приносить животных в жертву духам. Художественные образы этого гимна свидетельствуют о знании конкретных особенностей полевых работ и характерных примет времени разных трудовых процессов, живо, реалистически отображенных здесь поэтическими средствами. Тем не менее — указывается в упомянутой статье — этот гимн, являющийся, в основе своей, быть может, фольклорным произведением, представляет собой образец литературной обработки, когда поэты, по всей вероятности, ограничились лишь поэтической и стилистической правкой первоначального материала.

Именно об этом свидетельствуют примененные в гимне языковые средства (в китайском оригинале) — своеобразный лексический состав, сочетания иероглифических обозначений, встречающихся в других поэтических произведениях не фольклорного происхождения, характерные для литературной поэзии, стилистические особенности речи.

Близок гимну «Благодарение за урожай» по смыслу и средствам художественного воплощения другой гимн в этом же разделе — «Урожай». В гимне «Урожай» встречаются даже буквальные повторения отдельных выражений и фраз, содержащихся в гимне «Благодарение за урожай», например: «Всякого хлеба посеется ныне зерно, жизни зародыш в себе заключает оно»; однако в целом для гимна «Урожай» характерно более возвышенное, подлинно патетическое звучание:

...То́лпами, то́лпами вышли жнецы на поля,
Грудами хлеба покрылась повсюду земля.
Груд мириад-мириады! Скопилось зерно —
Будут и крепкое, и молодое вино.
Жертвами дедов и бабок своих одарят:
Хватит вина, чтобы выполнить каждый обряд.

(IV, III, 5)

V

«Книга песен» раскрывает древнюю эпоху истории китайского народа, быть может, полнее и глубже, чем многие исторические, этнографические и другие работы о китайской старине.

«Шицзин» может быть рассмотрен с различных точек зрения. Книга эта может быть рассмотрена, как памятник исторический, так как содержит ценнейшие сведения о социальном строе древнего Китая, общественных отношениях, обычаях и обрядах, сохранившихся от еще более далеких эпох, о развитии материальной культуры в эпоху Чжоу,— словом, воспроизводит жизнь древнего Китая во всем ее многообразии и с редкой полнотой. Книга может быть рассмотрена как часть конфуцианского канона,— в этом случае на материале комментариев различных эпох на «Книгу» можно было бы проследить борьбу нескольких школ внутри конфуцианства и эволюцию этого учения; можно было бы ознакомиться на материале книги и комментариев к ней с конфуцианским учением об «идеальном порядке вещей, правления и обрядов», с конфуцианскими идеалами государственности и политическими устремлениями конфуцианцев. «Шицзин» может быть рассмотрен и как ценнейший материал для лингвиста,— как памятник архаического китайского языка и как средство к раскрытию его древней фонетики. С помощью этой книги может быть прослежена эволюция китайского языка, переход его от одних форм к другим. Каждая из перечисленных точек зрения вполне закономерна и требует своего особого метода и своего подхода к «Книге песен».

Наконец,— и это самое важное для вас,— «Шицзин» может быть рассмотрен как памятник древней китайской литературы, как составная часть литературы мировой. Тем более важно не только научное исследование этого памятника, но и ознакомление с ним советского читателя с помощью возможно более адэкватного литературного перевода. Это ставит перед переводчиком особые задачи и подсказывает ему особые методы разрешения этих задач. Язык памятника является языком архаическим, непонятным без комментария не только современному, но даже и средневековому китайцу, но вместе с тем язык памятника является и живой стихией, которой свободно владели древние поэты, создавшие этот памятник. Казалось бы, что переводчику надлежит пользоваться языком по крайней мере «Слова о полку

Игореве», чтобы соблюсти пропорции между современными и древними языками, но, во-первых, это потребовало бы перевода с перевода; во-вторых, переводчик должен сопоставить китайскую языковую стихию со стихией русского языка, которым он владеет, т. е. с современным русским языком. Требуются, очевидно, иные средства и методы для передачи присущего памятнику древнего стиля и духа.

Прежде всего необходимо сближение языка перевода с языком и стилем лучших русских переводов древней классической литературы. Обычно стихотворный перевод требует передачи следующих элементов чужого стиха: а) образов подлинника, б) ритма и просодии, в) архитектоники строк с сохранением системы рифм подлинника. Но первое же из этих требований заставляет переводчика «Шицзина» в ряде случаев отклоняться от точного перевода оригинала: например, точная передача названий некоторых растений едва ли возможна, так как их вообще нет в русском языке; названия же других (как, например: божье дерево, заячья капуста, пастушья сумка и т. п.) заведомо исказили бы китайский образ. В поэтическом переводе невозможно вставить латинские названия, как это имеет место в переводах научных, филологических,— и это вынуждает переводчика прибегать к каким-либо «заменителям», применяя в переводе названия сходных по своим качествам растений и давая в ряде случаев в примечаниях их латинские названия. Сохранять везде китайские названия растений не удается, не впадая в чуждую русскому переводу экзотику.

Иногда китайский образ, будучи понятным для китайского читателя, требует своего раскрытия и объяснения для читателя русского. В точном филологическом переводе таким средством раскрытия непонятного образа служит обычно примечание, однако в поэтическом переводе это обычное средство явилось бы моментом, тормозящим непосредственное восприятие стиха, и поэтому требуется найти иные способы разъяснения текста. Таковы были — среди прочих — трудности, вставшие перед переводчиком «Шицзина». Остюда — длинные подзаголовки к стихам

в русском переводе, которыми автор его стремился подготовить читателя к свободному восприятию самого стиха, тогда как в китайском тексте заголовком к каждому произведению служат два или четыре слова первой строки. Иногда — в целях разъяснения китайского образа — оказалось необходимым добавлять в русском переводе одно или два слова, отсутствующие в самом тексте, как, например, в стихах:

Признак зловещий; здесь только лисица красна;
Воронов видишь — здесь только их стая черна.

Слова «признак зловещий» переводчиком добавлены,— но увидеть лисицу и ворона было для древних китайцев именно «зловещим признаком», и без этих пояснительных слов китайский образ остался бы для русского читателя нераскрытым или пришлось бы обесцветить его примечанием.

Основной же трудностью является передача китайского ритма. Начать с того, что «Книга песен» записана иероглифами, древнее чтение которых до сих пор еще полностью не установлено. Особенности китайской архаической ритмики также остаются неизвестными. До сих пор окончательно не разрешен вопрос — строился ли ритм китайского архаического стихотворения, как средневекового, на чередовании так называемых «ровных» и «косых» тонов,— т. е. на чередовании односложных слов, произносимых с различной длительностью и высотой,— или строился он на чередовании ударных и неударных слогов, как ритм нашего стихотворения. Если бы он строился на чередовании тонов, то, как известно, в русском языке средств передать такой ритм не существует и это ясно всякому, кто хоть раз слышал декламацию китайцами своих стихов. Были попытки «приблизиться» к китайскому ритму в стихотворном переводе путем механической замены китайского слова-слога русской стопой, но трудно назвать это даже «приближением» — так как подобное приближение ничего не давало бы русскому читателю: эмоциональная близость к китайскому ритму таким путем не достигается, тем более, что каждый из видов русской стопы создает свое

особое впечатление. Передача китайского слога русской стопой еще имеет некоторое значение при переводе средневековых китайских четверостиший для обозначения цезуры или при переводе произведений с меняющимися китайскими ритмами; можно признать, что в переводе расстановка ударений на каждом значимом слове русского стиха повышает поэтическую выразительность слов, но из этого совсем не следует, что и архаическое китайское стихотворение можно переводить, заменяя слог-слово стопой. Достаточно сказать, что, утеряв свое древнее звучание, ритм произведений, вошедших в «Книгу песен», стал крайне однообразен, почти везде наблюдается в песнях «Шицзина» по четыре слова-слога в строке. Естественно, что при этих условиях механическая замена слова стопой крайне обесцветила бы русский перевод, особенно если бы переводчик ограничил себя двухдольными размерами, как это обычно принято. Необходимо упомянуть, что в средневековой китайской поэзии, например в четверостишиях, обычно имеется пять или семь значимых слов в строке: если переводить каждое китайское слово русским, ставя на каждом русском слове ударение, хотя и не удается передать китайский размер, все же повышается поэтическая выразительность русского перевода. Но язык «Книги песен» настолько лаконичен, что ограничиться одним русским словом для передачи одного китайского совершенно невозможно и не только в стихотворном, но даже и в прозаическом литературном переводе этого памятника. Не приходится уже и говорить о таких встречающихся в книге специфических словах, как «конь с левой задней белой ногой» (все это выражено по-китайски одним словом). С другой стороны, в «Шицзине» нередко встречаются целые строки, наполненные эксклamационными словами, переводить которые слово в слово по-русски было бы также крайне затруднительно. Но имеется еще одно возражение против замены китайского слова-слога русской (обычно двусложной) стопой: ограничив себя восемью или десятью слогами в строке, переводчик из-за многосложности русского языка обычно бывает не в состоянии уложить китайскую строку в русскую и принужден большей частью прибегать к

удвоению строк в переводе против китайского оригинала; другими словами, переводчик, стремясь приблизиться якобы к китайскому ритму, на деле разрушает ритм китайских стихов По всем этим соображениям переводчик вынужден был отказаться от бесплодных попыток передачи ритмов «Книги песен». Это не значит, однако, что переводчик дал себе полную волю в выборе размеров для перевода архаических китайских стихотворений. Учитывая торжественность языка «Книги песен», переводчик чаще всего прибегает к дактилю, сообщающему торжественность и пафос русскому стиху и вызывающему у нас ассоциации с переводами древней классической прозы. Учитывая неровности в размере некоторых китайских стихов (отступления от четырехсложного размера в некоторых строках), переводчик часто пользуется в таких случаях паузниками (ямбо-анапестическим и хорео-дактилическим стихом) или же дает неравное количество стоп в строках. Как уже говорилось, удвоение количества строк в переводе приводило обычно к разрушению архитектоники строк и системы рифм китайского оригинала. Сохраняя количество строк китайского оригинала в русском переводе, переводчик сохраняет при этом в большинстве случаев и китайскую архитектонику строк, и систему рифм, и таким образом передает своеобразие архаической китайской поэзии. Эта особенность древнего стиха тем более заслуживает внимания, что целый ряд литературных приемов, с ним связанных (рефрены, перемена рифм в смежных строфах при неизменности остальных слов, игра перестановкой строк и т. п.) свидетельствуют о высоком уровне литературы той эпохи. Таковы в общих чертах принципы настоящего русского перевода «Шицзина».

Следует, однако, еще раз оговориться, что «Книга песен» создавалась многими поэтами древности, и переводчику трудно было в равной мере передать своеобразие каждого произведения, вошедшего в сборник. Иногда случалось и так, что переводчик бывал вынужден брать явно ложный тон для передачи (весьма, впрочем, немногих) произведений чисто дидактического характера (например, «Посмотри на крысу» I, IV, 8) за отсутствием

у него других средств выразительности. Читателю следует также помнить, что «Книга песен» является памятником поистине огромных поэтических достоинств, и что переводчик мог передать эти достоинства лишь в меру своих сил.

В течение двух с половиной тысяч лет «Шицзин» является канонической книгой почти для всех крупнейших китайских поэтов, неувядаемым образцом высокого поэтического мастерства.

Как цитаты[18] из «Книги песен», так и присущие ей идеи протеста против зла, насилия и притеснения со стороны сильных. против голода и обнищания народа мы находим у величайших китайских поэтов — у бессмертного поэта IV в. до н. э. Цюй Юаня, обличавшего Чуского царя, как это делали до него авторы «Малых од», преследуемого и, в конце концов, покончившего с собой, у гениальных поэтов эпохи Тан (VII—IX вв.), эпохи расцвета китайской поэзии — Ду Фу и Ли Бо, воскликнувших в момент величайшего творческого подъема: «Великие оды давно не творятся!» и у многих других. Более того, само слово «поэт» в китайском его звучании (ши жэнь) берет свое начало от той же основы, что и «Шицзин». «Древний дух» «Шицзина», вдохновлявшего крупнейших мастеров китайской литературы, оказавшего могучее и плодотворное влияние на всю литературу стран Дальнего Востока, не был духом консерватизма и косности; это был дух протеста, дух искания добра и счастья для народа, это он придавал такую силу и смелость кистям Цюй Юаня, Ду Фу, Ли Бо и Бо Цзюй-и, а также и многих других. И люди, вдохновленные им, смело говорили сильным правду в глаза и шли в ссылку в далекие и дикие окраины страны. И никакие попытки подчинить себе этот дух, спрятать его под древней фразой, канонизировать только древние формы «Шицзина», лишив их живого содержания, по существу, успеха не имели. Влияние форм

[18] В переведенных акад. В. М. Алексеевым сборниках новелл знаменитого китайского писателя XVII в. Ляо Чжая читатель найдет многие цитаты из Книги, которыми был насыщен китайский текст и которые были выделены переводчиками в его примечаниях.

«Шицзина» на всю последующую китайскую литературу также было обусловлено ее живым содержанием. Формы песен «Шицзина» — четырехсложный размер в так называемых «правильных стихах», расстановка рифм (типа а, а, в, а) в танских четверостишиях, песенные зачины и переходы от конкретных образов окружающей природы к лирическому чувству самого поэта — просуществовали тысячи лет. Недаром китайские критики, сравнивая наиболее блестящую в истории поэзии Китая Танскую эпоху с деревом в полном цвету и плодах, говорят, что корни этого прекрасного дерева — в архаической поэзии «Книги песен». Но влияние «Книги песен» не ограничивается древним и средневековым Китаем. В средние века китайская культура и художественная литература, впитавшая традиции «Книги песен», устремились широким потоком в Японию, в Корею, в Индокитай,— и мы могли бы услышать мотивы «Шицзина», найти цитаты из него и в поэзии этих стран. И если китайскую культуру, подчинившую своему влиянию весь Дальний Восток, т. е. почти треть всего человечества, нельзя не назать культурой мировой,— то и «Книгу песен», как один из величайших памятников этой культуры, нельзя не признать литературным памятником, имеющим огромное значение для развития литературы многих народов.

Полный перевод «Шицзина», сделанный А. А. Штукиным непосредственно с древнекитайского языка, представляет собой первый поэтический перевод этого памятника на русский язык. Выход в свет этого весьма ценного труда, выполненного с большим знанием и профессиональным мастерством, восполняет существовавший до сих пор пробел в нашем востоковедении. Он явится значительным событием в области изучения древнейшей культуры великого Китая, с которым советский народ связан узами глубокой братской дружбы.

Поэзия «Книги песен» жива в Китае и теперь. Все большее и большее количество научных работ китайских филологов посвящается «Шицзину», и интерес к этому памятнику в самом Китае с каждым годом увеличивается. Необходимо отметить, что наибольший интерес к Книге проявлялся именно в прогрессивных

кругах китайской интеллигенции, в кругах, выступивших в период литературной революции 1919 года с лозунгами борьбы за живой «понятный на слух» литературный китайский язык. Мы должны отметить также, что все реакционное, все отжившее выступило тогда против этой группы передовой китайской интеллигенции, обвинив ее прежде всего в разрушении национальной китайской культуры. Действительность показала, что именно эта часть интеллигенции оказалась способной к подобной борьбе за сохранение и распространение этой культуры путем исследований и изысканий и путем перевода ее памятников на современный китайский язык. Именно упорная работа современных прогрессивных китайских археологов, литературоведов и историков раскрыла нам за последние годы многие не известные нам прежде древние китайские памятники мирового значения и привела к расшифровке непонятных прежде надписей на этих памятниках. Многие знают у нас великого китайского писателя, борца за новый язык, друга СССР и антифашиста Лу Синя, но немногие знают, что именно Лу Синю принадлежит одна из важнейших работ по истории старой китайской литературы, что Лу Синь был и ревнителем древней национальной культуры. Действительность показала, что представители реакции в Китае, цеплявшиеся за мертвые формы древнего языка, не поняли не только живой китайской современности, но не поняли и духа живой, хотя и идущей из глубокой древности китайской культуры.

Поэты, творившие «Книгу песен», отразили в ней дух своего народа, недаром и первая часть этой книги называется «Гофын» — «Нравы царств» или «Дух царств». И именно в силу присущего «Книге песен» народного духа она является бессмертным памятником, как бессмертны только проникнутые народным духом произведения величайших поэтов мира, сумевших отразить в своем творчестве лучшие чаяния своих народов. Именно поэтому «Книга песен» и является ныне национальным достоянием и национальной гордостью великого китайского народа.

Обладая поистине неувядаемой молодостью, «Шицзин» сохранил свое обаяние до наших дней, вызывает живой отклик у современного читателя, увлекает его, радует, волнует.

Велико и бесценно литературное наследие китайского народа,— здесь нашли свое воплощение своеобразие и особенности его ума, его духовного склада. Прекрасные творения основоположников и классиков китайской литературы и поэзии являются художественным выражением могучих моральных сил китайского народа, его свободолюбия и независимости, его стремления к расцвету и справедливости.

КОММЕНТАРИИ

I. НРАВЫ ЦАРСТВ

Слово «фын» (風), переводимое обычно словом «нравы» («Го фын» 國風 — «нравы царств»), имеет основное значение «ветер», отсюда — «дух», «вдохновение» — и далее — влияние доброго или дурного примера на поведение других, отсюда — «нравы». Мне кажется, что мы лучше отразим специфику этого слова, переводя его словом «нравы».

* * *

I. ПЕСНИ ЦАРСТВА ЧЖОУ И СТРАН, ЛЕЖАЩИХ К ЮГУ ОТ НЕГО

Племя чжоу в конце XII в. до н. э. покорило земли, лежавшие в центральной части бассейна реки Хуанхэ. С этих пор до времени Конфуция (VI—V вв. до н. э.), эпохи собирания «Книги песен», и позже все другие княжества были в подчинении у царя Чжоу. Центр древнего царства Чжоу, согласно легенде, лежал у горы Ци в современной провинции Шэньси; при наступательном движении племени чжоу центр царства передвинулся дальше на юго-восток.

Встреча невесты

(I, I, 1 — стр. 9)

Утки в Китае символ супружеской любви и целомудрия.

Будешь супругу ты доброй, согласной женой.— «Цзюнь-цзы» (君子) «государь», «благородный муж», «господин мой»; в лирике «Шицзина»

обычно употребляется женой при обращении к мужу в значении —«супруг мой», «мой милый».

То коротки здесь, то длинны кувшинок листы. Мы разберем их, разложим их в дар пред тобой.— Водяные растения отваривались и применялись новобрачной при жертвоприношении в храме предков мужа, см. I, II, 2 и I II, 4.

С цитрой и гуслями.— В тексте «Цинь» — род большой настольной цитры и «сэ»— род больших настольных гуслей.

Стебли простерла далеко кругом конопля

(I, I, 2 — стр. 11)

В стихотворении рассказывается о замужней женщине, собирающейся посетить своих родителей. Просьбу о посещении, с которой она обращается к мужу, женщина передает через свою воспитательницу (старшую над молодыми женщинами).

Конопля (*Pueraria phaseoloids*) «гэ» 葛 «индийская конопля» — вьющееся растение, из которого в древнем Китае выделывали различные ткани.

«Мышиные ушки»

(I, I, 3 — стр. 12)

«Мышиные ушки» — трава Xanthium strumarium; листья ее напоминают формой мышиные уши.

На юге у дерева долу склоняются ветви

(I, I, 4 — стр. 13)

Образ дерева, за ветви и ствол которого цепляются вьющиеся растения, мы находим еще во II, VII, 3, где он относится к старшему в роде.

Саранча

I, I, 5 — стр. 14)

Перевод мною слова «чжун» 螽 словом «саранча» вызвал возражение покойного акад. В. М. Алексеева, упрекнувшего меня в том, что я в данном случае некритично отнесся к китайскому комментатору и выразил странное пожелание саранче — размножаться. Я, однако, настаиваю на этом своем переводе по следующим мотивам: 1) мой перевод этого слова и мое понимание этого стихотворения не является чем-то оригинальным и мне только свойственным. Одинаково со мной понимают данное слово и текст Легг, Куврер, Карлгрен и другие европейские исследователи и переводчики «Шицзина». Среди многочисленных средневековых и современных китайских ученых так-

же нет различных мнений в толковании слова «чжун», все они переводят его — «саранча».

В нашем тексте речь идет о насекомом (ключевой знак насекомого), летящем огромной массой со звоном крыльев. Какое другое насекомое летает подобным образом, кроме саранчи? Было бы, действительно, странно найти такое песнопение у земледельческого населения, но вело ли племя чжоу до своего вторжения в культурные центральные княжества земледельческое хозяйство и оседлый образ жизни? Ведь при формировании нашего памятника стихи о саранче вошли именно в этот раздел. Сведения об образе жизни племени чжоу до его вторжения на Восток дает нам великая ода III, I 3:

В древности Дань-фу там правил — наш предок и князь,
Людям укрыться и норы он сделал в те дни,
Ведь ни домов, ни строений не знали они.
Древний правитель однажды сбирает людей
Утром велит он готовить в поход лошадей.
Кони вдоль западных рек устремились бодры —
Вот и достигли подножия Циской горы.

Как видим, легенда рисует нам племя чжоу кочевниками, не знающими еще строений, т. е. сильно отличающимися от культурного земледельческого населения древнего центрального Китая. Песня о саранче, очевидно, и зародилась в среде кочевников, для которых саранча не только не являлась бичом, но могла служить и обильным источником питания для людей, как это мы знаем из других восточных литератур. Как обрядовая песня (пожелание плодовитости женам) она осталась бытовать и при переходе к иному способу хозяйствования. Примеров таких пережитков известно чрезвычайно много.

Подорожник

(I, I, 8 — стр. 17)

Подорожник — согласно объяснению комментаторов, употребляется как лечебное средство.

Вдоль плотины иду

(I, I, 10 — стр. 19)

Жу — приток реки Хуай, протекающий в провинции Хэнань.

Лещ устал — покраснели уж перья хвоста. — «Если рыба утомилась, то хвост ее краснеет. Хвост леща от природы белый, а теперь он стал красным, значит усталость его весьма велика» (Чжоу Си). Супруг, вернувшийся после года службы царю, крайне утомлен и подобен лещу с покрасневшим хвостом.

Линь-единорог

(I, I, 11 — стр. 20)

Линь — мифическое животное, самка единорога с телом оленя, хвостом быка, копытами лошади и с рогом, имеющим мясистый нарост на конце. Появление его предвещает счастье.

Линя стопы милосердья полны. — «Природа линя добра и благородна, поэтому и стопы его добры и благородны. Он не придавит живой травы, не наступит на живого червя» (Чжу Си).

* * *

II. ПЕСНИ ЦАРСТВА ШАО И СТРАН, ЛЕЖАЩИХ К ЮГУ ОТ НЕГО

Царство Шао — удел, пожалованный царем Вэнем князю Ши, принадлежавшему к роду царя. Этот удел был расположен к югу от горы Ци (в современной провинции Шэньси) на части земель древнего царства Чжоу, после передвижения самого царства Чжоу на юго-восток.

Выезд невесты

(I, II, 1 — стр. 21)

Речь идет о выезде княжны, предназначенной в жены правителю другого княжества.

Песня о невесте, отвергающей жениха

(I, II, 6 — стр. 26)

Кто же скажет: у птичек рога не растут? Воробьи под пробитою кровлей живут. Кто же скажет, что ты не помолвлен со мной? Ты меня призываешь на суд. — Смысл этого четверостишия таков: воробьи живут под пробитою кровлей, но это не значит, что у них есть рога, которыми они могли бы кровлю пробить. Ты вызываешь меня на суд, обвиняя в пренебрежении к брачным обрядам, и, может быть, найдутся люди, которые, узнав об этом, поверят в твою правоту. Однако наш брачный обряд не был закончен, и твое обращение к суду не является доказательством совершенного со мной брачного обряда, как и пробитая кровля — доказательством наличия рогов у воробья.

Кто же скажет: клыков нет у мыши лесной, Что прогрызла ограду в саду? Кто же скажет, что ты не помолвлен со мной? Ты меня призываешь к суду. — Прогрызенная мышами стена не является доказательством того, что у мыши есть клыки (которые на самом деле у нее отсутствуют),

точно также и твой вызов меня на суд и обвинение в пренебрежении к брачным обрядам не является доказательством того, что эти обряды были в действительности совершены до конца и имеют силу обязательств.

Звезды

(I, II, 10 — стр. 30)

Мао — созвездие Плеяд.

Шэнь — созвездие Ориона.

Девушка шла к жениху

(I, II, 11 — стр. 31)

Пережитки экзогамного группового брака вероятно очень долго существовали среди древней китайской аристократии, особенно среди удельных китайских князей, которые женились на группе близких между собой родственниц, носящих общее родовое имя, не совпадающее с родовым именем их общего супруга.

Тэ — приток Янцзы.

С собою нас брать не хотела она.— Не хотела брать своих сестер и ближайших родственниц в дом общего супруга.

Свадьба царевны

(I, II, 13 — стр. 33)

Царь Пин-ван — 770 — 720 гг. до н. э.

Княжество Ци — см. примечание к I, VIII.

Что нужно тебе, чтобы рыбу удить? Из шелковых нитей витая леса.— «Как соединение в одно шелковых нитей образует лесу, так и соединение мужчины и женщины образует супружество» (Чжу Си).

Цзоу-юй (Белый тигр)

(I, II, 14 — стр. 34)

Цзоу-юй — название мифического животного. «Белый тигр с черными полосами, который не пожирает ничего живого» (Чжу Си). Здесь это прозвище дано охотнику.

* * *

III. ПЕСНИ ЦАРСТВА БЭЙ

Удел Бэй был расположен в пределах современной провинции Хэнань к северу от Вэйхой. Еще в начале династии Чжоу этот удел был поглощен

княжеством Вэй. Песни, вошедшие в эту главу, были собраны уже после присоединения этого удела к княжеству Вэй и, по словам Чжу Си, рассказывают о событиях, произошедших в Вэй. Не совсем ясно поэтому, в силу каких причин данная глава сохранила название «Песни царства Бэй».

Одежда зеленого цвета

(I, III, 2 — стр. 37)

Эти стихи толкуются китайскими комментаторами, как жалобы жены на мужа, отдавшего предпочтение наложнице, что так же не подобает ему, как если бы он из шелка чистого желтого цвета повелел сшить себе нижнее платье, а из пестрого зеленого — верхнюю одежду.

То ласточки

(I, III, — стр. 38)

По мнению Чжу Си, здесь рассказывается о том, как Чжуан-цзян, вдова вэйского князя Чжуана (756—734 гг. до н. э.), провожает свою подругу Дай-гуй, возвращающуюся на родину после смерти князя Хуаня (733—718 гг. д н. э.), сына Дай-гуй и приемного сына Чжуан-цзян, убитого своим братом Чжоу-юем, захватившим престол. Чжу Си говорит, что бездетная главная жена князя Чжуана — Чжуан-цзян — усыновила сына приехавшей из княжества Чэнь наложницы Дай-гуй, который и стал благодаря этому законным наследником престола, а впоследствии князем Хуанем. После его убийства его мать возвратилась к себе на родину.

Как уже указывалось в послесловии, средневековым комментаторам «Шицзина», в том числе и Чжу Си, присущ псевдоисторизм, не оправданный текстом памятника. С другой стороны, мы должны отметить, что некоторые синологи прошлого столетия, и в частности акад. В. П. Васильев, ставили под сомнение сообщаемые исторические данные и даже, например, существование до эпохи Чжоу еще двух китайских династий. Археологические данные, добытые в текущем столетии, самым блестящим образом подтвердили исторические сведения, сообщенные нам древними и средневековыми китайскими учеными. Мы, конечно, не можем утверждать, что данные стихи действительно связаны с сообщаемым Чжу Си историческим событием, но мы должны подчеркнуть, что объяснение Чжу Си кажется нам более логически последовательным, чем у других комментаторов, хотя, быть может, и неверным объяснением этих стихов.

Мы не можем согласиться с Б. Карлгреном, полагающим, что в этой песне описываются проводы новобрачной в дом своего мужа. Основанием для такого понимания послужила фраза «Чжи цзы юй гуй» (之子于歸), пе-

реведенная нами: «Она возвращается ныне в свой дом», а Б. Карлгреном: «This young lady goes to her hew home». Причиной расхождения между нами является последнее слово — «гуй» (歸), которое имеет основное значение — возвращаться, возвращаться на родину, а также ехать в гости к родителям (для молодой жены) и — ехать в дом жениха (для невесты). Вообще слово «гуй» встречается в «Шицзине» около восьмидесяти раз во всех этих различных значениях, во многих случаях все эти четыре значения бесспорно доказываются текстом.

«Цзы» (子), как известно, может означать и «я», и «ты», и «вы», и «они», и «девушка», и «женщина» (вернее, «человек»); young, стоящее в переводе Б. Карлгрена, добавлено самим Б. Карлгреном, против чего мы не возражали бы, если бы это маленькое добавление не меняло в корне без всяких веских оснований совсем не схоластическое в данном случае объяснение Чжу Си, подтвержденное и другими учеными.

Другим спорным моментом являются слова «сянь цзюнь чжи сы» 先君之思), переведенные мною словами: «И думой о князе покойном [супруге моем]», а Б. Карлгреном: «Of the former princes I think». Здесь невозможно разрешить спор: имеется ли в виду один прежний государь, т.е. «наш общий покойный супруг», или — «прежние государи», так как грамматической категории числа в древнекитайском языке не существовало. Мы должны только отметить, что толкование Чжу Си этих слов гораздо проще, естественнее и от него меньше отдает схоластикой, чем от перевода их Б. Карлгреном. Кроме того, мы должны отметить здесь частичное подтверждение версии Чжу Си, а именно, что здесь идет речь именно о княжеской семье, так как в I, III, 2 женщина в аналогичной или близкой фразе вспоминает о древних людях «гу жэнь» (古人); в оде III, III, 2, где речь идет об управлении государством, вспоминаются прежние цари — «сянь ван» (先王). Здесь естественнее всего ожидать воспоминания о прежнем государе или государях от женщины, принадлежащей к княжеской семье.

Суммируя всё сказанное, мы должны сделать вывод, что оба рассмотренных нами места еще не дают материала для решения вопроса: идет ли в этих стихах речь о молодой девушке, отправляющейся в дом своего жениха, или о вдове, возвращающейся на свою родину. Чтобы разрешить этот вопрос, мы должны обратиться ко всему контексту стихотворения, а также однотемным произведениям «Шицзина». Свадебному путешествию невесты и свадьбе посвящены стихи I,I,1; I,I,6; I,I,9; I,II,1; I,,II,11; I,III,9; I,IV,7 и I,V,3, но ни в одном из них нет слез и горя по поводу отъезда невесты. Но допустим, что Б. Карлгрен прав, совершенно отвергая версию Чжу Си и предлагая вместо нее свою. Встает вопрос: кто же это провожает невесту и оплакивает ее так горько? Подружек невесты, по нашему мнению, надо исключить, так как чрезвычайно сомнительно, чтобы девушки так оплакивали свою подругу, выходящую замуж; обычно бывает обратное.

Остаются ее ближайшие родственницы — сестры и мать. Среди китайской аристократии в эпоху «Шицзина» брак был групповым, и обычно сестры главной жены становились вторыми женами и уезжали вместе с сестрой. Наиболее вероятным было бы в случае свадебного путешествия отнести это оплакивание к матери уезжающей невесты, но это, как мы полагаем, исключено здесь применением термина «ши» (氏), основное значение которого «глава рода» (по-видимому, сперва матриархального) и который в дальнейшем употребляется при вежливом обращении к другому лицу — «господин, государь». Мы видим этот термин употребленным при обращении к матери (I,III,7), он употребляется и при обращении к братьям, но мы не встречали примера и считаем этот термин едва ли возможным при обращении матери к дочери. Слова — «была беспредельная и сердце ее глубина» («ци синь сай юань» (其心塞淵) и всю высокую и подробную моральную характеристику, данную уезжающей, мы бы отнесли, при прочих равных условиях, скорее к зрелой, даже стареющей женщине, нежели к девушке в возрасте шестнадцати-семнадцати лет.

Мы не можем принять на веру целиком версию Чжу Си, связывающую эти стихи с определенным историческим событием, но должны указать, что эту версию ничто полностью не подтверждает, но ничто и не противоречит ей. Мы считаем подтвержденным в тексте, что речь идет о возвращении на родину зрелой женщины, принадлежащей к княжеской семье и горько оплакиваемой своей подругой, скорее всего другой женой их общего супруга. Мы полагаем, что причиной такого возвращения послужило какое-либо экстраординарное событие, так как поэзия оставленной жены, обильно представленная в «Шицзине», имеет свою специфику, которая в данном стихотворении отсутствует. Версию Б. Карлгрена мы вынуждены отклонить, так как никакого подтверждения для нее мы в тексте не находим, а четвертая строфа, по нашему мнению, прямо этой версии противоречит.

Человек, бедный доблестью сердца, т. е. я. В древнем Китае принято было называть себя уничижительными именами, а своего собеседника хвалебными.

Песнь забытой жены

(I, III, 4 — стр. 40)

Слава худая идет про него,— Чжу Си объясняет выражение «дэ инь у лян» (德音無良) — приукрашивать свои выражения, делать безобразным содержание. В I,III,10 он объясняет выражение — «дэ инь» (德音) как «прекрасная слава». Мы бы уточнили — слава о духовной доблести. Следуя более точному объяснению Чжу Си, данному им в I,III,10, мы предлагаем здесь точный перевод — слава о его духовной доблести (душевных качествах) нехороша.

Лишь барабан большой услыхал

(I, III, 6 — стр. 42)

Цао — город в княжестве Вэй. Мобилизуя часть мужского населения на войну, князья обычно должны были проводить большие земляные работы для обороны своих городов, занимая этими работами остальное население.

Царство Чэнь — см. примечание к I. XII.

Царство Сун — мощное древнее княжество, расположенное на части территории современных провинций Хэнань и Цзянсу.

Песнь о сыновьях, которые не сумели покоить старость матери

(I,III,7 — стр. 43)

Сюнь — местность в княжестве Вэй.

Иволга блещет своей красотой. — Чжу Си объясняет слова «сянь хуань» (睍睆), как «чистые и гармонические трели». Нас смущает детерминатив глаза у обоих этих знаков, говорящий о том, что оба знака первоначально означали какое-то зрительное восприятие. Знак «сянь» (睍) больше нигде в «Шицзине» не встречается, но знак «хуань» (睆) встречается в шестой строфе II,V,9, где он толкуется как «[вид] сияющей [звезды]», и во II,I,9, где он объясняется как «вид плодов». Ввиду этого, мы должны отклонить толкование Чжу Си и принять для знака «хуань» значение «блистающий», предложенное самим Чжу Си в другом контексте, а для обоих знаков предложенное древним комментатором Мао Хэном (II в. до н. э.) значение — прекрасный на вид. Все это отражено в нашем переводе.

Как пестрый фазан далеко улетает

(I,III,8 — стр. 44)

Взгляну ли на солнце, взгляну ли на месяц. — По положению солнца на небе и по фазам луны я определяю счет времени, вспоминая каждый раз, сколь долго супруг мой несет службу у царя.

У тыквы зеленые листья горьки

(I,III,9 — стр. 45)

Лишь солнце взойдет поутру горячей. — «Шицзин» в версии ханьского комментатора Мао Хэна дает здесь вызывающий некоторое недоумение текст — «сюй жи ши дань» (旭日始旦), «при только что вышедшем солнце, при начинающемся восходе». В дошедшем до нас ханьском фрагменте этого текста на месте знака «сюй» (旭) стоит знак «сюй» (煦) — «тепло», и

фраза получает значение — теплое солнце едва лишь начнет всходить. Общий смысл стихотворения не изменяется от этого, но смысл строфы становится значительно яснее — «Гуси кричат [парами] согласно, так как солнце начинает греть по-весеннему, а ведь браки заключаются в пору, пока еще не растаял лед».

Песнь оставленной жены

(I,III,10 — стр. 46)

Бросишь ли репу с плохим корешком.— Смысл этого стиха таков: Как у репы и редьки, если корень портится, остается еще годная в пищу листва, так и у меня, хотя моя красота поблекла, осталось доброе имя, которым ты пренебрегаешь более, чем крестьянин листвой репы.

Горьким растет, говорят, молочай,— Стал он мне слаще пастушьей травы (собственно, пастушьей сумки).— «Я брошена тобою, и горечь этого сильнее горечи молочая» (Чжу Си).

Мутною кажется Цзин перед Вэй, Там лишь, где мель, се воды чисты.— Цзин — приток реки Вэй, берущий свое начало в провинции Ганьсу и впадающий в реку Вэй в провинцию Шэньси к северо-западу от Сиани. Вэй — пересекающий провинцию Шэньси приток Хуанхэ. «Цзин мутна, а Вэй чиста. Однако пока Цзин не вливается в Вэй, она хотя и мутна, но это не очень заметно. Лишь когда обе реки сливаются вместе, становится более различимой прозрачность одной и мутность другой. Но у разделяющих ее островов и там, где течение ее несколько замедляется, в Цзин все же есть прозрачные места. Старая жена пользуется этим образом для того, чтобы сказать, что увядание ее красоты началось уже давно, но стало отчетливо заметно лишь с появлением новой жены...» (Чжу Си.) Однако, если присмотреться, то и в прежней жене можно найти известные достоинства.

Если поток и широк и глубок — К берегу вынесут лодка иль плот; Если же мелок и узок поток — Путник легко по воде побредет.— При всех обстоятельствах и в богатстве, и в нужде я всегда выполняла свой долг.

Как он хорош, мой запас овощей! Зимней порой защитит от беды.— «Я собрала прекрасный запас, желая обрести в нем защиту от нужды в зимние месяцы; весною и летом запас уже не нужен. Ныне супруг мой обрел счастье с новой женой и бросил меня. Я была нужна ему для защиты от нужды в то время, когда он был беден, когда же для него наступило время довольства и радости, он покинул меня» (Чжу Си).

Зачем, о зачем мы ничтожны, бедны

(I, III, 11 — стр. 48)

Малое предисловие к «Шицзину» сообщает, что мелкое княжество Ли, лежавшее к западу от Вэй, подверглось набегу варваров. Князь и вельможи

этого маленького царства бежали в Вэй. В этом стихотворении и в I, III, 12 выражается, по мнению древних и средневековых китайских ученых, жалоба вельмож княжества Ли на своего князя и на советников вэйского князя за их медлительность с возвращением и оказанием помощи Ли. Ничто не подтверждает в самих этих текстах эту древнюю версию, но ничто и не противоречит ей. С другой стороны, мы не находим в стихотворениях материала для создания иной обоснованной версии трактовки их.

Вдали от родимой своей стороны. Дословный перевод: почему мы не возвращаемся в родную сторону?

Взросла конопля над пологим холмом

(I, III, 12 — стр. 49)

Зачем же в поход не сбирается рать.— Знак «чу» (處), по Чжу Си, означает «спокойно оставаться на месте». Следовательно, точный перевод фразы «хэ ци чу е» (何其處也) будет: «Зачем же спокойно остается на месте?». В этом предложении, как обычно, отсутствует подлежащее. Не имея достаточного основания для создания своей трактовки стихотворения, отвергая по этой же причине версию Б. Карлгрена, мы должны воспользоваться хотя и сомнительным китайским традиционным объяснением для воссоздания отсутствующего подлежащего. Тогда с воссозданным подлежащим перевод будет таков: «Зачем же вы с вашим войском спокойно остаетесь на месте?». Это и отражено в нашем стихотворном переводе.

Иль, может, союзников надобно ждать.— Точный перевод фразы «би ю юй е» (必有與也): «[или] надобно иметь [кого-либо] с вами»; при этом Чжу Си поясняет знак «юй» (與) словами «юй го»(與國)— союзные государства».

Иль шли колесницы не к вам на восток.— Смысл этой фразы таков: разве не к вам, старшие родичи, прибыли наши колесницы с сообщением о нашей беде и с просьбой о помощи? Если же к вам, то почему мы не находим в вас сочувствия?

Песнь танцора

(I, III, 13 — стр. 50)

Красавица.— В слове «мэй жэнь» (美人)— «прекрасный человек» нет указания на пол, оно может значить и «красавец» и «красавица». Принимая во внимание, что речь ведется от лица мужчины-танцора, мы, по аналогии с другими песнями «Шицзина», должны избрать последнее.

Песнь жены об оставленном родном доме

(I, III, 14 — стр. 51)

В стихотворении, согласно комментаторской традиции, говорится о тоске женщины, выданной в другое княжество, по своей родине, которую после смерти своих родителей она, в силу обычая, уже не может более посетить.

Поток выбегает к далекому Ци. Ци — река, протекающая в провинции Хэнань, т. е. по территории древнего княжества Вэй. Воды потока, стремясь слиться с Ци, бегут на мою родину, которая ныне недоступна для меня; мысли мои, так же как воды текущего здесь на чужбине потока, устремлены к родным для меня берегам Ци.

Цзи и *Ни* — местности, которые проезжала новобрачная и ехавшие с нею в качестве вторых жен ее родственницы при путешествии из родного дома в другое княжество, к мужу.

Янь и Гань — местности, лежащие по дороге в Вэй.

Мы б скоро домчались обратно до Вэй — Коль зла не боялись для чести своей.— Обычай запрещает мне посетить родную страну, а нарушение обычая было бы вместе с тем и нарушением приличий.

Фэйцюань — река, протекающая в современной провинции Хэнань (т. е. на территории древнего княжества Вэй); другое ее древнее название — Цюаньюань, современное название — Янхэ.

Цао — см. примечание к I, III, 6.

Сюй — город в княжестве Вэй.

Тихая девушка

(I, III, 17 — стр. 55)

Гуань — деревянный духовой инструмент с двойной тростью, род упрощенного гобоя.

Новая башня

(I, III, 18 — стр. 56)

Комментаторская традиция связывает это стихотворение со следующими событиями.

Сюань — князь Вэй (718—699 гг. до н. э.), разоривший страну постоянными войнами, отличался крайним распутством. Первою женою князя Сюаня была И-цзян из гарема его отца. От этой преступной связи родился сын Цзи-Цзи, который и был объявлен наследником престола. Встретив невесту этого своего сына — цискую княжну Сюань-цзян, князь Сюань пленился ее красотой и взял ее в жены себе.

Двое детей садятся в лодку

(I, III, 19 — стр. 57)

Двое детей.— Мы берем знак «цзы» (子) в его обычном значении — ребенок — и полагаем, что весь текст стихотворения, особенно его последние строки, дают полное основание такого перевода.

* * *

IV. ПЕСНИ ЦАРСТВА ЮН

Удел Юн был расположен в пределах уезда Цзи современной провинции Хэнань. Так же, как и княжество Бэй, он был поглощен княжеством Вэй. Вошедшие в эту главу песни тоже связываются с событиями, имевшими место в Вэй.

Кипарисовый челнок

(I, IV, 1 — стр. 58)

Молодая вдова просит свою мать не выдавать ее второй раз замуж и клянется остаться верной своему покойному мужу.

Я клятву дала, что до смерти не сделаю зла, т. е. не выйду второй раз замуж. Вторичный выход замуж овдовевшей женщины считался в Китае до самого последнего времени поступком предосудительным.

В тутах

(I, IV, 4 — стр. 61)

Мэ — город в княжестве Вэй.

В роще тутов.— Чжу Си указывает, что слова «сан чжун» (桑中) являются здесь названием небольшой местности, в то время как они легко переводимы и значат: «в тутах», т. е. в тутовой роще. Следуя примеру акад. В. М. Алексеева, мы решили перевести эти слова, тем более, что тутовая роща кажется нам местом более подходящим для такого свидания.

Над Ци — Чжу Си и слова «ци чжи шан» (淇之上) принимает за название местности (Цишан). Эти слова также легко переводимы и значат: «над рекою Ци». Эта река протекает по территории, на которой было расположено княжество Вэй, и, как видно из текста (при любом варианте перевода), именно в данной местности.

Созвездие Дин высоко, наконец

(I, IV, 6 — стр. 63)

Комментаторская традиция рассказывает нам, что это песнь о том, как князь Вэнь, перенеся свою столицу в Чуцю, возродил свое царство после разгрома его варварами и вернул его былое благосостояние.

Чуцю, или Чу,— местность, в которую была перенесена столица из Цао (см. I, III, 6) после разгрома царства Вэй и его бывшей столицы варварами в 659 г. до н. э.

Созвездие Дин высоко, наконец,— Он в Чу воздвигать начинает дворец.— В созвездие Дин включалась часть звезд созвездия Пегаса, оно выше всего поднималось над горизонтом в десятую луну по так называемому календарю древней династии Ся, т. е. поздней осенью, и достижение им своего кульминационного пункта служило знаком окончания земледельческих работ и начала выполнения крестьянами строительных работ, производимых ими в качестве повинности по указанию князя.

По солнцу, по тени размерил шестом Пространство, и Чуский он выстроил дом, т. е. поставив шест, он по тени, отбрасываемой шестом в разное время дня, определил страны света, чтобы соответствующим образом распланировать постройку дворца в местности Чу.

Тан — город в соседстве с Чуцю.

На щите черепахи гадал.— Древнейший из известных нам способов гадания в Китае. В настоящее время археологами обнаружены гадательные черепаховые щиты, относящиеся ко второму тысячелетию до нашей эры. Щит черепахи покрывался соответствующими надписями и обжигался на огне; по трещинам, которые образовывались от обжига на щите, судили, насколько благоприятен был ответ.

Прекрасны большие его табуны.— Точный перевод: высоких коней и кобылиц [у него] три тысячи.

Радуга

(I, IV, 7 — стр. 64)

Радуга встала в небе с востока — Никто не смеет рукой указать.— «Соитие солнца с дождем вдруг воплотилось в реальные формы, как если бы то были существа, одаренные кровью и дыханием. Эманации светлого мужского и темного женского начал в природе («инь» и «ян»), которые не должны были соединяться, ныне вошли в соитие, следовательно, это есть проявление безудержности неба и земли. В этих стихах острие направлено против браков без соблюдения норм и обрядов. Сказано: радуга встала в небе с востока, и люди не осмеливаются указать на нее рукой,— сказано для того, чтобы путем метафоры показать всю скверну непристойных браков. Люди не могут и говорить об этом, а тут девушка уходит и должна притом покинуть своих родителей и братьев. Как она может не обратить внимания на это и уходить так безрассудно...» (Чжу Си).

Мы понимаем эти строки так: в небе встала радуга, являющаяся соитием солнца и дождя и указывающая на то, что заключенный брак не удовлетворяет всем строгим нормам обычая; следующая только своей сердечной склонности девушка, не обращая внимания на это грозное предостережение, отправляется в дом к своему жениху.

Радуга утром на западе всходит — Будет все утро дождь без конца.— Так же быстро, как это утро, пройдут и радости такой любви.

Встреча знатного гостя

(I, IV. 9 — стр. 66)

Сюнь — см. примечание к I, III. 7.

Мчалась утешить

(I, IV, 10 — стр. 67)

Жалоба вэйской княжны, выданной в царство Сюй, что ей препятствуют посетить в нарушение обычая свою родину после смерти родителей и утешить своего брата, находящегося в беде.

Царские кудри — растение, считавшееся целебным средством, разгоняющим печаль.

Помощь мне надо искать у сильнейшей страны.— Вэй подверглось набегу варваров и не в состоянии своими силами справиться с бедой. Сюй слишком мало и не может оказать помощь Вэй. Нужно просить помощи в чужом, более сильном царстве.

* * *

V. ПЕСНИ ЦАРСТВА ВЭЙ

Царство Вэй было одним из мощных удельных княжеств, сохранившим свою территориальную целостность и независимость во времена правления династии Чжоу вплоть до объединения всего Китая в единую империю династией Цинь в III в. до н. э. Князья Вэй принадлежали к роду царей Чжоу (основателем княжества был Кан-шу, брат царя V). Территория царства Вэй охватывала бывшие департаменты Вэйхой, Чжандэ и Хуайцин, часть бывшего департамента Кайфын в современной провинции Хэнань, Дамин в провинции Хэбэй и Дунчжан в провинции Шаньдун.

У меня есть милый

(I, V, 1 — стр. 69)

Ци — см. примечание к I, IV, 4.

Как нефритовый жезл он, как княжеский яшмовый круг.— Удельные князья в древнем Китае по своему достоинству делились на пять категорий: гун, хоу, бо, цзы, нань. Эмблемой достоинства (и вместе с тем знаком инвеституры) первых трех категорий был нефритовый скипетр или, как мы пере-

водим здесь, жезл, представлявший продолговатой формы пластинку из камня; эмблемой достоинства и знаком инвеституры для двух последних категорий был яшмовый кружок с отверстием внутри.

Колесница с двойной опорой.— Колесница с двумя вертикальными гнутыми столбиками с обоих боков впереди, на которые опирались, когда ехали стоя; эти опоры иногда украшались медью. Ездить на таких колесницах могли только лица знатного происхождения.

Там радость свершилась

(I, V, 2 — стр. 71)

Радость свершилась.— Чжу Си объясняет знаки «као пань» (考槃) — словами «завершил свои колебания [блуждания?]», т. е. построил свой дом в уединенном месте. Впрочем, Чжу Си допускает возможность другого толкования некоего более раннего комментатора Чэня, а именно — ударять в сосуд (отбивая такт песне). При такой неопределенности и натянутости объяснения Чжу Си, мы вынуждены вернуться к объяснению слов «као пань» древним комментатором Мао Хэном, которое отражено в нашем переводе.

О, как величав ты, и как ты душою широк.— Точный перевод: широта величавого человека.

Твоей ли души не узнать? — Слово «ди» (軸), основное значение которого — «ось», несмотря на все натянутые объяснения комментаторов, остается в данном контексте настолько непонятным, что мы решили оставить его без перевода, заполнив лакуну данными нами в скобках словами.

Ты величава собой

(I, V, 3 — стр. 72)

Комментаторская традиция говорит, что в этой песне рассказывается о приезде в царство Вэй невесты князя Чжуана циской княжны Чжуан-цзян, о ее красоте, знатности ее рода, о великолепии свадебного поезда и убранстве родственниц ее (будущих вторых жен князя) и о богатстве страны Ци.

Ци — см. примечание к I, VIII.

Чжуан-цзян — см. примечание к I, III, 3.

Князь Чжуан — см. примечание к I, III, 3.

Брат твой отныне в покоях восточных дворца.— Восточные покои отводились обычно наследнику престола. Брат Чжуан-цзян был, таким образом, наследником престола княжества Ци.

Син — название княжества, которым управляли потомки Чжоу-гуна, брата основателя династии Чжоу — царя У; расположено оно было на территории современного уезда Синтай провинции Хэбэй; в 634 г. до н. э. оно

было поглощено княжеством Вэй. Сестра Чжуан-цзян была выдана замуж за синского князя.

Тань — соседнее с Ци мелкое княжество, присоединенное впоследствии циским князем Хуаном к своим владениям. Другая сестра Чжуан-цзя была выдана замуж за таньского князя.

В перьях фазаньих стоят над повозкой щиты, скрывая от посторонних взоров едущую в ней женщину.

Вельможи! Спешите домой — не оставайтесь сегодня долго на приеме у князя и не мешайте ему тем самым скорее увидеть свою невесту.

Река — Хуанхэ.

Ты юношей простым пришел весной

(I, V, 4 — стр. 74)

Ци — см. примечание к I, III, 14.

Дуньцю — название местности в княжестве Вэй.

Спешишь ли ты обратно — брошу взгляд.— Чжу Си трактует слова «фу гуань» (復關) как название местности, в которой проживает возлюбленный девушки. Тогда перевод будет: «чтобы поглядеть на Фугуань». И далее — если я не вижу Фугуань, то слезы катятся... и т. д. Искусственность этой версии очевидна. Мы должны были предпочесть объяснение ученого II в. до н. э. Чжэн Сюаня (Чжэн Кан-чэна), берущего эти слова в их обычном значении: «фу» (復) — «возвращаться» и «гуань» (關) — «застава». В таком случае вся фраза значит: «чтобы взглянуть, идешь ли ты обратно к заставе [нашего города]». Это и отражено в нашем переводе.

Ты на щите и тростнике гадал.— О гадании на щите черепахи см. примечание к I, IV, 6. Гадание на тростнике производилось путем определения сочетания непрерывных и прерванных прямых линий на стебле тростника и отыскания такого же сочетания их и ответа в «Книге перемен», которая использовалась для гадания.

Но ягодой его [тутового дерева], голубка, ты Не лакомься, хоть ягода сладка.— Так как ягоды тута, по словам комментаторов, одурманивают голубей, охотно эти ягоды поедающих. Любовь юноши, так же как ягоды тута для голубки, может привести к печальным для девушки последствиям.

Моей повозки занавесь влажна.— Повозки, в которых проезжали женщины, снабжались особыми занавесками или ширмами, чтобы защитить от посторонних взоров сидящего в повозке.

Так Ци сжимают берега кругом, Так сушей сжат в низине водоем.— И то и другое имеет свои границы, сдерживающие их, и только ты не держишь своего слова и не сдерживаешь своих поступков никакими нормами поведения.

Я помню: волосы сплела узлом. — Женщина здесь вспоминает время своей юности, когда она еще носила девичью прическу.

Тоска женщины, выданной в чужую сторону

(I, V, 5 — стр. 77)

Цюаньюань — см. примечание к слову «Фэйцюань» (I, III, 14).

Песнь об отроке, украсившем себя поясом мужа

(I, V, 6 — стр. 78)

Отрок свой пояс украсил иглой костяной. — «Эту иглу делают из слоновой кости, она служит для развязывания узлов и является поясным украшением зрелого мужа, а не отрока» (Чжу Си).

Скорбь матери, разлученной с сыном

(I, V, 7 — стр. 79)

Комментаторская традиция приписывает это стихотворение дочери вэйской княгини Сюань-цзян (см. примечание к I, III, 18). Дочь этой княгини была выдана замуж в княжество Сун (см. примечание к I, III, 6) за князя Хуаня, родила ему сына — князя Сяна и была затем разведена и отослана обратно на родину. Обычаи того времени запрещали разведенной княгине возвратиться в княжество, из которого она была отослана, и она таким образом не имела возможности повидаться со своим сыном даже и после смерти своего бывшего супруга — князя Хуаня.

Хэ — Хуанхэ.

Тоска о муже, посланном в поход

(I, V, 8 — стр. 80)

Развился с тех пор Пухом летучим прически убор. — Имеются в виду покрытые пушком и носящиеся по ветру семена артемизии.

Ищет подругу и бродит лис

(I, V, 9 — стр. 81)

Для точного понимания этого весьма неясного стихотворения было бы весьма существенно определить: идет ли речь о лисице, ищущей самца, или о лисе (самце), ищущем самку. К сожалению, текст не дает нам никакого указания на пол ищущего пару животного. По мнению Чжу Си, здесь речь идет о невесте, горюющей о бедности своего жениха. Однако слова «ху суй суй» (狐綏綏) мы находим в первой строфе I, VIII, 6, где они, по мнению Чжу Си, символизируют похотливого мужчину, ищущего женщину для не-

пристойной связи. Текст I, VIII, 6 более определенен, чем стоящий текст. Поэтому версии Чжу Си мы предпочли версию Б. Карлгрена, полагающего что речь здесь идет о похотливом и хитром мужчине, стремящемся воспользоваться бедностью понравившейся ему девушки.

Мне ты в подарок принес плод айвы

(I, V, 10 — стр. 82)

Следуя объяснению, данному этим стихам Чжу Си, мы должны определить дарящие стороны, чего здесь Чжу Си не делает. Мы полагаем, что ценные подарки (яшму и драгоценные камни), чтобы вечной была любовь, делает здесь женщина. Подтверждение нашей версии мы находим в третьей строфе I, VII, 8, а также в богато представленной в «Шицзине» поэзии забытой жены, в которой женщина является страдающей стороной оттого, что любовь не была вечной.

* * *

VI. ПЕСНИ ЦАРСКОЙ СТОЛИЦЫ

В эту главу входят песни, собранные в пределах личных владений царей Чжоу вокруг города Ло (вблизи современного Лояна в провинции Хэнань), куда в 769 г. до н. э. царь Чэн перенес столицу из города Хао (в современной провинции Шэньси). В этот период царство Чжоу было уже весьма сильно ослаблено (см. примечание к I, I).

Радость возвращения из похода

(I, VI, 3 — стр. 86)

Вижу: он в левую руку шэн свой берет.— Шэн — язычковый музыкальный инструмент, состоящий из 13—19 бамбуковых трубочек, вставленных в тыкву, в которую дуют. Источником звука являются металлические язычки (хуаны), укрепленные на нижних концах бамбуковых трубочек.

Для пляски в левой руке его щит.— Щит, состоящий из пучка перьев, прикрепленных к древку, являлся обычной принадлежностью танцора.

Думы солдат о доме

(I. VI, 4 — стр. 87)

Хотя б возмутить недвижные воды реки, Дрова из вязанки ведь не разбросать даже им.— Чжу Си объясняет слова «ян чжи шуй» (楊之水) — как медленно текущая вода. Тогда перевод этой и следующей строк будет: «медленные воды реки не снесут течением связанных дров. Это же словосочета-

ние.— «ян чжи шуй» встречается в I, VII, 18 и в I, X, 3. Объяснение Чжу Си мы считаем очень далеким от основного значения — «ян» (楊) и мало удовлетворительным по смыслу, не вяжущимся с контекстом. Мы считаем более близким к основному значению слова и логически связанным с контекстом объяснение Мао Хэна слова «ян» словом «возмущать». Это и отражено в нашем переводе. Эти две строки, по нашему мнению, означают, что людей, связанных узами родства, не разъединить даже самым неблагоприятным обстоятельствам.

Шэнь — древнее княжество, находившееся на территории современного уезда Синьян, округа Жуян провинции Хэнань; оно управлялось князьями, принадлежавшими к роду Цзян. К роду Цзян принадлежала мать чжоуского царя Пина; так как княжество Шэнь было близко к мощному царству Чу и подвергалось частным нападениям со стороны этого царства, то чжоуский царь Пин (см. примечание к I, II, 13) послал свои войска для защиты княжества Шэнь от нападений.

Фу — княжество, расположенное вблизи княжества Шэнь. Князья Фу также принадлежали к роду Цзян.

Сюй — княжество, находившееся на территории современного уезда Пинчан, провинции Хэнань; его князья также принадлежали к роду Цзян.

Глухая крапива

(I, VI, 5 — стр. 88)

Комментаторская традиция понимает и объясняет это стихотворение, как вынужденное расставание мужа и жены из-за наступившей засухи и вызванного ею голода. Засухи вызывали в древнем Китае страшные последствия и настоящее повальное бегство населения из пораженного засухой района, как мы это видим в III, III, 4. Однако данное стихотворение не дает иного материала, кроме образа сожженной солнцем глухой крапивы. Вместе с Б. Карлгреном мы полагаем, что этот образ мог быть использован древним поэтом, как символ увядшей супружеской любви, и тогда все стихотворение встает в длинный ряд других стихотворений «Шицзина», посвященных забытой и покинутой жене.

Увидеть пришлось от супруга и горе и зло.— Последние слова этой фразы «жэнь чжи цзянь нань» (人之艱難) допускают два понимания: «страдания супруга» (версия Чжу Си) и «страдания от супруга» (версия Карлгрена). Вввиду того, что версия Чжу Си не подтверждена другими текстами «Шицзина», а версия Карлгрена основана, как мы указывали, на многих стихотворениях, мы в своем переводе предпочли последнюю версию.

И злобу познав, расставаться супруги должны.— Дословный перевод: она познала недоброе от супруга. Эта фраза совершенно параллельна по-китайски последней фразе предыдущей строфы.

Колесница большая грохочет

(I, VI, 9 — стр. 92)

Колесница большая.— По словам комментаторов, в такой колеснице имели право ездить только вельможи царя.

Да боюсь я тебя и не смею.— Отклоняя тенденциозное конфуцианское толкование Чжу Си о том, что в колеснице сидит царский вельможа, блюдущий нравы во вверенном ему городе, и что распущенная девушка, якобы, страшится этого блюстителя нравов, мы вместе с Чжу Си согласны, что страх девушки относится к сидящему в колеснице, но полагаем, что там находится не грозный сановник, а ее милый. Боязнь девушки убежать вместе с милым вполне понятна, если мы учтем, что многие песни «Шицзина» говорят о печальных для девушки последствиях такого поступка.

* * *

VII. ПЕСНИ ЦАРСТВА ЧЖЭН

Чжэн — первоначально было название города, пожалованного чжоуским царем Сюанем (826—781 гг. до н. э.) своему младшему брату Ю — князю Хуаню; город этот был расположен на территории современного уезда Хуа, округа Гуаньчжун, провинции Шэньси. После нападения на царство Чжоу варваров жун и перенесения столицы Чжоу на восток, удел Чжэн был перенесен сыном Хуаня, князем У, на территорию современного уезда Пиньчжэн, провинции Хэнань. Княжество Чжэн было впоследствии поглощено княжеством Хань.

Пригожи вы, князь

(I, VII, 1 — стр. 94)

Комментаторская традиция связывает эти стихи с посещением двора царей Чжоу чжэнскими князьями.

Ваш двор посетим.— Речь идет о подворье, отведенном князю в столице Чжоу на время его службы у царя.

Цинские люди под городом Пэн

(I, VII, 5 — стр. 99)

Цин — название города Чжэн, из которого было набрано войско, посланное князем для защиты границ от варваров ди.

Пэн — пункт, расположенный на границах княжества Чжэн на Хуанхэ.

Хэ — Хуанхэ.

Сяо — «также название местности, расположенной на Хуанхэ» (Чжу Си).

Чжу — «также название местности на Хуанхэ» (Чжу Си).

Коль обо мне ты с любовью подумал

(I, VII, 13 — стр. 107)

Чжэнь — река, протекающая по территории княжества Чжэн.

Вэй — приток реки Ин, протекающей по территории княжества Чжэн.

Бурные воды реки

(I, VII, 18 — стр. 112)

См. примечание к I, IV, 4.

Вот из восточных ворот выхожу

(I, VII, 19 — стр. 113)

Башня в наружной стене. — Башня на глинобитной стене, сооружаемой в изогнутой форме вокруг ворот в главной стене города. Эта стена и башня на ней прикрывали, таким образом, доступ к воротам в город.

* * *

VIII. ПЕСНИ ЦАРСТВА ЦИ

Ци было одним из наиболее мощных княжеств эпохи Чжоу. Владения княжества занимали значительную часть Шаньдунского полуострова и до сих пор провинция Шаньдун имеет одним из своих литературных названий — Ци. Владетели Ци принадлежали к роду Цзян и были возведены в достоинство князей и пожалованы уделом основателем династии Чжоу — царем У.

«Слышу, давно уж пропел петух...»

(I, VIII, 1 — стр. 117)

Комментаторская традиция объясняет, что стихи повествуют нам о том, как княгиня будит своего супруга, опасаясь поздним появлением князя к ожидающим его возбудить гнев народа.

Шум на дворе наполняет слух! — Точный перевод: двор уже наполнился.

Взаимные похвалы охотников

(I, VIII, 2 — стр. 118)

Сударь, прекрасней охотника трудно найти. — Точный перевод: сударь, вы — прекрасный [охотник].

Что и я, мол, таков. — Точный перевод: что и я хорош.

Встреча невесты

(I, VIII, 3 — стр. 119)

Ограда входная — загородка или стена, поставленная непосредственно перед воротами и закрывавшая с улицы вид на дом и внутренний двор.

Южные горы велики

(I, VIII, 6 — стр. 122)

Комментаторская традиция приурочивает это стихотворение к следующему событию. В 708 г. до н. э. князь Хуань, владетель сопредельного с Ци удела Лу, женился на циской княжне Вэнь-цзян, питавшей преступную любовь к своему брату. По восшествии брата Вэнь-цзяна — циского князя Сяна — на престол, луский князь Хуань посетил Ци вместе со своей супругой, хотя обычаи и запрещали последней возвращение на родину после смерти родителей. Между братом и сестрой возникла кровосмесительная связь, и князь Хуань был убит.

Лис только бродит за самкою. — Образ похотливого лиса, обитающего в высоких горах, введен здесь, по словам Чжу Си, чтобы уподобить этому животному князя Сяна, занимавшего высокое положение и творившего неправедное.

Пара подвязок на шапке — ровна их длина. — Речь идет здесь о приготовлениях к свадьбе и парность вещей в данном случае символизирует брак.

В дом свой супругу ты ныне ввести захотел. — *Должен тогда известить ты и мать и отца.* — Или (если отец и мать уже умерли) сделать провозглашение о будущей свадьбе перед их таблицами в храме предков.

Охотник

(I, VIII, 8 — стр. 125)

Двойное кольцо, тройное кольцо — кольца с подвешенными внутри кольцами меньшего размера.

Совсем обветшала мережа

(I, VIII, 9 — стр. 126)

Комментаторская традиция пытается связать и это стихотворение с событием, приведенным нами в примечаниях к I, VIII, 6. Но если в I, VIII, 6 есть некоторые намеки, поддерживающие эту версию, то здесь в тексте даже слабых намеков на нее нет.

То циская дочь выезжает в супружеский дом.— В примечании к I, III, 3 мы уже говорили о двух значениях слова «гуй»— «возвращаться на родину» и «совершить свадебное путешествие, ехать в дом супруга». Если оставить в стороне явно искусственное толкование Чжу Си, то весь контекст показывает, что мы здесь имеем слово «гуй» в его втором значении — выезжать в супружеский дом.

Гонишь, торопишь коней

(I, VIII, 10 — стр. 127)

Лу — княжество, лежащее к югу от Ци на Шаньдунском полуострове.

Вэнь — река, являющаяся естественным рубежом между княжествами Ци и Лу.

Сколь видом величав ты

(I, VIII, 11 — стр. 128)

Как мила Была краса широкого чела, Прекрасных глаз и твоего чела!— Слово «ян» (揚) в I, IV, 3, строфы вторая и третья, объясняется Чжу Си словами — широкое пространство над бровями — т. е. лоб; почти такое же, но несколько путаное объяснение — «пространство между (? очевидно — над) бровями и глазами» дает Чжу Си этому слову в I, VII, 20, строфа первая. В настоящем аналогичном (везде описание красоты лица) тексте Чжу Си дает этому слову два различных толкования в двух соседних строках, противоречащие значению этого слова, избранному Чжу Си в I, IV, 3 и I, VII, 20. В одной строке «ян» — толкуется Чжу Си как «избыток красоты», в другой как «движение глаз». Ввиду противоречивости Чжу Си при объяснении этого слова в настоящем тексте, мы должны вернуться к старому объяснению Мао Хэна, которому Чжу Си следует в I, IV, 3 и в I, VII, 20, а мы в своем переводе и настоящего текста.

Легка походка важная была.— Чжу Си объясняет слово «цян» (蹌) словами «устремляться как на крыльях». Тогда точный перевод этой фразы будет: походка его была жива (легка), как если бы он летел на крыльях. Однако во II, VI, 5, строфа вторая, и в III, I, 6, строфа четвертая, он объясняет это слово как достойную (торжественную, важную) осанку, и это объяснение полностью подтверждается контекстом этих од, так как в первом случае это слово применено к лицу, готовящемуся к жертвоприношению, и во втором — к приближенным князя на приеме у него. Это значение, несомненно, и опирающееся на тексты, мы считаем необходимым применить и в настоящем случае, как это и отражено в нашем переводе.

И стрелы не выходят за щиты — за квадратные куски кожи, пришиваемые к центру мишеней, т. е. стрелы всегда попадают в центр мишени.

* * *

IX. ПЕСНИ ЦАРСТВА ВЭЙ

Удел Вэй, о котором идет речь в настоящей главе, не следует смешивать с уделом Вэй, о котором мы говорили в примечаниях к главам III,IV и V,— это разные княжества, и иероглифическое написание их различно. Княжество Вэй, о котором здесь идет речь, представляло собою мелкий удел, управляемый князьями, принадлежавшими к роду Чжоу и носившими общее с ним родовое имя Цзи. В 660 г. до н. э. этот удел был поглощен княжеством Цзинь. Расположен он был на территории современного уезда Се, округа Хэдун, провинции Шаньси.

Легкие туфли

(I, IX, 1 — стр. 129)

Влево отходит — уступит другим.— Правая сторона считалась в древнем Китае более почетной, и поэтому отход в левую сторону и уступка другому места справа являлись выражением вежливости.

Низкие сердцем — в супруге моем Видят упреки жестокие им! — Китайскую фразу, переведенную нами таким образом, можно понимать двояко: 1) Это низкое сердце поэтому и является *предметом жестокого упрека* (понимание Чжу Си) и 2) Этим низким сердцам он поэтому и *является упреком* (понимание Б. Карлгрена). Только учет всех нюансов текста может помочь в выборе правильной версии. Чжу Си полагает, что хождение в пеньковых туфлях по инею и ношение одежды, сшитой женскими руками, изобличает, якобы, скупость. На этом шатком основании Чжу Си и строит свою версию, что этот «хороший человек» (мой хороший муж) является *предметом* упрека. Мы, напротив, не можем найти в этом стихотворении никаких признаков скупости действующего лица и вместе с Б. Карлгреном полагаем, что его спокойная вежливость является жестоким *упреком* низким сердцам.

Над рекою Фэнь

(I, IX, 2 — стр. 130)

Фэнь — приток реки Хуанхэ, протекающий по территории современной провинции Шаньси.

Правитель княжьих путей — ведающий колесницами князя. Эти обязанности могли быть поручены только лицу знатного происхождения — советнику князя.

На сборе листьев тута

(I, IX, 5 — стр. 134)

В последних строках обеих строф этого стихотворения не названы ни подлежащие, ни дополнения, в первых строках этих строф в китайском тексте говорится лишь о «собирающих листья тута»; комментатору и переводчику предоставлено восстанавливать текст и толковать его. Переводчик в своем толковании текста исходит из того, что собирание тутовых листьев для вскармливания шелковичных червей, как и собирание трав, было преимущественно женским занятием, однако в нем нередко (как это показывают песни о собирании трав) могли принимать участие и мужчины, по этим соображениям мы переводим слова «сан чжэ» словами «сборщики листьев». Подлежащее для третьей строки мы берем из предыдущих строк и полагаем, что прямая речь ведется «собирающими листья» (такой пропуск подлежащего при наличии его в предыдущем предложении — обычное явление для древнего текста), и следовательно, местом, которое собираются покинуть, может быть только тутовая роща.

Моу — мера земли, точно определить которую за отсутствием стандарта в древнем Китае невозможно; она, по-видимому, колебалась от 100 до 240 кв. бу (двойных шагов).

Большая мышь

(I, IX, 7 — стр. 137)

Оставайся ты одна.— Дословный перевод: мы готовы покинуть тебя.

* * *

X. ПЕСНИ ЦАРСТВА ТАН

Столица древнего удела Тан была расположена на западе современного уезда Цзычэн, провинции Шаньси. Удел был пожалован чжоуским царем Чэном своему младшему брату Шу-юй в 1106 г. до н. э. Впоследствии название удела было изменено на Цзинь и столица его была перенесена в Цюйвэ (в современном уезде Вэньси, провинции Шаньдун). Удел Цзинь был одним из самых могущественных княжеств эпохи династии Чжоу.

Давно уже в доме сверчок зазвенел

(I, X, 1 — стр. 139)

Ты должен бояться невзгод.— Точный перевод: добрый служилый человек пребывает в постоянном опасении.

Ты должен быть предан труду.— Точный перевод: добрый служилый человек постоянно усерден.

Песнь о скупце

(I, X, 2 — стр. 141)

Но ты не наденешь свой лучший убор.— Точный перевод: а ты их не носишь, не одеваешь.

Но гуслей не слышим мы в доме твоем.— В тексте «сэ» род настольных гуслей.

Бурные, бурные воды реки

(I, X, 3 — стр. 142)

Бурные, бурные воды реки.— См. примечание к I, VI, 4.

У и Ху — селения в Тан.

Дважды хворост кругом оплетя, я вязанку сложила

(I, X, 5 — стр. 144)

Тройное созвездие — три звезды из созвездия Скорпиона.

Песня о верности господину

(I, X, 7 — стр. 146)

Чжу Си находит это стихотворение непонятным и, по существу, оставляет его без комментария. Карлгрен предлагает свою, не убедившую нас, версию понимания. Мы, не считая возможным давать собственную версию перевода без точного понимания данного текста, следуем комментаторской традиции, идущей от древнего ученого Мао Хэна, хотя и считаем ее весьма искусственной.

Прочно окутан терновник плющом

(I, X, 11 — стр. 150)

Снова я свижусь с моим дорогим.— Точный перевод: я соединюсь с ним в его [последнем] жилище.

Рог изголовья — вырезанный из рога валик, подкладываемый под голову во время сна.

Собрала я лакрицу

(I, X, 12 — стр. 151)

Часто сбором я лакрицы занята На вершине Шоуянского хребта.— Чжу Си понимает это предложение как вопросительное, толкуя его так: «Будешь

ли ты (подлежащее в тексте не указано) собирать лакрицу на вершине Шоуянского хребта?», разумея, по-видимому, что лакрица на горах не растет, и говоря, что так же, как собирать лакрицу на горе, нельзя доверять и клевете. Мы, со своей стороны, не имеем причины давать это предложение во втором лице и, как и везде в таких случаях, где подлежащее в начале песни не указано, даем его в первом. Мы указываем, что вопрос в данном случае ничем не оформлен и, следовательно, толкование этого предложения как вопросительного произвольно. Так как сбор трав обычно (хотя и не во всех случаях) был делом женским, мы имеем все основания полагать, что речь ведется от лица женщины, и что мы имеем здесь один из образцов любовной лирики.

* * *

XI. ПЕСНИ ЦАРСТВА ЦИНЬ

Цинь — одно из наиболее значительных княжеств древнего Китая; впоследствии оно, поглощая один удел за другим, подчинило себе весь Китай и впервые объединило (в III в. до н. э.) его в мощную империю со своим князем во главе. В начале эпохи династии Чжоу племя цинь, по-видимому, не отличалось по культуре от окружавших его варварских племен. Но, испытывая непрерывное культурное влияние центральных царств, Цинь быстро входит в орбиту этих царств и становится крупной политической силой, сохраняя, однако, многие пережитки прежнего варварского состояния (см., например, I, XI, 6). В 826 г. до н. э. наследственному вождю племени цинь — Чжуну был пожалован титул вельможи (дафу) царя Чжоу, а в 769 г. до н. э. его внуку Сяну — титул удельного князя. Древняя столица Цинь находилась на территории современной области Циньчжоу, провинции Ганьсу.

Князь на охоте

(I, XI, 2 — стр. 153)

По времени года пригодных для жертвы самцов.— «Зимой приносят волков, летом приносят кабаргу, весной и осенью приносят оленей и вепрей» (Чжу Си).

Боевая колесница

(I, XI, 3 — стр. 154)

В круге скользящем все вожжи.— Вожжи колесницы продевались для облегчения управления ею в одно подвижное кольцо и затем уже собирались в руках возницы; это кольцо висело, таким образом, между кузовом колесницы и лошадьми.

Тройное копье — трезубец, копье с тремя остриями.

Кони с резными значками — с металлическими резными пряжками на груди.

Песнь о посещении циньским князем Гжунаньских гор

(I, XI, 5 — стр. 157)

Гжунаньские горы — в провинции Шэньси близ Сиани.

Там иволги

(I. XI, 6 — стр. 158)

Исторический факт, о котором здесь идет речь, имел место в 621 г. до н. э. Традиция погребения живых людей вместе с покойными князьями держалась в Цинь очень долго, и даже в III в. до н. э. после объединения всего Китая под властью дома Цинь эта традиция была соблюдена при погребении первого циньского императора. В других княжествах Китая эпохи Чжоу этот обычай сохранился лишь в виде пережитка — захоронения кукол.

Кто сказал: нет одежды

(I, XI, 8 — стр. 161)

Встанем вместе на битву за дело мое и твое! — Точный перевод: с тобою вместе встанем [на битву].

* * *

XII. ПЕСНИ ЦАРСТВА ЧЭНЬ

Чэнь — мелкое удельное княжество древнего Китая. Чэнь занимало территорию бывшей области Чэньчжоу (название которой восходит, таким образом, к названию княжества), провинции Хэнань. Родовое имя чэньских князей было Гуй, и они, следовательно, не принадлежали к роду царей Чжоу.

Ты стал безрассуден

(I, XII, 1 — стр. 164)

Перо белой цапли — обычная принадлежность танцора.

Накра — глиняный ударный инструмент, род простейшей литавры.

Радость удалившегося от княжеского двора

(I, XII, 3 — стр. 166)

За дверью из простой доски, т. е. в бедной хижине.

Ужели рыбой на обед Должны быть хэские [*из реки Хуанхэ*] *лещи* — и нельзя удовлетворить свой голод более скромным блюдом?

Жену берешь — ужель и здесь ты только Цзян из Ци ищи? — Цзян родовое имя циских князей. Ужели в жены обязательно брать девушку, принадлежавшую к княжескому роду?

Цзы — родовое имя сунских князей.

Есть у восточных ворот водоем

(I, XII, 4 — стр. 167)

Песню я спел бы с тобою вдвоем.— Мы расходимся здесь с толкованием, предложенным Чжу Си для слова «у» (晤), которое он понимает как «ясно, понятно, толково», и берем «у» в его обычном значении — «встречаться вместе», отсюда — «вдвоем».

Чем я там буду так занят

(I, XII, 9 — стр. 172)

Комментаторская традиция считает, что эти стихи — песнь о любви князя Лина (612—598 гг. до н. э.) к владелице города Чжулинь, прикрываемой дружбой с ее сыном. Князь Лин был, согласно этой версии, убит Ся Нинем, сыном своей любовницы Ся Цзи. В самой песне эта версия имеет только слабое подтверждение.

Чжулинь — город Чэнь, принадлежавший фамилии Ся, находившийся в подчиненных отношениях к чэньским князьям.

* * *

XIII. ПЕСНЯ ЦАРСТВА ГУЙ

Гуй — мелкое удельное княжество, находившееся на территории бывшей области Чжэнчжоу, департамента Кайфын, современной провинции Хэнань. Родовое имя князей Гуй было — Юнь. В VIII в. до н. э. княжество Гуй было завоевано княжеством Чжэн и присоединено к чжэнским владениям.

Коль путника встречу

(I, XIII, 2 — стр. 175)

Коль путника встречу порою под шапкою белой.— Белый цвет — цвет траура у китайцев.

Не ветер порывист

(I, XIII, 4 — стр. 177)

Комментаторская традиция, как нам кажется, с полным основанием рассматривает это стихотворение как песнь об упадке царства Чжоу и о пренебрежении своей обязанностью являться ко двору зависимыми от чжоуского царя князьями.

О, если б кто ехать на запад хотел, т. е. в столицу Чжоу.

* * *

XIV. ПЕСНИ ЦАРСТВА ЦАО

Цао — мелкое удельное княжество, находившееся на территории бывшей области Цао-чжоу, современной провинции Шаньдун. Оно было пожаловано чжоуским царем У своему младшему брату Чжэньдо (в конце XII в. до н. э.); впоследствии оно было поглощено мощным княжеством Сун.

Ходят они на приемы

(I, XIV, 2 — стр. 179)

Алые наколенники — являлись знаком высокого достоинства их носителя.

Течет на поля ледяная вода

(I. XIV, 4 — стр. 182)

И сюньский правитель царю был опорой в труде.— Дословный перевод: сюньский правитель потрудился для этого. Княжество Сюнь, впоследствии поглощенное княжеством Цзинь, было расположено на территории современного уезда Иши, провинции Шаньси. Сюньский князь — потомок первого чжоуского царя Вэня, являясь наместником царя Чжоу, ведал делами нескольких удельных княжеств.

* * *

XV. ПЕСНИ ЦАРСТВА БИНЬ

Бинь — называлась территория (современная область Биньчжоу в провинции Шэньси), занимаемая племенем чжоу до его вторжения в XII в. до н. э. на восток и создания царства Чжоу. Песни, собранные в этой главе

приписываются князю Чжоу (Чжоу-гуну), регенту царства и опекуну юного царя Чэна (1115 — 1078 гг. до н.э.), и первая из них, якобы, рисует нравы народа во время его пребывания в Бинь,— отсюда и название главы.

Песня о седьмой луне

(I, XV, 1 — стр. 183)

Звезда огня — Антар в созвездии Скорпиона.

А детям теперь и каждой жене.— Комментаторская традиция понимает эту фразу так: [я] с моей женой и детьми ношу пищу на южные пашни. Чжу Си не объясняет слова «тун» (同), но поясняет всю фразу так: «Старые вели жен и детей и доставляли пищу на поля». Совершенно очевидно, что Чжу Си из двух главнейших значений этого слова — «вместе с» — «и» — «все [вместе]» — выбрал первое. Б. Карлгрен совершенно справедливо замечает, что ношение пищи было исключительно делом женщин и детей, но не мужчин, и предлагает для слова «тун» взять значение «все». Тогда точный перевод будет: все наши жены и дети и т. д. Мы не нашли в «Шицзине» примера, где бы знак «тун» стоял в значении «все» на первом месте, но такие примеры есть у Мэн-цзы и в комментарии Цзо, близких по времени к эпохе «Шицзина». Мы поэтому предпочли и отразили в своем переводе версию Карлгрена.

Кузнечика стрекот послышался мне.— Дословный перевод: кузнечики зашевелили лапками (производя стрекот,— Чжу Си).

Возвращение из похода

(I, XV, 3 — стр. 188)

Рот не сжат.— В рты солдат перед битвой вкладывались кляпы, чтобы обеспечить бесшумность передвижений войск.

И жених ее новый прекрасен на вид,— Что же старый, ужели забыт?— Мы здесь расходимся с комментаторской традицией в понимании последних двух строк текста. Как мы уже говорили, архаический китайский текст чрезвычайно лаконичен, в нем нет указаний ни на лицо, ни на число. При этих условиях проблема правильного понимания текста и перевода разрешается путем чисто логическим. Дословный перевод этих строк таков: «Их (ее) новые (новый) весьма прекрасны, их (ее) старые (старый) как же?». Слово «ци» — «ее» в предыдущем тексте этой строфы все время заменяет слово «девушка» (невеста). С другой стороны, предыдущие строфы рисуют нам полное запустение в доме возвращающегося воина. Вот почему мы понимаем эти строки так: «Ее новый [жених] весьма прекрасен,— да как же [я], ее старый [жених]?» Чжу Си вместе с другими комментаторами предлагает иное понимание этих строк, а именно: если так прекрасны новые браки, то какова же должна быть радость старых супругов при свидании!

Песнь о походе князя Чжоу на восток

(I, XV, 4 — стр. 190)

Князь Чжоу — Чжоу-гун, родоначальник князей, владетелей удела Лу, брат основателя династии Чжоу — царя У и опекун сына его — царя Чэна (1115—1078 гг. до н. э.), вступившего на престол малолетним.

О скором сватовстве

(I, XV, 5 — стр. 191)

Когда топорище рублю топором, То мерка близка, так как меркой для нового топорища служит старое, находящееся у меня в руках.

Сосуды поставлены в ряд — для свадебного торжества.

С девятью кошелями поставлена сеть

(I, XV, 6 — стр. 192)

Был выткан дракон На узоре одежды на нем. — По словам Чжу Си, изображениями дракона могли украшаться только парадные одежды царя и его верховных советников. Царская одежда украшалась изображениями взлетающего и опускающегося дракона, а одежда верховного советника только изображением спускающегося дракона.

* * *

II. МАЛЫЕ ОДЫ

I

Встреча гостей

(II, I, 1 — стр. 197)

И трубки у шэнов настроены в лад. — Дословный перевод: дуют в шэн и заставляют звучать (колебаться) металлические язычки на его трубках. Шэн — см. прим. к I, IV, 3.

Народ поучая, пороки целя. — Точный перевод: поучая народ не быть порочным.

На службе царю

(II, I, 2 — стр. 199)

Покоя и отдыха мы лишены. — Точный перевод: мы не имеем досуга даже встать на колени или посидеть.

Братская любовь

(II, I, 4 — стр. 202)

Их вздохи множат скорби гнет.— Точный перевод: они только [умеют] протяжно вздыхать.

Им радость будет вечный друг.— Точный перевод: согласие и радость их будут очень велики.

О дружбе

(II, I, 5 — стр. 204)

Подруга с подругой ведет разговор.— Точный перевод: своим голосом она ищет свою подругу.

И сгинет раздор.— Точный перевод: и будет мир.

Позвана в гости родня — родственники по отцу (дядья), носящие одно с хозяином родовое имя.

И братья мои наполняют мой дом.— Дословно: и из братьев моих никто не отсутствует.

Достоинство духа народ утерял, Гоняясь за лишним засохшим куском — и нам не следует быть жадными перед нашими друзьями, пришедшими в гости.

Славословие царю

(II, I, 6 — стр. 206)

Время избрав и очистивши все — избрав благоприятные дни для жертвоприношений и очистившись постом и омовениями.

Жертвы четыре в году принесешь.— Имеются в виду жертвоприношения царя своим предкам, совершаемые им в их храме весною, летом, осенью и зимой.

Заместитель [*предков*] — лицо, представляющее предков при жертвоприношениях им.

Ты, как луна, чье сиянье растет, т. е. подобен нарастающей луне.

В походе на гуннов

(II, I, 7 — стр. 208)

Северных варваров сянюнь времени «Шицзина» китайские историки отождествляют с сюнну — гуннами, обитавшими, например, в III в. до н. э. у северо-западных границ Китая. Именно для защиты от гуннов в III в. до н. э. первым императором династии Цинь Ши Хуан-ди была начата постройка Великой китайской стены.

Ода о походе воеводы Нань Чжуна против гуннов

(II, I, 8 — стр. 210)

Сын неба — так в Китае называли императора.

Шофан — область на крайнем северо-западе Китая того времени, в современной провинции Ганьсу. Как видно из последующего текста, первые попытки укрепиться стенами против вторжений кочевников с северо-запада, завершившиеся через несколько веков постройкой Великой стены, были предприняты еще в эпоху «Шицзина».

И западных варваров ранит испуг.— Точный перевод: и поражает варваров Запада.

В ожидании мужа, ушедшего в поход

(II, I, 9 — стр. 212)

Солдат отдохнуть не вернется ль ко мне? — Точный перевод: солдат мог бы [вернуться] отдохнуть.

* * *

II

Славословие гостям

(II, II, 7 — стр. 216)

Иль в старости брови не будут густы? — т. е. ужели вы не доживете до глубокой старости, признаком которой являются густые брови?

До желтой ужель не дожить головы? — т. е. ужели вы не доживете до глубокой старости, когда цвет волос из седого становится желтым?

Высоко полынь возросла

(II, II, 9 — стр. 218)

И вожжи чуть звякнули.— Чжу Си объясняет слова «чун чун» (忡忡) как концы вожжей, свисающие из рук возницы. Такое положение концов вожжей было возможно лишь при хорошем натяжении всех шести вожжей, т. е. при безукоризненном управлении лошадьми. Мы в своем переводе следуем поправке Б. Карлгрена, которую он, в свою очередь, берет из перевода «Шицзина» Уэйли и обосновывает ссылкой на строфу восьмую I, XV, 1, где это выражение означает позвякивание вырубаемого льда. Мы, однако, отмечаем, что позвякивание на вожжах металлических украшений было возможно лишь на концах вожжей, свешивающихся в колесницу, и объяснение Чжу Си не полно, но не неверно.

На пиру

(II, II, 10 — стр. 220)

Маслины (eleococca) — дословно «тун»; из зерен этого растения выжималось масло.

* * *

III

Встреча гостя

(II, III, 1 — стр. 221)

Я крепость дал ему — поместив лук в бамбуковую раму и таким образом сохраняя его упругость.

Место справа — наиболее почетное; см. примечание к I, IX, 1.

Густые полыни

(II, III, 2 — стр. 222)

Как тысячу раковин дарит мне он. — Раковины не только служили украшением, но и заменяли деньги. Смысл фразы таков: когда я завижу мужа, я бываю рада, точно он дарит мне драгоценности.

Ода о походе воеводы Инь Цзи-фу на гуннов

(II, III, 3 — стр. 223)

История всего похода передается китайскими историографами так. После смерти царей Чэн-вана и Кан-вана (1078 г. до н. э.) династия Чжоу стала приходить в упадок. Через восемь поколений после них царь Ли-ван был настолько жесток и свиреп, что чжоусцы изгнали его, и он удалился в Чжи. Гунны вторглись в страну и подошли близко к столице. Царь в это время умер, и его сын Цзин вступил на престол (827 г. до н. э.). Он повелел Инь Цзи-фу повести войска и разбить гуннов. Инь Цзи-фу вернулся с победой.

В один переход проходили мы за день тридцать ли. — *Ли* — китайская мера длины, не имевшая, особенно в то время, в своей основе точного стандарта, но примерно равная половине километра. Такая медленность продвижения объясняется тем, что вместе с колесницами двигалась пехота и обоз с ручными телегами. См. II, VIII, 3, строфа вторая.

Цзяо и *Хао* — название местностей, идентификация которых с современными названиями крайне затруднительна; по-видимому, они находились в

пределах современных провинций Шэньси и Ганьсу, вблизи Ху (Шэньси, уезд Саньюань) и Шофана (Ганьсу).

Сокол, змея и черепаха — изображения, вышитые на китайских знаменах.

Тайюань — в пределах бывшего округа того же названия в провинции Шэньси.

Ода о походе воеводы Фан Шу на южных варваров

(II, III, 4 — стр. 225)

Поход, о котором идет речь, был совершен под начальством Фан Шу в 825 г. до н. э. в правление царя Сюань-вана.

Здесь три тысячи счетом его колесниц. — Считая, что на каждую колесницу приходилось 100 солдат (возница, лучник и копьеносец в самой колеснице, 72 пехотинца, сопровождающих колесницу в бою, и 25 обозных, обслуживающих этот отряд), — это была огромнейшая для того времени армия в 300 тыс. человек.

И подвески бряцают. — Подвески к поясу — яшмовые украшения, гребень, костяная игла для развязывания узлов и т. п.

Гонгиста ли бьет барабанщик звучней? — Речь идет об играющем на гонге, который состязается (в дуэте) с барабанщиком.

Цзинская земля. — Цзин — древнее название племен южных областей Китая.

Царская охота

(II, III, 5 — стр. 227)

Фу — идентифицируется с уездом Чжунмоусянь, провинции Хэнань.

Ао — гора под таким названием находится в уезде Сюнянсянь, провинции Хэнань.

Костяное кольцо налокотнику ровно подстать. — Для лучшего натягивания тетивы на большой палец правой руки надевалось кольцо из слоновой кости, а для упора лука на левую руку надевался кожаный налокотник.

Царская охота

(II, III, 6 — стр. 229)

Счастливым днем был моу. — В древнем китайском календаре дни обозначались сочетаниями двенадцати одних и десяти других циклических знаков; через 60 дней этот цикл начинался сызнова. Нечетные дни цикла, в том числе и моу-шэнь — пятый день цикла, считались днями, в которые доминирующим началом являлась твердая сила. Эти дни были особенно благоприятны для войны, походов, охоты и т. д.

Молиться коней защите — совершать моления и жертвоприношения богу, покровителю коней. Охота, как это видно из текста, велась с особых охотничьих колесниц.

Счастливый день гэн-у мы находили.— Гэн-у — седьмой день цикла считался особенно благоприятным для охоты.

Да будет пир обилен наш.— Точный перевод: чтобы подать [на пиру всю эту добычу] всем нашим гостям и посетителям.

То гуси летят

(II, III, 7 — стр. 231)

Мы полагаем, что речь здесь идет о принудительном переселении крестьян, разлученных со своими близкими (сирых и вдовых), в новые отдаленные места на окраины государства (поход происходит, согласно тексту, в пустынных, окраинных местах). Что принудительные переселения крестьян, по-видимому, имели место, показывает ода о знамениях небесных и земных (II, IV, 9), в которой сказано следующее: «[Правитель] выбрал имеющих повозки и коней, чтобы шли селиться в Сян». Контекст всего разбираемого нами стихотворения говорит, что данное переселение было очень мучительно и, конечно, не было добровольным.

Ночь во дворце

(II, III, 8 — стр. 232)

Колокольчиков звон — в сбруе коней в колесницах.

Думы о смуте в стране

(II, III, 9 — стр. 233)

Ужели смирить их не хватит ума?— Точный перевод: ужели никто не смирит их?

Противоречия

(II, III, 10 — стр. 234)

Мотивы создания этого стихотворения комментатор Чжу Си не считает ясными. Он, однако, придает стихам аллегорический смысл. Первый образ — крик журавля, по его мнению, говорит о том, что истина не может быть скрыта. Второй образ — рыба, то скрывающаяся в бездне вод, то появляющаяся на мелководье, говорит о том, что истинные принципы сущего не имеют постоянного местонахождения. Третий образ — катальпа, под которой

лежат мертвые листья или растет безобразный тутовник, говорит, что в вещах, наиболее нам милых, надо признать и их отвратительные стороны. Четвертый образ — камни гор, из которых можно сделать оселок для обтачивания нефрита, говорит о том, что и в вещах отвратительных надо признать их хорошие стороны.

Мы полагаем, что это стихотворение не потребует каких-либо дополнительных толкований, если мы примем во внимание склонность древних китайцев к диалектическому образу мышления и диалектическому взгляду на развитие природы, нашедшему чрезвычайно яркое выражение в книге о Дао и Дэ, приписываемой философу Лао-цзы. Журавль кричит, скрывшись в глубине девяти болот, но крик его несется до диких полей и самого неба. Рыба живет, то скрываясь в глубочайшей бездне, то всплывая на отмели, являющейся противоположностью этой бездны. В прекрасном саду растет красавица катальпа, но под нею лежат мертвые листья и растет безобразный тутовник. Огромные камни горы могут быть превращены в мелкие осколки, годные для обточки нефрита. Все эти образы показывают, по нашему мнению, противоречивость в развитии и смене явлений природы. Давая стихотворению заглавие «Противоречия», мы исходили из нашего понимания текста.

* * *

IV

Жалоба воинов, слишком долго задержанных на службе царю

(II. IV, 1 — стр. 235)

Ратей отец — царский конюший, ведавший войсками.

И сир материнский очаг. — Точный перевод: и матери [одни] ведают всеми работами по приготовлению пищи.

На чужбине

(II, IV, 3 — стр. 238)

Мне далеки и меня не поймут. — Точный перевод: мы не сможем друг друга понять.

Просо клевать не стремись ты на ток. — Точный перевод: не клюй моего проса.

Верно у дядей найду уголок. — Точный перевод: возвращусь к моим дядям.

Там по дикой пустыне

(II, IV, 4 — стр. 239)

Я к вам ехала — в жены вы брали меня.— Чжу Си объясняет слова «хунь инь» (昏姻) словом «сваты». Таким образом, все это предложение, по мнению Чжу Си, означает: я ехала к вам из-за того, что мы были родственники по женам. Однако в I, IV, 7 Чжу Си объясняет эти же слова как «выход замуж», и мы, вслед за Карлгреном, не видим причины понимать их иначе и здесь. Тогда точный перевод будет звучать так: [я ехала] из-за того, что вы брали меня замуж. Тогда стихотворение можно отнести к поэзии о забытой жене.

Новый дворец

(II, IV, 5 — стр. 240)

Яшмовый жезл — знак княжеского достоинства, вручаемый царем, как знак власти при назначении удела. Точно такой же жезл (вторая половина) оставался у царя, как знак подданства владетеля царю.

Багряные наколенники — знак царского достоинства, багряно-желтые — княжеского.

Хозяину стад

(II, IV, 6 — стр. 243)

Рыжих с пятном.— Дословно: рыжих с черною губою быков.

Их шапки — бамбук, а плащи их — камыш — для защиты от дождя.

Ода благородного Цзя Фу, обличающая царя
и царского советника Иня

(II, IV, 7 — стр. 245)

Неба великого гнев над страною.— Точный перевод: безжалостно великое небо.

Сыну небес — царю, приносящему жертву небу, как своему отцу.

Вижу я: копья готовы к удару.— Речь идет о междоусобицах князей и крупных владетелей.

Небо великое в гневе сурово.— Точный перевод: несправедливо великое небо.

Пал летом белый иней

(II, IV, 8 — стр. 248)

Комментаторская традиция говорит, что ода написана в поучение царю Ю-вану (780—770 гг. до н. э.), отвергнувшему добрых советчиков и приблизившему злых. Это полностью подтверждается всем содержанием оды.

О весь народ наш! Без вины В рабов он будет превращен.— В древности преступников превращали в рабов, пленных из павшего царства также превращали в рабов. Речь идет о том, что если, к несчастью, царство погибнет, то вместе с этим неповинным народом все будут захвачены в плен и вместе превращены в рабов (Чжу Си).

Так лес лишь хворост и дрова Являет взору моему, т. е. леса уже в сущности нет, и, как этот лес, царство Чжоу близко к своей полной гибели.

Кто воспротивится ему?— Точный перевод: то не найдется человека, которого оно не одолело.

Нам скажут, что гора низка, Но все мы видим высь хребтов.— Такое утверждение будет вопреки очевидности, однако никто не останавливает голоса клеветы подобной этой, распространяющейся среди людей.

Высоко небо, но под ним Не смею не склонить главы; Крепка земля, но я хожу Лишь с осторожностью, увы — из боязни оскорбить божественное величие неба и земли.

Но есть и правда и закон В реченьях сих людской молвы!— Однако эти утверждения о высоте неба и крепости земли имеют незыблемое основание.

Искали правила во мне Как будто не был я найден.— Они принимали меня за образец для себя, но не могли его достигнуть.

Столица Чжоу велика, Погубит Бао Сы его! — Известная своей красотой наложника царя Ю-вана — Бао Сы своим развратным поведением, завистью, клеветой и лестью пагубно влияла на царя и, по мнению китайских историков, содействовала ослаблению царства Чжоу и падению его столицы — Хао.

О, если ты не сбросишь скреп, Что спицам дать должны оплот, т. е. если царь не отбросит своих испытанных слуг и будет строг к своему главному советнику, которому он доверил управление государством.

Так рыбы, брошенные в пруд, Не могут радоваться тут! Они всегда видны в воде, Пусть хоть на дно они уйдут.— Так же и в государстве, где царствует жестокость, никто не может быть уверен в своей безопасности — око недоброжелателя всегда высмотрит любого человека.

О знамениях небесных и земных, предвещающих бедствия

(II, IV, 9 — стр. 252)

Лишь началась десятая луна, И в первый день луны, синь-мао день Затмилось солнце.— Древние китайские историки относят это событие к шестому году правления царя Ю-вана (775 г. до н. э.), десятому месяцу лунного календаря и дню, стоящему под циклическими знаками синь-мао (29-й день цикла). Эта дата соответствует 29 августа 775 г. до н. э. Согласно вычислениям европейских астрономов, солнечное затмение, наблю-

давшееся в Китае, действительно имело место 29 августа 775 г. до н. э., причем ему предшествовало лунное затмение. Таким образом, настоящий текст является блестящим доказательством подлинности книги гимнов и песен.

Наложница на трон Взошла в ту пору.— Речь идет о наложнице царя Ю-вана — Бао Сы.

Советник царский этот, Хуан-Фу, Не скажет, что не время для работ, т. е. что в момент сельскохозяйственного сезона нельзя отрывать земледельцев для выполнения повинностей царю.

Велик ты, неба вышний свод

(II, IV, 10 — стр. 255)

В войне царь не идет назад.— Не отступает перед таким злом, как война.

Пред клеветой бегут назад.— И отступают [не давая отпора] перед словами клеветы.

* * *

V

Ода о неправых советниках

(II, V, 1 — стр. 258)

Гаданьем ли мы утомили своих черепах? — Гадание производилось по трещинам на щите черепахи, обжигаемом на огне. Автор имеет в виду, что беспрерывно повторяемые гадания относительно счастливого исхода того или иного начинания бесплодны, ибо щиты черепах перестают давать правильные ответы.

Но выполнить их безбоязненно кто бы посмел? — Но кто бы осмелился взять за них ответственность.

Но мудрые люди нашлись бы, пожалуй, и здесь.— Точный перевод: [но и здесь] некоторые мудры, а некоторые нет.

И точно источник бегущей и чистой воды, К погибели общей теперь не стремились бы мы.— Комментатор Чжу Си толкует соответствующие строки текста как риторический вопрос: подобно источнику текущей воды [которая не поступает в него обратно] не стремимся ли мы все заодно к гибели! Мы видим основания для такого толкования, так как вопрос ничем не выражен в тексте. Мы склонны понимать текст буквально: подобно источнику текущей воды (неиссякаемому благодаря постоянному наличию мудрых людей, способных править, в нашем народе), мы не стремились бы все заодно к гибели.

Вороны по воздуху крыльями бьют

(II, V, 3 — стр. 262)

Царь Ю-ван лишил, как известно, своего старшего сына И-цзю прав на отчий престол в пользу Бо-фу — сына своей любимой наложницы Бао Сы Комментаторская традиция считает, что настоящая ода излагает жалобу царевича И-цзю на немилость его отца.

Посажены были катальпа и тут — А люди и нежат деревья и чтут, так как они были посажены для нас нашими предками.

Мои волоса не от их волос, Не я ль к материнскому чреву прирос? — Точный перевод: разве я не связан с волосами [моего отца], разве я не занимал места в утробе [моей матери]?

Пусть он не подходит к запруде моей, Мою да не снимет он с рыбами сеть. — Имеется в виду, очевидно, лишение царевича царства незаконным наследником.

Ода о клеветниках

(II, V, 4 — стр. 265)

Великие клятвы — торжественные, сопровождаемые закланием жертвенного животного клятвы по взаимной верности между царем и удельными князьями.

В них сердцем отделишь ты правду от лжи. — Точный перевод: сердцем ты распознаешь их.

Ода о вероломном друге

(II, V, 5 — стр. 267)

Сюань и флейта в лад поют — сильна Была в нас дружба с братскою любовью. — Точный перевод: старший брат играл на сюани, а младший вторил на флейте. Сюань — духовой керамический инструмент, род окарины.

Три жертвы — собака, свинья и петух, кровью которых скреплялись торжественные, нерушимые клятвы.

Оборотень — *«юй»* (蜮), по объяснению комментатора Чжу Си, лисичка, живущая в водах Янцзы и Хуайхэ. Она якобы может держать во рту песок и стрелять им в отражение человека в воде; человек после этого сразу заболевает.

Чтоб двойственность твоя явилась зримо. — Точный перевод: чтобы выявить до конца все твои увороты.

Ода о клеветниках

(II, V, 6 — стр. 270)

Созвездие Сита — четыре звезды созвездия Стрельца, две из этих звезд считаются языком созвездия Сита.

Дорожка от сада в ветвях тополей И к холму ведет, что меж хлебных полей.— Так клевета, начавшаяся с низов, постепенно охватывает верхи.

Евнух я, Мэн-цзы. Звание евнуха дает полное основание полагать, что автор оды сам пал жертвой клеветы и подвергся мучительному и позорному наказанию оскоплением, существовавшему в древнем Китае.

Ода о запустении в восточных царствах

(II, V, 9 — стр. 275)

Первоначально цари Чжоу избрали для своей резиденции два города: Хао на востоке (современная провинция Шаньдун) и Лоян на западе (современная провинция Хэнань). Однако с вовлечением в орбиту древней китайской культуры новых и новых княжеств, политическое значение Лояна, находившегося в центре страны, непрерывно росло, а значение Хао падало. Цари Чжоу все чаще выбирали в качестве своей резиденции Лоян, а город Хао и окружающие его уделы все больше приходили в упадок. Это и послужило темой оды.

Горит на небе звездная река, И, видя нас, свой не умерит жар.— Точный перевод: млечный путь, видя наши страдания, все так же блестит, оставаясь равнодушным.

Ткачихи угол в целый день пройдет На семь делений весь небесный шар.— Созвездие Ткачихи, образующее угол из трех звезд (Веги и двух других звезд созвездия Лиры), по мнению древних китайских астрономов, проходит за сутки полный круг по небесной сфере, разделяемой на 12 частей. Причем семь делений она проходит за полный день (т. е. с 5 часов утра до 7 часов вечера) и остальные пять за более короткую ночь (с 7 часов вечера до 5 часов утра).

Бык в Ярме — Шея созвездия Орла.

Звезда зари и Чан-гэн — Венера.

Созвездие Тенет — созвездие Лавра.

Сито — см. примечание к II, V, 6.

Ковш — под этим названием в древней китайской астрономии разумеются два созвездия: плечо и лук созвездия Стрельца и созвездие Большой Медведицы. Какое из них имеется в виду, сказать трудно, так как оба находятся на севере от созвездия Сита.

Ода о смуте в стране

(II, V, 10 — стр. 278)

Хань и Янцзы — большие реки южного Китая времен «Шицзина».

* * *

VI

Еще одна ода о дальнем походе

(II, VI, 3 — стр. 283)

Сменились и солнце тогда и луна, т. е. начался новый год.

Разлив реки Хуай

(II, VI, 4 — стр. 285)

А шэны и цины.— «Цин» — настроенный каменный гонг.

Жертвоприношение предкам

(II, VI, 5 — стр. 286)

Заместитель — лицо, определяемое гаданием и происходящее из одного рода с приносящим жертву. Заместитель представляет духов предков.— Его сажают на почетное место и воздают ему почести как предку.

Чистейших избрать и быков и овец, т. е. требуемых правилами обряда — одномастных, с правильно поставленными рогами и т. д.

Прорицатель — лицо, передающее просьбы духам и возвещающее их ответы. Он становится у дверей храма предков, чтобы встретить духов.

Духохранитель — заместитель предков.

И в жертву ты ныне и просо принес, и зерно.— Эта строка отличается крайней сжатостью, а потому малопонятна и допускает самые различные толкования. Ключ к правильному пониманию этого места дает Б. Карлгрен своим переводом слов «цзи ци цзи цзи» (旣齊旣稷). Чжу Си объясняет слово «цзи» (稷) как «проворный» — значение, не подтвержденное никаким другим фрагментом текста и, следовательно, сомнительное. Б. Карлгрен предлагает взять это слово в его обычном значении — «просо», которое употреблялось при жертвоприношении. Тогда «ци» (齊) мы должны взять не в значении «в порядке», как предлагает Чжу Си, а в аналогичном значении — «жертвенное зерно», которое мы находим при всех аналогичных обстоятельствах во второй строфе II, VI, 7. Тогда разбираемая нами фраза значит: было [принесено] и жертвенное зерно, было и просо. Это значительно изменяет понимание и предшествующей, и последующей строки.

Жертвоприношение предкам

(II, VI, 6 — стр. 289)

Юй — легендарный царь древнего Китая.

Шерсти клочок от ушей у быка острижем — чтобы доказать духам, что бык чистой рыжей масти.

Широкое поле

(II, VI, 7 — стр. 290)

Жатву в сто крат соберу я в год с каждого му.— Комментаторская традиция поясняет слово «ши цянь» (十千) как «десять тысяч му». Б. Карлгрен справедливо указывает, что для десяти тысяч есть особое слово — «вань» (萬) и что такой способ выражения для десяти тысяч является совершенно необычным, и предлагает понимать это выражение как «стократный урожай [тысячу на десять]». Это и отражено в нашем переводе.

Духов четырех сторон, т. е. сторон света.

Предок полей (или лучше — земледелия) — Шэнь-нун (дух-земледелец) — легендарный царь Китая.

Большое поле

(II, VI, 8 — стр. 293)

Духом могучий, их ввергни в пучину огня — Шэнь-нун имел власть над стихией огня и назывался также Огненным государем.

Общее поле — поле, сообща обрабатываемое земледельцами, урожай с которого шел в пользу владельца земли.

Встреча царя, выступающего в поход

(II, VI, 9 — стр. 295)

Ло — река в центральном Китае, на северном берегу которой находилась древняя столица Китая — Лоян.

Прекрасны, прекрасны цветы

(II, VI, 10 — стр. 296)

Коль слева поставишь такого у нас — Он места достоин как раз; Коль справа такому мы место найдем — Достоинства многие в нем.— Все чины двора делились на левую и правую сторону и становились на приемах каждый на свое место слева или справа от престола. Какую бы должность ни поручить вам, вы достойны и способны ее занять.

* * *

VII

Синяя муха

(II, VII, 5 — стр. 304)

Лжет клеветник, что ни день.— Точный перевод: не верь речам клеветы.

О вине

(II, VII, 6 — стр. 305)

Чару вина чтобы, сударь, вам выпить пришлось!— Побежденные на соревнованиях в стрельбе из лука должны были выпивать, как бы в наказание за свою неловкость, чару вина.

Лесу подобны — многочисленные, как деревья в лесу.

Встреча князей царем

(II, VII, 8 — стр. 309)

Одеждой узорной с драконом на ней.— Дословно: «Черной верхней одеждой с вышитыми на ней драконами и юбками с вышитыми на них топорами», одеянием, приличествующим достоинству князей. Все это выражено в китайском тексте всего тремя словами, из которых два слова не имеют эквивалента в русском языке.

Кормленье — уделы, получаемые князьями за службу царю. Доходы с этих владений поступали в распоряжение князей, приносящих известную дань царю.

Там ива

(II, VII, 10 — стр. 313)

Удельные князья получали от царя половину яшмового жезла (вторая половина оставалась у царя) как знак инвеституры, утверждавшей их во владении землей. Князья в определенные сроки обязаны были приходить ко двору царя Чжоу и приносить дань со своей земли, в свою очередь получая от него подарки. Однако право царя на земли князей и власть его над ними оказывались часто с ослаблением дома Чжоу чисто номинальными, между тем как аппетиты двора росли. В таких случаях князья нередко отказывались являться ко двору с данью.

* * *

VIII

Ода о запустении в столице Хао

(II, VIII, 1 — стр. 314)

Инь и *Цзи* — фамильные имена знатнейших родов эпохи Чжоу.

Ода о постройке города в Се

(II, VIII, 3 — стр. 317)

Экспедиция под командованием шаоского князя Му-гуна для постройки новой столицы княжества Шэнь была отправлена в годы правления чжоуского царя Сюань-вана (827—781 гг. до н. э.).

Се — местность, находящаяся на территории Синьянчжоу департамента Жунинфу, провинции Хэнань.

В отрядах и ратях. Отряд состоял из пятисот человек, в рать входило пять отрядов.

Ода отвергнутой жены

(II, VIII, 5 — стр. 319)

Тутовых дров, что годятся в очаг, собрала — Я их в жаровне сожгла, проливающей свет. — Я не оказала должного уважения тутовым дровам, которые могли поддерживать огонь в очаге, а были использованы мною иа лучины. Теперь мой супруг поступает со мною так, как я с дровами, лишая меня достоинства главной жены.

Наглая цапля на нашу запруду взошла, Скромный в дубраве журавль все страдает от бед. — Недостойная наложница заняла место жены [как цапля запруду, где много рыбы], в то время как законная супруга находится в неподобающем ей вместе [как благородный журавль в диком лесу].

Воин в походе восточном

(II, VIII, 8 — стр. 323)

Созвездие Би — Гиады.

Цветы на вьюнке

(II, VIII, 9 — стр. 324)

Вьюнок — «тяо» — собственно *bignonia* — мышиный хвост.

У овцы голова велика, так как все остальное тело истощено голодом.

А мережа лишь звезды поймала — отразившиеся в воде, рыбы же нет, и мережа пуста.

* * *

III. ВЕЛИКИЕ ОДЫ

I

Ода Вэнь-вану

(III, I, 1 — стр. 329)

Вэнь-ван — Царь Просвещенный. В действительности никогда не царствовал. В XII в. до нашей эры Вэнь-ван был главою удела Чжоу и, как говорит предание, своей совершенной духовной доблестью стяжал милость неба, отвернувшегося от последних представителей династии Инь или Шан за их недостойное поведение. Сын Вэнь-вана, царь У-ван (Царь Воинственный), вторгся в царство Шан и подчинил себе древний Китай. Титул царя был дан Вэнь-вану посмертно благодарными потомками, подчеркнувшими этим, что хотя Вань-ван и не царствовал, но явился родоначальником династии Чжоу и по своей мудрости был достоин престола.

Чжоу издревле в своей управляли стране, Новый престол им небесною волею дан.— Род Чжоу был древним княжеским родом, управлявшим уделом, а ныне по воле неба он получил царский престол.

Воля небес нежели не знает времен?— Разве воля верховного владыки не проявилась своевременно, даровав Чжоу престол?

Ввысь устремится Вэнь-ван или вниз снизойдет.— Подымется ли дух Вэнь-вана в небо или опустится на землю, например, для принятия жертвоприношения от благодарных потомков.

Корню с ветвями — царю Чжоу и его родичам, принявшим уделы и мелкие владения и осуществляющим власть в стране.

Воля небес.— Под волею неба понимается вручение небом власти в стране какой-либо династии, как бы мандат от неба на престол.

Нашему предку творят возлиянья, одев Платье с секирами, в прежнем убранстве главы.— Теперь же побежденные потомки дома Инь в своих древних одеждах и шапках, отличных от наших, прислуживают при жертвоприношениях родоначальнику нашей династии Вэнь-вану в нашей столице.

Ода о царях Вэнь-ване и У-ване и о покорении царства Инь-шан

(III, I, 2 — стр. 332)

См. примечания к III, I, 1.

Светлая, светлая доблесть взошла на земле — Воля державная неба сошла с вышины.— Когда внизу на земле появляется человек, сияющий светом духовной доблести и совершенной мудрости, на него нисходит величественная воля неба, дарующего ему престол.

Иньский наследник небесный престол занимал — Он и утратил четыре предела страны, т. е. законный наследник — потомок династии Инь — занимал дарованный Инь престол, но из-за своих пороков отвратил от себя небо и лишился царства.

Его средняя дочь, Жэнь по прозванью. — В словосочетании «чжун ши жэнь» (仲氏任) в четвертой строфе I, III, 3 мы не переводили слова «чжун» (仲) и переводили слово «жэнь» (任), а здесь поступаем наоборот. Дело в том, что все китайские имена и прозвища (кроме родовых имен, фамилий и т. п.) переводимы, но не всегда это удобно делать. Например, в I, III, 3 было бы очень неудобно в литературном переводе ставить «госпожа Средняя» или «госпожа Вторая», и мы предпочли слово «чжун» там транскрибировать, как это обычно и делается. Здесь же, наоборот, слово «жэнь» — «открытая душою, верная» — превратилось в прозвище матери Вэнь-вана (Тай-жэнь), и мы должны его здесь транскрибировать.

Ван-цзи — отец Вэнь-вана, один из предков дома Чжоу.

Просвещенного — Вэнь-вана.

Там, где находится северный берег у Ся, В этой стране, что у самого берега Вэй. — На берегах рек Ся и Вэй лежало большое княжество Шэнь — в современном уезде Сяянсянь, провинции Шэньси.

Дева из Шэнь,— государыню-мать заменив,— Старшая дочь из далеких явилася стран. — Старшая дочь шэньского князя вошла в дом Вэнь-вана в качестве его жены, заменив в хозяйстве его покойную мать.

Пустыня Муе — современный уезд Цисянь, провинции Хэнань.

Ода о переселении племени чжоу

(III, I, 3 — стр. 335)

Древний князь Дань-фу — один из предков дома Чжоу.

Рвенье большой барабан соразмерить не мог. — Очевидно, ударами в барабан соразмерялся темп работ. В данном случае работники опережали эти удары.

Всем начинаниям место — священное он, так как все походы, общие работы и так далее начинаются с жертвоприношения духам земли.

Юйский и жуйский князья разрешили свой спор. — Князья царств Юй и Жуй спорили друг с другом в течение долгого времени из-за пахотного поля и не могли разрешить свой спор. Тогда они пошли в Чжоу к царю Вэнь-вану. Там они увидели, что везде, куда бы они ни пошли, жители Чжоу во всем уступают друг другу. Князья устыдились, повернули обратно и, уступая друг другу спорное поле, оставили его свободным. Узнав об этом, сорок с лишним государств присоединилось к Вэнь-вану.

Славословие царю Просвещенному

(III, I, 4 — стр. 338)

Царь величавый — творит возлияние он. — Возлияние при жертвоприношении предкам, совершаемое из чаш, устанавливаемых на яшмовых таблицах — знаках их инвеституры.

Подножие Ханьской горы

(III, I, 5 — стр. 340)

На скипетре яшмовый кубок — золоченая чаша, устанавливаемая на яшмовом скипетре (знаке царского достоинства) и употребляющаяся для жертвоприношения предкам.

...И ярка Вся рыжая, чистая шерсть у быка. — Точный перевод: чисторыжий бык уже приготовлен [для жертвы].

Почтенья была преисполнена Тай-жэнь

(III, I, 6 — стр. 342)

Свекровь свою Цзян, т. е. супругу чжоуского князя Тай-вана, бабку Вэнь-вана.

Тай-сы прекрасную славу блюла. — Тай-сы, супруга Вэнь-вана, унаследовала и продолжила прекрасную славу своей свекрови.

И светлые духи не знали обид. — И духи его предков никогда не были недовольны его поступками и жертвами, которые он приносил.

Не мог отвратить он великие беды. — Имеются в виду несчастья, постигшие Вэнь-вана — заключение его в темницу последним царем династии Шан и набеги варварских племен на его княжество.

Деянья, которым он не был научен,— И те совершенны, в них мудрость видна. — Точный перевод: и те [дела], о которых он [прежде ничего] не слышал, у него получались образцово и то, чему его [прежде никто] не наставлял, также входило у него [в область совершенного].

Вышнего неба державен верховный владыка

(III, I, 7 — стр. 344)

Оба великие царства — династии Ся и Инь-Шан, правившие Китаем до династии Чжоу.

Воли небесной достойных — достойных царского престола.

Жил был Тай-бо, а при нем младший брат его Ван-цзи. Тай-бо, видя, что от Ван-цзи уже родился Вэнь-ван и зная при этом, что небо остановило

на Вэнь-ване свой выбор, удалился в страну У и не возвращался. После смерти предка царствовавшего дома царство Тай-вана было передано Ван-цзи.

Людям изменчивым не уподобишься ныне.— Точный перевод: не уподобишься отвергающим одно и хватающимся за другое.

Ми, или *Ми-сюй* — название древнего матриархального рода. Этим именем называлось царство, которым правил род Цзи. Оно находилось в пределах современной области Цзиньчжоу, провинции Ганьсу.

Княжество Юань — находилось в пределах современной области Цзиньчжоу.

Гун — название местности в княжестве Юань, современное Гунчи.

Праведный гнев твой, глубоко в груди затаенный.— Эта фраза в тексте отсутствует. Целая строка древнего текста остается здесь непонятной комментаторам и тем более переводчику, и он вынужден был, чтобы заполнить лакуну, сильно распространить следующую строку.

Царства союзные все призывая к совету.— В понимании этого места мы расходимся с Чжу Си. Чжу Си понимает фразу «сюнь эр цю фан» (詢爾仇方) таким образом: посовещавшись (или «размыслив»; Легг предлагает — take measures against) о сторонах, враждебных тебе. Чжу Си понимает здесь «цю фан» (仇方) как «враждебные царства», оставляя «сюнь» (詢) без объяснения. Слово «сюнь» встречается в «Шицзине» еще два раза (в III, II, 10, строфа третья и во II, I, 3, строфа пятая), но везде в значении «совещаться с». В значении «совещаться против, строить планы против, принимать меры против» слово «сюнь» в «Шицзине» не встречается. С другой стороны, древний глоссарий Мао дает для слова «цю» (仇) значение — «компаньон, друг, партнер». Тогда в понимании Мао фраза будет значить: посовещавшись с союзными тебе царствами. Б. Карлгрен указывает, что параллелизм между этой фразой в понимании Мао и последующей фразой заставляет нас предпочесть понимание Мао Хэна. Однако это не совсем верно. Мы уже указывали, что полный грамматический параллелизм нередко сочетается с построением строк по принципу смысловых антитез. Для решения этой задачи мы должны рассмотреть построение не двух, а четырех строк (разбираемой нами и трех последующих), объединенных словом «эр» (爾)— «твой» и построенных по принципу грамматического параллелизма. Композиционное объединение этих фраз не оставляет сомнений, и поскольку третья строка не противопоставляется по смыслу четвертой, мы должны предположить, что и первая и вторая строки не являются антитезами, и принять понимание Мао.

Обрезали уши у пленных.— Если захваченный в плен не подчинялся, то его убивали и представляли его левое ухо начальнику (Чжу Си). Как указывал Чжу Си в примечаниях к II, IV, 8, пленных обычно превращали в рабов.

Чудесная башня

(III, I, 8 — стр. 348)

Школа средь круглого озера.— На острове в своем парке Вэнь-ван устроил школу, в которой молодые люди обучались стрельбе из лука, идеальным нормам поведения и обрядам.

Ода У-вану

(III, I, 9 — стр. 349)

Комментаторская традиция считает знак «ся» (下) в начале первой строки ошибкой писца и предлагает заменить его другим, давая несколько вариантов. Мы оставляем этот знак без перевода.

У-ван — царь Воинственный, основатель династии Чжоу.

Три государя отныне на небе.— Предки царствующего дома — Тай-ван, Ван-цзи и Вэнь-ван, см. примечание к III, I, 1; III, I, 2; III, I, 7 и другим великим одам.

Ода царям Просвещенному (Вэнь-вану) и Воинственному (У-вану)

(III, I, 10 — стр. 351)

Чун — древнее царство, находившееся на территории современного уезда Хусянь, провинции Шэньси.

Фын — приток реки Вэй, притока Хуанхэ. От него получила свое название прилегающая местность и столица царя Вэнь-вана.

Фын свои воды стремит на восток — Подвиги Юй совершал свои встарь.— *Юй* — легендарный царь Китая, прорывший каналы и изменивший течения рек. С этой строфы ода посвящена царю У-вану, что доказывается следующей строфой.

Круглый, как яшмовый скипетр, пруд В Хао-столице.— Царь У-ван перенес свою столицу в город Хао, неподалеку от города Фын, в нижнем течении той же реки. Перед дворцом он приказал вырыть пруд в форме яшмового кольца — знака княжеской власти, в центре пруда на острове он основал школу.

Почтительный сын — царь Чэн-ван (1115—1078 гг. до н. э.).

* * *

II

Ода Государю-Зерно (Хоу-цзи)

(III, II, 1 — стр. 353)

Времени мало ждала она.— Чжу Си берет для слова «су» (夙) необычное значение — «уединясь в боковой покой», не подтвержденное ника-

ким другим фрагментом текста. Мы, следуя глоссарию Мао Хэна, берем «су» в его обычном значении, много раз встречающемся в «Шицзине»,— «рано, в скором времени». Это и отражено в нашем переводе.

Хоу-Цзи — Государь-Зерно — легендарный предок племени чжоу, научивший народ земледелию и впоследствии считавшийся богом-покровителем земледелия.

В узкий загон для скота положили его (младенца), чтобы скот потоптал его. Видя необычайность рождения Хоу-Цзи, думали, что оно вызовет несчастье, и решили выбросить младенца.

Просо с двойчаткой-зерном — черное просо, содержащее в одной скорлупе два зерна.

Пир

(III, II, 2 — стр. 356)

В оде дано описание пира, дававшегося главой знатного рода своим родичам после храмового жертвоприношения общему предку. Пир сопровождался пением под аккомпанемент арф и боем барабанов, а также состязанием гостей в стрельбе из лука.

Комментаторы полагают, что этот пир происходил в царском доме.

Низкие столики — подавались не для того, чтобы ставить на них пищу, но чтобы сидящие на циновках гости могли опереться на эти столики.

В равновесии строгом четыре стрелы.— При состязании каждому стрелку полагалось выпустить четыре стрелы, у которых строго выравнивался центр тяжести, что обеспечивало их прямой полет.

Желает гостям желтых волос и пятнистой спины, как у рыб, т. е. желает своим гостям дожить до самой глубокой старости, при которой волосы из белого принимают желтый цвет и спина становится пятнистой, как у рыбы.

Ода хозяину пира

(III, II, 3 — стр. 358)

Мертвых наместник — лицо, представляющее предков и принимающее от их имени жертвоприношение.

В помощь избрал ты достойных друзей — при жертвоприношениях общему предку.

Ода о наместнике мертвых

(III, II, 4 — стр. 360)

Река Цзин — см. примечание к I, III, 10.

Храм — храм предков, в котором совершалось жертвоприношение и в зад-

нем притворе которого на другой день особо чествовалось лицо, представлявшее предков.

Ода князю Лю

(III, II, 6 — стр. 364)

Князь Лю — согласно преданию, потомок Хоу-Цзи и предок дома Чжоу. Князь Лю вывел свой народ из страны западных варваров в страну Бинь, где и основал свое княжество.

Думал он свой род Во славе успокоить. — Точный перевод: он думал собрать и прославить [свой род].

Велит постлать циновки — приготовиться для пира.

В простые тыквы льет вино. — Выдолбленные тыквы служили в Китае сосудами и чашами для вина.

Как предка чтут его — признают его главой рода.

Границы очертил по тени он, т. е. по тени, отбрасываемой шестом в разное время дня, определил стороны света: север, запад, юг и восток.

Межи и подати ввел с этих пор. — Размежевал земельные участки и ввел систему их обложения.

Вэй — приток Хуанхэ.

Хуан и Го — мелкие горные потоки.

Жуй — приток реки Цзин.

Ода царю

(III, II, 8 — стр. 368)

Да будет жизнь твоя полна — да будешь ты долголетен.

Всех духов, как гостей, да вводишь в дом — да продолжишь ты жертвоприношения духам своих предков, как это надлежит главе рода, и да принимаешь их [в лице заместителя, см. III, II, 4] и да чествуешь их в своем храме предков.

По воле неба взыскан ты давно — тем, что оно давно уже вручило твоему предку и роду царство.

Будь духом чист, как скипетра нефрит. — Яшма и нефрит являются символом чистоты.

Коль царь приказы им дает, Они полюбят весь его народ. — Если вы, государь, не будете передоверять свою власть недостойным людям, а будете лично заниматься делами управления, то и ваши слуги будут заботиться о народе и любить его.

Утунги — весьма ценная и красивая порода масличных деревьев — *elaeococca*. Название «утунг», взятое из китайского языка, уже употребляется советской ботанической литературой. На эти деревья, согласно китайским легендам, садятся чудесные птицы — фениксы.

Народ страждет

(III, II, 9 — стр. 371)

Сердцу всей страны — столице.

Для четырех сторон — для всей страны.

Ода в поучение беспечному царедворцу

(III, II, 10 — стр. 373)

Добрые люди подобны теперь мертвецам, которые ничего не могут сделать.

Как с *флейтою нежной сюань звучит*, попадая в тон, с такой же легкостью небо просветляет народ.

Княжеский жезл так слагался из яшм. — Небо просветляет народ с такой же легкостью, с какою из двух половин складывается яшмовый княжеский жезл.

Перед входом поставленный щит — небольшая стенка, прикрывающая вход в ограду дома.

Где б ты ни шел, от него не укроешься, нет! — Точный перевод: оно с тобою, где бы ты ни шел.

* * *

III

Слово Вэнь-вана последнему государю Шан

(III, III, 1 — стр. 376)

Инь-Шан — вторая китайская династия — Шан (1766—1122 гг. до н. э.). Последний царь этой династии по имени Чжоу, известный своим распутством и жестокостью, был свергнут с престола вторгнувшимся в пределы его царства с запада племенем чжоу, которое основало свою династию — Чжоу. Вэнь-ван — Царь Просвещенный, глава племени чжоу, предупреждает шанского царя Чжоу о близкой гибели и призывает его положить конец своим беззакониям.

Дары его злом осквернились внизу — «Ци мин до би» (其命多辟) Слово «мин» (命) значит «воля, повеление». Отсюда идет значение — «судьба» и «натура», которою небо одаряет человека. Мы переводим здесь это слово словом «дары». Точный перевод этой фразы: его дары во многих случаях исказились злом. Это и отражено в нашем переводе. Автор хочет сказать, что натура человека, которую небо создало доброй, исказилась из-за

приобретаемых человеком при жизни пороков, и это приводит в гнев верховного владыку.

Недобрых совсем не бывает вначале, так как человек от рождения всегда добр.

Тебе отвечают пустыми словами — словами, в которых нет правды.

В царстве Срединном — в Китае.

До демонских стран — до самых отдаленных стран, населенных варварами и демонами.

Великие судьбы распасться готовы. Небо, давшее трон династии Шан, готово отступиться от нее, и тогда династия падет.

Коль валятся, корни подняв, дерева, А ветви их целы, и цела листва, То были подрезаны корни сперва.— Если царство накануне гибели при отсутствии внешних нападений и восстаний внутри со стороны князей, то, значит, сам корень этого царства — государь его — утратил сознание долга, и сам является виновником гибели.

Для Инь недалеко и зеркало есть, И память о Ся-государе жива.— Судьба тирана Цзе — последнего царя первой китайской династии Ся, свергнутого с престола первым царем шанской династии, могла бы служить зеркалом и примером для самой династии Инь (Шан) в лице ее последнего представителя.

Поручение правителю

(III, III, 2 — стр. 379)

Перед отверстием в крыше.— В северо-западных, наиболее интимных, покоях дворца обычно не делали окон, и свет в них проникал через особые отверстия в крыше. Перед отверстием в крыше — в месте, где тебя никто не видит.

Кто мне подарит душистого персика плод, Сливу всегда от меня в благодарность возьмет. Кто ж от ягненка захочет рогов, не шутя, только обманом потешит себя, как дитя.— Если правитель явит народу добрые качества, то и народ воздаст ему добром. Если же правитель захочет добра от народа, не давая ему примера сам, то он уподобится человеку, желающему получить от ягненка бараньи рога.

Ода бесчестным правителям

(III, III, 3 — стр. 384)

Нежная в пышной листве шелковица.— Под шелковицей поэт разумеет царство Чжоу, прежде цветущее, а теперь все более приходящее в упадок.

К гибели каждое царство стремится.— Разумеются враждующие между собою удельные княжества.

Черноволосых в народе не встретишь.— Все здоровое мужское население взято в войска или погибло, остались лишь седые старики.

Любят пахать они вместо «кормленья», т. е. предпочитают плоды своего личного земледельческого труда доходам от должностей и поместий, жалуемых царем, и не хотят идти на службу.

Мудрого взгляду и мудрого речи Сразу сто ли перейти — недалече.— Мудрец предвидит событие по его признакам, сам находясь далеко от места их возникновения, и слова мудреца находят распространение далеко.

И от дум Больше и больше мутится мой ум.— Точный перевод: напротив, приводит меня к помутнению рассудка.

Будет народ успокоен нескоро.— Точный перевод: народ еще не успокоен.

Ода о засухе

(III, III, 4 — стр. 389)

Звездная река — Млечный путь.

Погребены мои дары. Одним из способов передачи жертвы духам было погребение ее в землю.

О предки, как нам в трепет не придти! Не станет жертв пред вашим алтарем — царство падет и династия прервется.

Судеб великих близится конец — и царство готово пасть.

У стран земли моля обильный год.— Дословно: у [духов четырех] сторон страны и у [духов] земли.

Двух сторон вельможи — стоящие по левую и по правую сторону от трона высшие советники царя.

Никто не говорит, что неспособен он, т. е. никто не пользуется обычной формулой ухода в отставку — все остаются на своих местах.

Ода шэньскому князю

(III, III, 5 — стр. 392)

Князь Шэнь — о котором идет речь в оде, был старшим дядей чжоуского царя Сюань-вана (827—781 гг. до н. э.).

Горы святые.— Святыми горами именовались горы: Тайшань (в современной провинции Шаньдун), Хуашань (в Шэньси), Хэншань (в Хэбэй) и Суншань (в Хэнани). На этих горах царь совершал жертвоприношения.

Фу — название рода и впоследствии княжества, находившегося на территории современного уезда Наньянсянь, провинции Хэнань.

Шэнь — название рода, а затем княжества, находившегося на территории современной области Синьянчжоу, провинции Хэнань. Роды Фу и Шэнь имеют общую генеалогию и ведут ее от знаменитого в древнем Китае рода

Цзян, основатель которого был, по преданию, министром легендарного царя Яо и хранителем четырех святых гор.

Чжоу — название царствующей династии.

Царств четырех — всех уделов страны.

Се — находилось на территории современной области Синьянчжоу, провинции Хэнань.

Пребудут в веках Подвиги Шэнь у потомства в руках.— Точный перевод: последующие поколения сохранят в руках своих их [Шэнь] подвиги.

Город и крепость тебе возвели.— Точный перевод: возвели тебе городские стены.

Шао велел царь — князю Шао.

Мэй — современный уезд Мэйсянь, провинции Шэньси. Как видно, князь Шэнь следовал на юг не прямым путем, а сначала направился на северо-запад в Мэй, где царь Сюань-ван и дает ему прощальный обед.

Князю в пути пригодится оно.— Точный перевод: чтобы ускорить путешествие князя [приготовлением ему и его свите необходимых в дороге припасов].

Для власти живой образец.— Точный перевод: образец для военной и гражданской власти.

Цзи-фу, т. е. я, Инь Цзи- фу,— один из советников царя Сюань-вана.

Ода царскому наставнику Чжун Шань-фу

(III, III, 6 — стр. 395)

Чжун Шань-фу — первый советник, наставник и телохранитель чжоуского царя Сюань-вана. См. примечания к предыдущей оде, написанной тем же автором.

Одному человеку — царю.

Царское платье с изъяном бывает — и у царя есть свои недостатки.

Княжество Ци — находилось на территории Шаньдунского полуострова.

Ода ханьскому князю

(III, III, 7 — стр. 398)

Княжество Хань — находилось на территории современного уезда Ханьчэнсянь, провинции Шэньси.

Лянские горы — служили как бы естественным укреплением княжеству Хань.

Юй — легендарный царь Китая.

На великом пути.— Мы полагаем взять здесь для слова «чжо» (倬) значение «великий», которое Чжу Си предлагает для него в строфе четвер-

той III, I, 4, а не значение «светлый», которое он предлагает здесь. Значение «великий» и здесь более оправдывается контекстом.

Ханьский наш князь на великом пути, Должен к царю за указом идти.— Должен явиться после смерти своего отца к царю за получением указа, утверждающего его наследственное право на его княжество, и яшмового скипетра.

Мы не изменим указ наш державный — не снимем с тебя княжеского достоинства и не лишим тебя власти.

Сянь-фу — советник царя Сюань-вана (827—781 гг. до н. э.), дававший от имени государя прощальный пир ханьскому князю.

Фэнь-ван.— Дословно: Фэньский царь. Так был назван чжоуский царь Ли-ван (878—827 гг. до н. э.), свергнутый с престола за свои жестокости и поселившийся на берегах реки Фэнь.

Вышла невеста и с нею сестрицы.— Сестры и ближайшие родственницы невесты должны были в количестве восьми сопровождать ее и стать вторыми женами князя.

Хань-цзи — дочь Гуй-фу, жена ханьского князя.

Ханьский был город велик и достоин, Некогда яньским народом построен.— Жителями княжества Янь, находившегося на территории современной провинции Хэбей. В «Шицзине» мы находим многие примеры того, как население различных княжеств сгонялось массами к границам царства Чжоу для постройки укрепленных городов. Янь было уделом князей Шао.

Ода шаоскому князю Ху

(III, III, 8 — стр. 401)

Шаоский князь Ху — выдающийся полководец и строитель укрепленных городов на границах царства Чжоу в период Сюань-вана. Упоминания о нем мы находим в одах III, III, 6 и III, III, 8.

Цзян — река Янцзыцзян.

Хань — крупный приток Янцзыцзяна. Обе реки находились на крайнем юге древнего Китая.

Мощным потоком.— Чжу Си в шестой строфе II, V, 10 дает для слова «тао тао» (滔滔) значение «большая вода». Здесь он для тех же слов дает значение «следовать течению». Значение это не подтверждается другими фрагментами текста, и мы предпочитаем первое объяснение Чжу Си, что и отражено в нашем переводе.

Хуай — река на юге древнего Китая.

Шао Ху — шаоскому князю Ху.

Когда Просвещенный престол снискал — когда основателю дома Чжоу, царю Просвещенному (Вэнь-вану), небо передало власть над страной.

Скипетр из яшмы и кубок в нем.— Такие скипетры употреблялись для возлияний при торжественных жертвоприношениях предкам.

В храме, где Просвещенный, — его спросив.— Совершив торжественную церемонию в храме предков перед таблицей основателя династии царя Просвещенного, как бы испрашивая его одобрения.

Ода подвигам царя Сюань-вана

(III, III, 9 — стр. 403)

Царь Сюань-ван. См. примечания и текст од: III, III, 5; III, III, 6; III, III, 7 и III, III, 8.

Хуан-фу — царский советник и великий наставник. При преемнике Сюань-вана — Ю-ване (781—770 гг. до н. э.), жестоко притеснявшем народ. См. текст и примечания к оде II, IV, 9.

Нань-чжун — см. текст и примечания к оде II, I, 8.

Инь — Инь Цзи-фу, советник царя, автор од III, III, 5 и III, III, 6.

Чэнский князь Сюй-фу — имел владения, расположенные на территории собственного царского удела близ города Фын (см. примечания к III, I, 10).

Сюйские земли,— расположенные по течению реки Хуай, у южных границ древнего Китая, считались варварскими землями. Населявшие их племена часто опустошали южные княжества царства Чжоу.

Чтобы не ставил солдат, не держал их в пути, Дабы три рода работ продолжали идти, т. е. чтобы не оставлял гарнизонов в занятых местностях и не держал подолгу солдат в одном месте, а скорее заканчивал бы поход, дабы набранное в войска население центральных княжеств могло быстро вернуться домой и продолжать земледельческие работы.

Сюйские люди теперь посещают наш двор — принося дань царю и признавая свою зависимость.

Царю Ю-вану

(III, III, 10 — стр. 405)

Царь Ю-ван — согласно китайской исторической традиции, вновь привел в упадок царство Чжоу.

Законов сеть и день и ночь ждет жертв.— Точный перевод: Сети законов [никогда] не сворачиваются.

Перед ложью жен молчат мужи.— Точный перевод: [жены] зловредно изменчивы, заставляя мужей замолчать.

Как благородным на базар Сбывать за три цены товар, Так не к лицу жене твоей Оставить кросна и червей.— Женщине так же не пристало вмешиваться в государственные дела, оставив свое тканье и уход за шелко-

прядом (обычные занятия женщины в древнем Китае), как человеку знатному торговать на рынке, беря за товары втридорога.

Презрев набеги диких орд, Ты лишь со мной гневлив и горд.— Не принимая мер против усилившихся варварских племен, которые свободно вторгаются в нашу страну, ты умеешь гневаться только на меня за мое правдивое слово.

Ода бесчестным советникам царя

(III, III, 11 — стр. 408)

Шаоский князь Кан был ближайшим помощником основателя дома Чжоу — Вэнь-вана и непрестанно заботился об увеличении его владений.

Если иссохнет вода, наполнявшая пруд, Не говорят ли, что берег причиною тут? Если источник живой высыхает — тогда Не говорят ли, что в нем иссякает вода? — Дословно: не оттого ли высыхает пруд, что высокие берега препятствуют доступу в него новой воды? Не оттого ли высыхает ключ, что вода в его глубинах иссякла? Не оттого ли растет наше горе, что вы, бесчестные правители, всё шире сеете зло?

* * *

IV. ГИМНЫ

I. ГИМНЫ ДОМА ЧЖОУ

В храме

(IV, I, 1 — стр. 413)

Помощники светлые — князья, принимающие участие в царском жертвоприношении общему предку.

Вы, князья просвещенные

(IV, I, 4 — стр. 416)

Комментаторская традиция трактует этот гимн как благодарность князьям, участвовавшим в царском жертвоприношении предкам.

Гимн Тай-вану и Вэнь-вану

(IV, I, 5 — стр. 417)

Тай-ван — титул (Великий царь), присвоенный посмертно деду первого чжоуского царя. В действительности Тай-ван был вождем племени чжоу и никогда не царствовал.

Циская гора — находится в уезде Цишаньсянь, провинции Шэньси. Местность вокруг нее служила местом пребывания племени чжоу до его вторжения в центральные княжества.

Гимн царю Чэн-вану

(IV, I, 6 — стр. 418)

Царь Чэн-ван — 1115—1078 гг. до н. э.

Два государя — основоположник династии Чжоу — У-ван — и его отец, Вэнь-ван.

Гимн царю Воинственному

(IV, I, 8 — стр. 420)

Ся — название первой китайской династии, а отсюда и древнейшее название Китая.

Гимн царям У-вану, Чэн-вану и Кан-вану

(IV, I, 9 — стр. 421)

Царь Кан-ван — 1078—1052 гг. до н. э. Правления этих трех царей следовали одно за другим.

* * *

II. ГИМНЫ ДОМА ЧЖОУ

Повеление царя надсмотрщикам за полевыми рабстами

(IV, II, 2 — стр. 424)

Личные пашни... на протяжении всех тридцати ли.— Личные наделы десяти тысяч земледельцев были равны квадрату со сторонами в тридцать ли.

Стократную жатву — см. примечания к II, VI, 7.

Дружная пара.— Обычно хозяйства земледельцев соединялись по два и совместно вели все земледельческие работы.

Слепые явились

(IV, II, 5 — стр. 427)

Слушают музыку предки — духи предков, явившиеся на устроенное в их честь торжественное жертвоприношение, сопровождаемое пением гимнов, музыкой и танцами.

Чжу деревянный и юй, цинов звучащих набор.— «Чжу» — деревянное било в виде открытого, суживающегося книзу ящика, в который бьют изнутри колотушкой; «юй» — трещотка в форме лежащего тигра со вставленными в его спину металлическими пластинками, по которым проводят расщепленной бамбуковой палочкой. См. примечания к II, VI, 4.

Гимн при принесении в жертву рыб

(IV, II, 6 — стр. 428)

Цюй и Ци — названия двух притоков реки Вэй, пересекающих округ Яньаньфу, провинции Шэньси.

Благодарение князьям, принимавшим участие в царском жертвоприношении

(IV, II, 8 — стр. 430)

Ныне князья предстают пред царем, т. е. перед таблицей покойного князя в храме предков в торжественной церемонии, испрашивая у него утверждения их инвеститур и законов правления в их княжества.

Гимн царю Воинственному

(IV, II, 10 — стр. 432)

Инь победил, прекращая повсюду убийства.— Победил последнего царя Иньской (предшествующей) династии и этим положил предел его жестокостям.

* * *

III. ГИМНЫ ДОМА ЧЖОУ

Гимн усопшему отцу

(IV, III, 1 — стр. 433)

В мыслях мы, о державный, преславный наш предок,— Воспаришь ты и снидешь на храмовый двор.— Имеется в виду дух, который то поднимается к небесам, то опускается на храмовый двор для принятия жертвоприношений и т. п.

Гимн усопшему отцу

(IV, III, 2 — стр. 434)

Но духи всегда во дворе.— См. примечание к IV, III, 1.

Обращение царя к советникам

(IV, III, 3 — стр. 435)

С высей всегда енисходя, оно около нас — Наши деянья зрит проникающий глаз.— Точный перевод: оно поднимается в выси и нисходит, и каждодневно наблюдает здесь за нашими деяниями.

Поучение царя

(IV, III, 4 — стр. 436)

Был поначалу на персике слабый птенец. Порх! Улетел он и хищником стал, наконец.— Точный перевод: поначалу действительно это была персиковая букашка (маленькая птичка). Порх! Полетела и стала [большой] птицей.

Приготовления к жертвоприношению

(IV, III, 7 — стр. 441)

Здесь описаны приготовления к царскому жертвоприношению общему предку, которые обычно производились князьями, родичами царя.

Шапки одели, как должно, почтенья полны.— Во всех торжественных случаях, там где надо было выразить свое уважение к происходящему, в Китае не снимали шапки, а надевали их.

О, как прекрасны были рати

(IV, III, 8 — стр. 442)

Комментаторская традиция сообщает, что это гимн основателю династии Чжоу — царю Воинственному.

Гимн царю Просвещенному

(IV, III, 10 — стр. 444)

Этот гимн исполнялся в храме при церемонии раздачи инвеститур князьям на их владения.

Царь Просвещенный прославлен своими трудами.— Точный перевод: царь Просвещенный ревностно трудился.

О державный дом Чжоу

(IV, III, 11 — стр. 445)

Священные пики крутые — на которых царь приносил жертву небу.

* * *

IV. ГИМНЫ КНЯЗЕЙ ЛУ

Включением этой главы в раздел гимнов, а не в раздел, например, малых од, мы обязаны, по-видимому, общему происхождению чжоуских царей и луских князей, а главным образом тому обстоятельству, что Конфуций, впервые отредактировавший «Книгу песен», был сам родом из Лу. Это было небольшое княжество на Шаньдунском полуострове. Сколько-нибудь заметной роли в истории древнего Китая оно не играло, но оно стало родиной конфуцианства, официально принятого в Китае с II в. до н. э. философского, политического и этического учения, пользовавшегося с этого времени колоссальным влиянием.

Мощные были у нас скакуны

(IV, IV, 1 — стр. 446)

Кони такие не знают предела. — Мы расходимся здесь с Чжу Си в интерпретации слова «сы» (思), которое он берет в его основном значении «думы». Так как одно слово «думы» удовлетворить Чжу Си не может, то он говорит, что это думы луского князя Си-гуна беспредельны и т. д., сразу обнаруживая тенденциозность своего объяснения. Мы склонны в своем переводе следовать комментарию Чэнь Хуаня, берущего «сы» в качестве непереводимой ритмической единицы. В таком значении это слово (согласно объяснению Чжу Си) встречается в «Шицзине» около ста раз и, в частности, в разделе гимнов Лу этим словом начинается IV, IV, 3. Подразумеваемое подлежащее «кони» мы, как обычно, берем из предыдущих строк.

На пиру у князя

(IV, IV, 2 — стр. 448)

Цапель слетается белая стая — танцоры, украшенные перьями этих птиц и подражающие им в танце.

Посещение школы

(IV, IV, 3 — стр. 450)

В учреждаемых князьями школах, обязательной принадлежностью которых был полукруглый пруд в форме яшмового княжеского жезла, преподавались правила поведения, музыка, письменность, счет, стрельба из лука и искусство водить боевую колесницу. Эти школы таким образом подготавливали административный аппарат княжеств, бывший одновременно и командным составом армий.

Варваров с Хуай — племена, жившие по берегам реки Хуай к югу от луского княжества.

Гао-ю — советник легендарного царя Шуня, прославившийся своей мудростью.

Воинов множество крепких и крепких возниц.— Следом за каждой боевой колесницей шел отряд пехоты, обычно в пятьдесят человек, который устремлялся в прорыв во вражеских рядах, образуемый несущейся колесницей.

Посещение храма

(IV, IV, 4 — стр. 453)

Так он продолжил преславные Юя дела.— Легендарный царь Юй после потопа изменил русла рек, провел каналы, разделил страну на девять областей и обложил окрестные племена данью, а предок чжоуских царей и луских князей — Государь-Зерно (Хоу-Цзи), продолжая дело Юя, научил народ земледелию и тем окончательно утвердил благосостояние Китая.

Шанское царство он (Тай-ван — Великий царь — *А. Ш.*) *стал подрывать* — привлекая к себе народ своими качествами доброго правителя и этим ослабляя царствовавшую тогда (в) Китае династию Инь (Шан).

Равнина Муе — находится в современном уезде Цисянь, провинции Хэнань. На этой равнине произошел бой между вторгшимися в центральные княжества племенами чжоу и войсками последнего шанского царя. В результате выигранной битвы династия Инь (Шан) была свергнута, и чжоуские цари вступили на престол.

«Дядя!» — наш царь говорит тогда. Комментаторская традиция указывает, что под словом «дядя» здесь разумеется брат царя У-вана Чжоу-гун (чжоуский князь) — основатель династии луских князей, а под словом «царь» — царь Чэн-ван, сын царя У-вана.

Лускому князю пожалован царский указ — князю Бо-циню, сыну чжоуского князя.

Сын Чжуан-гуна, т. е. ныне правящий князь Си-гун, которому и посвящен этот гимн.

Танцы, все время меняяся, радуют взгляд.— Точный перевод: танцы «вань» (или все танцы?) великолепны и многочисленны.

Цзинские орды и Шу — княжество Цзин, или Чу, было одним из мощных государств того времени, но считалось китайцами полуварварским. Оно лежало у юго-западных окраин Китая. Государство Шу было с ним в союзе.

С желтою космой волос и дельфиньей спиной, т. е. таких, у которых волосы от старости пожелтели и спина стала пятнистой, как у дельфина,— самых преклонных, почтенных и мудрых стариков.

Тайская гора (Тайшань), находившаяся на Шаньдунском полуострове, почиталась священной, так как на ней царь приносил жертвы небу.

Сюйские земли — находились к югу от Лу и считались также полуварварскими.

Мань и *мо* — южные племена.

...*Чан и Сюй-тянь возвратив их в родимый удел.*— Точный перевод: овладев городами Чан и Сюй-тянь. Это были луские города, отторгнутые от Лу во время внутренних междоусобиц китайских князей. Чан и Сюй-тянь находились к западу от Лу.

Старость до детских зубов.— Китайцы верили, что у самых глубоких старцев, после того как выпадут все зубы, на их местах якобы вырастают новые мелкие «детские» зубы.

* * *

V. ГИМНЫ ДОМА ШАН

Шан — китайская династия (1766—1154 гг. до н. э.), переменившая в 1401 г. до н. э. свое название на Инь. Археологические раскопки последнего времени свидетельствуют о высокой культуре в Китае в ту эпоху. Особым изяществом и красотой отличались шанские бронзовые сосуды, не уступающие по красоте лучшим греческим образцам.

Гимн царю Чэн-тану

(IV, V, 1 — стр. 458)

Чэн-тан, или Тан,— основатель династии Шан. В данном случае вызывается его дух принять жертву, принесенную его царствующим потомком.

Гимн царю Чэн-тану

(IV, V, 2 — стр. 460)

Мы осторожно и мирно приносим свой дар.— Точный перевод: мы осторожны и спокойны. Чжу Си относит оба эти слова к мясному отвару, понимая «цзе» (戒) как «заранее [и тщательно] приготовленный», а «пин» (平) как «приятный». Вслед за Карлгреном мы полагаем, что вся эта фраза является описанием обстановки ожидания появления духа предков. IV, III, 7 дает нам описание приготовления к жертвоприношению предкам. Оно должно происходить без шума и споров, в благоговейном молчании, как об этом говорит и последующая строка гимна.

Съехались жертву принесть тебе вместе со мной.— Речь идет об удельных князьях.

Гимн царям Чэн-тану и У-дину

(IV, V, 3 — стр. 461)

У-дин (1324—1265 гг. до н. э.). Поскольку царь У-дин не назван здесь своим посмертным титулом, мы имеем основание думать, что гимн был составлен при его жизни. Однако это, конечно, требует и других, более убедительных доказательств.

Ласточка, волей небес опустившись с высот, Шанских царей порождает прославленный род. — Согласно легенде, Цзянь-ди — дочь князя Сун и жена царя Гао-синя — вместе со своим супругом совершала весеннее жертвоприношение, моля о ниспослании ей потомства. К ней слетела ласточка и положила яйцо. Цзянь-ди проглотила яйцо и родила мальчика по имени Се. Когда Се вырос, он был взят на службу легендарным царем Яо, поставлен главным советником царя по делам просвещения и пожалован уделом в Шан (современная область Шанчжоу в провинции Шаньси). От него произошел род шанских царей.

Над девятью областями он царствовал сам. — Точный перевод: овладел девятью областями. Другими словами — всем Китаем, поделенным на девять областей.

С тканным драконом десятки упряжек в наш дом Ныне привозят дары драгоценным пшеном. — Десятки четверок под княжескими знаменами привозят нам пшено, предназначенное для жертвоприношения нашим предкам.

...На тысячу ли Тянутся площади собственной царской земли, Вплоть до морей рубежи его царства дошли. — На тысячу ли во все стороны тянутся собственные земли царя, и до морей простирается его царство, считая владения подвластных ему князей.

Цзинский наш холм лишь Река обтекает кругом, т. е. Цзинскую гору, у подножия которой расположена столица Бо (провинция Хэнань), обтекает Хуанхэ.

Гимн царю Чэн-тану и его предкам

(IV, V, 4 — стр. 462)

Воды потопа широко, широко пошли, Юй приводить стал в порядок пределы земли. — Периодические разливы Хуанхэ, причинявшие стране огромные опустошения, породили в Китае легенду о потопе. После потопа царь Юй стал приводить страну в порядок: он изменил русла рек, прорыл каналы, соорудил дамбы, защищающие от наводнений, разделил страну на девять областей и обложил данью окрестные народы.

В нашей возросшей стране. — Точный перевод: окружающие границы стали протяженны.

Сун — название рода шанских царей.

Владыка — небесный владыка.

Черный царь — Сюань-ван. Так посмертно был титулован Се, предок шанских царей, рожденный от «черной птицы» (ласточки) — см. IV, V, 3. В действительности он никогда не царствовал.

Сян-ту — внук Черного царя Се.

Яшмы держал и большие и малые он: Стали уделы кистями у царских знамен. — Князья стали являться к нему со своими яшмовыми жезлами, и их уделы признали свою зависимость от нового царя.

Силу и мощь подчиненных ему государств. — Чжу Си находит этот фрагмент непонятным и приводит различные версии его толкования ранними комментаторами. Одной из этих версий мы и воспользовались для нашего перевода.

Тигру подобный,— он взял свой топор боевой. — Комментаторская традиция берет для слова «цянь» (虔) значение «почтительно», поясняя всю фразу добавлением слов — «исполняя волю неба» и перефразируя ее так: почтительно исполняя волю неба, он взял свой топор боевой. Вслед за Карлгреном, мы считаем такое толкование типично схоластическим. Знак «цянь» имеет основное значение — «убивать», которым пользуется Карлгрен, а исходное его значение, как показывает его детерминатив,— походка тигра. Это и отражено в нашем переводе.

Отпрыска три еще выпустил гибнущий ствол. — Три княжества — Вэй, Гу и Гунь-у в союзе с последним государем династии Ся (первая китайская династия) еще пытались оказывать сопротивление Чэн-тану.

Державший кормило — так именовался главный советник Чэн-тана — И-инь.

Гимн предку

(IV, V, 5 — стр. 465)

Предок [*Возвышенный*] — *Гао-цзун.* Так был посмертно титулован царь У-дин. Имя Гао-цзуна не упоминается в самом тексте, но поход на южное «варварское» царство Цзин-чу (впоследствии одно из мощных княжеств Чу) был совершен именно этим царем. Отсюда Чжу Си делает вывод, что этот гимн был посвящен именно ему.

Ди-цян — название самых отдаленных из известных древним китайцам западных племен.

Нас, что за ним родились — своих потомков.

Сосны и туи на ней устремилися ввысь. — Точный перевод: сосны и туи были прямы.

СОДЕРЖАНИЕ

I. НРАВЫ ЦАРСТВ

I. Песни царства Чжоу и стран, лежащих к югу от него

II. Песни царства Шао и стран, лежащих к югу от него

III. Песни царства Бэй

IV. Песни царства Юн

V. Песни царства Вэй

VI. Песни царской столицы

VII. Песни царства Чжэн

VIII. Песни царства Ци

IX. Песни царства Вэй

X. Песни царства Тан

XI. Песни царства Цинь

XII. Песни царства Чэнь

XIII. Песни царства Гуй

XIV. Песни царства Цао

XV. Песни царства Бинь

II. МАЛЫЕ ОДЫ

I

II

III

IV

V

VI

VII

VIII

III. ВЕЛИКИЕ ОДЫ

I

II

III

IV. ГИМНЫ

I. Гимны дома Чжоу

II. Гимны дома Чжоу

III. Гимны дома Чжоу

IV. Гимны князей Лу

V. Гимны дома Шан

ПРИЛОЖЕНИЯ

Шицзин

Утверждено к печати
редколлегией „Литературные памятники“
Академии наук СССР

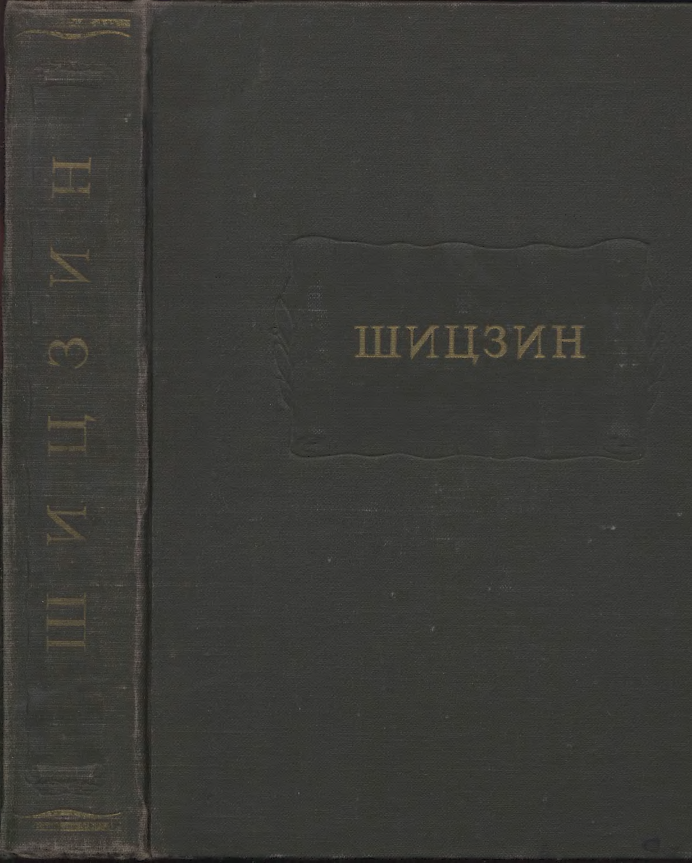
Редактор издательства *О. К. Логинова*
Технический редактор *Н. И. Москвичева*

РИСО АН СССР № 5-103В. Сдано в набор
16/VII 1957 г. Подписано к печати 25/XII 1957 г.
Формат 70×92¹/₁₆. Печ. л. 38,25=44,75 усл. п. л.
19,1 уч.-издат. л. Тираж 3500 экз.
Изд. № 2348. Тип. зак. № 1835

Цена 13 руб.

Издательство Академии наук СССР
Москва Б-64, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ШИЦЗИН
ШИЦЗИН

